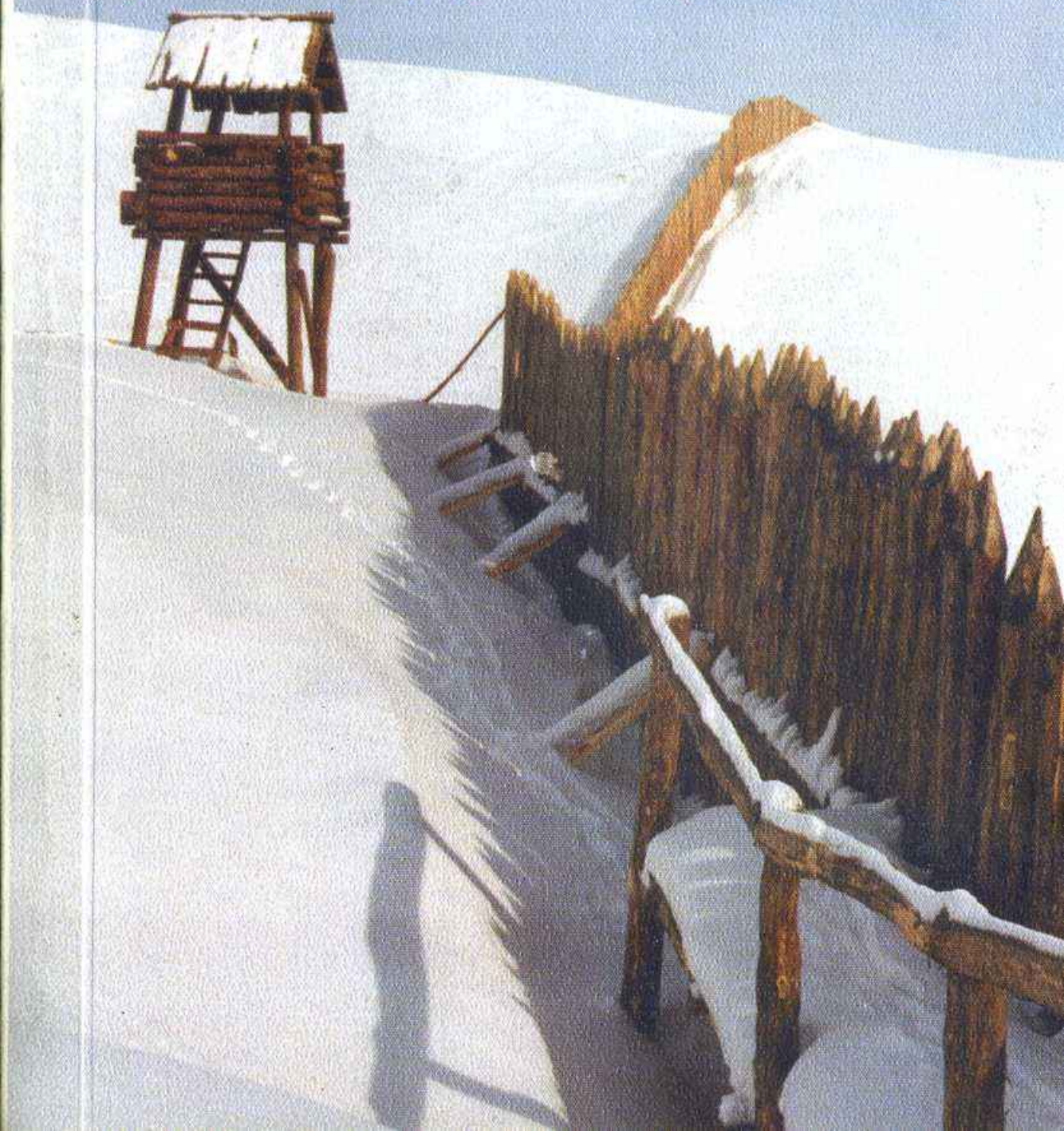

№ 6

ГОСТИНЫЙ ДВОР

К двухсотлетию со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина

«Гостинный Двор» № 6, 1999
Альманах

Учредители:

Оренбургская областная писательская организация (СП России),
Комитет по культуре и искусству Администрации Оренбургской области

Главный редактор И. А. Бехтерев

Редакционная коллегия:

Емельянова Н. А.	Ренев В. В.
Кожеевникова Н. Ю. (Бузулук)	Рыков П. Г.
Корсунов Н. Ф.	Тепляшин А. А. (Новотроицк)
Краснов П. Н.	Филатов А. Н. (Тоцкое)
Петрова Л. П.	Хомутов Г. Ф.

На первой странице обложки: «Белогорская крепость». Фото В. Бушухина

Художник В. С. Бобров

Адрес редакции: 460000, Оренбург, улица Бурзянцева, 25
Телефоны: (3532) 77-49-01, 77-24-35, 70-66-54.

Корректор — Е. Г. Попова
Компьютерный набор — Е. В. Линник
Компьютерный дизайн — И. В. Патушин

Сдано в набор 16.11.98. Подписано в печать 26.02.99.
Формат 60x84/16. Печать офсетная. Гарнитура GaramondNarrow. Объем 15 п. л.
Тираж 2500. Заказ 777.

Свидетельство о регистрации № Б-1141 от 19 октября 1994 г. в региональной инспекции по
защите свободы печати и массовой информации, г. Екатеринбург

Оренбургское книжное издательство
460000, Оренбург, улица Бурзянцева, 25

Отпечатано в Раменской типографии с готовых оригинал-макетов.
Московская область, г.Раменское, Сафоновский проезд, д.1. Тел.: 377-07-83.

ISBN

© Альманах «Гостинный Двор», 1999

(Из Пиндемонти)

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ротизу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги,
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит слухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Все это, видите ль, слова, слова, слова.
Иные, лучшие мне дороги права;
Иная, лучшая потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа —
Не все ли нам равно? Бог с ними.

Никому
Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественной природы красотам,
И пред созданными искусствам и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.
— Вот счастье! вот права...

А. С. Пушкин,
15 июля 1836 г.

ПРОЗА
И ПОЭЗИЯ

- 6 **В. Одноралов.** Как Марья Антоновна Пушкина съела
28 **Е. Тимашева.** Стихи к Пушкину
84 **А. Крюков.** Рассказ моей бабушки.
Предисловие А. Г. и В. Ю. Прокофьевых

В ЗЕРКАЛЕ
ИСТОРИИ

- 9 **Ю. Зобов.** «Я по совести исполнил долг историка...»
49 **Т. Савинова.** Зарисовки оренбургского быта 30-х годов XIX века
55 **Е. Вертоусова.** Холера 1829-1833 годов в Оренбургском крае
62 **Г. Матвиевская, И. Зубова.** Друзья Пушкина в Оренбурге
70 **А. Прокофьева, В. Прокофьев.** Оренбургские читатели и почитатели А. С. Пушкина
72 **С. Сорокина.** Пушкинская хроника Оренбуржья
77 **Р. Чубарева.** Посмертная маска А. С. Пушкина
78 **Т. Судоргина.** «Парадиз»
82 **Т. Судоргина.** Тогда, в тридцать седьмом...
180 **Н. Каразин.** От Оренбурга до Ташкента. *Очерк.*
Дедушка Буран, бабушка Пурга. *Сказка.*
Вступительное слово А. Г. и В. Ю. Прокофьевых

ОРЕНБУРГ —
УРАЛЬСК

- 29 **Н. Чесноков.** Три дни в Уральске

КУЛЬТУРНЫЙ
СЛОЙ

- 105 **Н. Емельянова.** Свой Пушкин. *Разговор со скульптором Н. Г. Петинной*
108 **Р. Рафикова.** По высшим законам. *Пушкин и Тукай*
110 **Л. Медведева.** «...серьезный и честный художник»
112 **И. Бигсев.** Свидания с «Капитанской дочкой»
117 **Н. Волобуева.** Наследство
119 **В. Ронжес.** Оренбургская пушкинина

БЕСЕДКА

- 120 **И. Коннов.** Прогулки по старому Оренбургу
124 **В. Муравцев.** Игра и власть
142 **Е. Курдаков.** Table-Talk
153 **С. Скибин.** «Невольник чести беспощадной...»
166 **Ю. Лифшиц.** Уроки Пушкина
170 **О. Балыков.** Оренбург XXI века и А. С. Пушкин.
Футурологические мечтания краеведа
173 **А. Чибилев.** А что, собственно, видел Пушкин?

ЛИЧНОЕ
МНЕНИЕ

- 137 **В. Махнач.** Выбор благоверного князя

ВРЕМЯ
ДЕЙСТВИЯ

- 175 **Ф. Подольских.** «Иль мало нас?»

ДОКУМЕНТ

- 27 ...О числе ревизских душ в Оренбургской губернии...

БЕЗ

- 54 ...Ведомость сметным и действительно продовольственным ценам за 1833 год

КОММЕНТАРИЯ

- 81 О числе монастырей, церквей каменных и деревянных
83 ...О состоянии конского войскового завода
188 ...Ведомость угонам скота на Оренбургской линии в 1833 и 1834 годах
206 «В 1833 году состояло...»
228 О состоянии градских полицейских команд и пожарной части в 1833 и 1834 годах

КАЗАЧЬЯ
ЛИНИЯ

- 189 «Киргизский пленник». *С. Е. Сорокина*
190 **С. Н. Севастьянов.** Иван Васильевич Подуров.
Историко-биографический очерк

КАМЕННЫЕ
ЛЕТОПИСИ

- 209 **В. Дорофеев.** Белогорская и другие
217 **М. Чумаков.** Красногорская крепость, ставшая Белогорской
220 **Г. Десятков.** По следам Пугачёва

ПЕРСОНАЛЬНОЕ
ДЕЛО

- 225 **В. Семёнов.** «Я по молодым моим летам...»
Л. В. Соколов и В. И. Даль
229 Судьба Пушкиниста. *Новые документы о пребывании Н. В. Измайлова в Оренбурге. Е. Вертоусова, А. Прокофьева*

НАРОДНЫЕ
МЕМУАРЫ

- 232 Береги честь смолоду! *О Всероссийском литературном конкурсе «Капитанская дочка». Г. Хомутова*
233 **А. Поветкин.** История Отечества — в истории семьи.
Историографическая работа
240 О работе Алеши Поветкина. *П. Краснов*

И счастье нем улыбнулось: целых пять гаршинских стихотворений, с каким-то даже рисунком, были напечатаны. Поскольку я расписал редактору нелегкую жизнь сельского поэта, гонорар ему выписали царский: сорок семь рублей, половину его месячного заработка! Мария Антоновна онемела от радости. Она забрала с печати его тетрадки и поместила их в тумбочку под телевизором, где лежали у нее паспорта и какие-то облигации.

А Гаршин — светились все! Главное-то в чем? Как я уже говорил, он жадно любил Пушкина, и у него, понятно, была мечта: иметь в доме полное собрание сочинений поэта. В 10 томах! И стоял такой десяти томник — десять синих, увесистых томов — в районном книжном магазине, стоял до первого командированного грамотея с деньгами. И гаршинского гонорара как раз хватало на эту покупку. Даже оставалось на конфеты и колбасу с селедкой. Он прямо как в небо собрался.

— Деньги за стихи — на стихи и потрачу, — твердо объявил он жене. — Пушкин в доме! Это ж не на одну мою жизнь...

Мария Антоновна не возражала даже и тогда, когда он позвонил из управления в магазин (по моему, впрочем, совету) и попросил, чтобы неоплаченные стихи Пушкина отложили для него, недавно напечатанного в областной газете поэта. И Пушкина отложили.

В субботу Гаршин собрался в район. Мария Антоновна завязала в чулок какие-то сбербонны и сказала, вздохнув: «Ладно. На мою нужду у меня — есть. А ты уж (вздых) траться на своего Пушкина».

И они поехали. Вечером после работы я сразу побежал к ним. Нам выдали аванс, и мне очень хотелось отпраздновать с Мишей его десяти томик Пушкина. Я представлял, как раскрывает он дрожащими руками толстые томы, находит незнакомое стихотворение, как сопяет у него за плечами его сероглазые ангелы... Но в хате оказалось сумеречно и пусто. Дети возлились на огороде, а самого не было дома.

— По деревне где-то шалается! — резко, словно в чем-то весь мир обвиняя, сказала Мария Антоновна.

Гаршина я нашел в клееном папсиднике возле селы в обнимку с поллитровкой, не слышно, но зло как-то пьяным.

— Друг... тебе я рад, — сунулся он ко мне бледным лицом. — А Пушкин? Что Пушкин... Съела она моего Пушкина. Съела!

— То есть, как? — недоумевала я.

— А так, очень просто, как свинья, не глядя, съела... И действительно, все было просто. На базаре Марье Антоновне приглянулась кофточка. Чтоб не триста, как она объяснила, на три узла завязанным чулком в толкотне, она взяла у него пушкинские деньги. «В магазине-то чулок сподручнее развязать!» — убиждала она мужа. В благодарность за то, что жена не пилит его по поводу покупки ненужных, бесполезных по ее мнению книг, он уступил. В магазине же чулок развязали, а там оказались трешнички да еще с рубль мелочью. Жена, конечно, разгнала виновность, она-де забыла, что потратила уже деньги на школьную форму и на что-то там из нижнего белья. Но по дороге, выведенная из терпения обличениями мужа, сорвалась:

— А то б я тебе дала на эту кофточку деньги переводить! Десять книжек стихов! Да их в черный день на мерзлую картошку не поменяться. Сам вон давай, сочиняй. А то — отдай ему, вишь, сорок рублей не знай ни что...

— Это Пушкин тебе не знай что? — взорвался Гаршин и бросился на свою башнеподобную супругу. Она хоть и отбивалась, но переплутала так, что забыла даже про сдачу от кофточки. И вот जबная расчетливость оставившие деньги Гаршин впервые безоглядо пропил, да еще назимал почти на десятку, да недело почти не клал никому пещей, не плотничал и не стелярничал...

— Эх, съела баба Пушкина... Погиб поэт, невольник чести. Но! Я до города дойду найду-куплю другое собрание. И Лермонтова тоже куплю, — грохнулся он до осени, до самого нашего отъезда. Перед ноябрьскими удалось напечатать еще три его стихотворения, а потом редактор узнал, что мой пепел — далеко не комсомолец. В том году я ушел служить в армию, а по возвращении через полных три года имя его мне больше не попадалось ни в областных газетах, ни в его районе, хотя стихи она печатала постоянно. Мария Антоновна, вероятно, не одно-то только Пушкина съела.

Юрий Степанович Зовов
родился в 1934 г.
в п. Саракташ
Оренбургской обл.
Окончил Оренбургское
педагогическое училище,
Саратовский
государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского
(исторический факультет).
Кандидат исторических наук,
профессор кафедр истории
России Оренбургского
государственного
педагогического университета,
заслуженный работник
Высшей школы РФ.
Автор более 240
опубликованных трудов
по истории Южного Урала.
Лауреат Урало-Уральской премии
им. В. П. Вирколова и премии
им. К. Д. Ушинского.
Член редколлегии
энциклопедии «Оренбуржье».

Юрий Зовов

«Я ПО СОВЕСТИ ИСПОЛНИЛ ДОЛГ ИСТОРИКА...»

В начале 1833 г. Пушкин решил заняться историей восстания Пугачева. В течение короткого времени — за несколько месяцев — Пушкин изучил массу архивных и литературных источников и уже в мае того года подготовил первоначальный вариант «Истории Пугачева». Видя, однако, незавершенность его, поэт почувствовал необходимость своими глазами увидеть места, связанные с крестьянской войной 1773-1775 гг., а главное, встретиться со старожилами — очевидцами и, возможно, участниками восстания, чтобы через них уяснить для себя иной взгляд на эти события.

ПОЕЗДКА В ОРЕНБУРГСКИЙ КРАЙ

Получив «высочайшее» разрешение на поездку в Казанскую и Оренбургскую губернии, Пушкин 17 августа (ст. ст.) покинул Петербург и отправился на восток. В течение полутора месяцев ему предстояло на почтовых лошадах проехать около трех тысяч верст по маршруту: Москва — Владимир — Нижний Новгород — Казань — Симбирск... Ехал он быстро, нередко не только днем, но и ночью. Его сопровождал камерлинер Г. Калашников, который не столько облегал тяготы дорожной жизни, сколько прибавлял хлопот, о чем можно судить по письмам Пушкина к жене: «Одно меня сокрушает: человек мой... туп, говорлив, через день пьян, ест мои холодные дорожные рыбчики, пьет мою мадеру, портит мои книги и по станциям называет меня то графом, то герцогом...»

После Симбирска¹, переправившись на левый берег Волги, путешественник направился к границам Оренбургской губернии. Уточнить дальнейшую часть маршрута позволяет хранящаяся в Центральном государствен-

¹ Пушкин «14 числа выехал из Симбирска к Оренбургу, но возвратился с 3-й станции, зная перебежать его дорогу, и Пушкин, верный предрасудку, не решился продолжать своего пути. Только 18 сентября он прибыл, наконец, в Оренбург». «Труды СВЯС, вып. IV, 1900.

ном военно-историческом архиве (ЦВИА) карта Оренбургской губернии 1831 г. Обозначена на ней «Большая почтовая дорога» от Самары на Оренбург шла на пригород Алексеевск, затем по правому берегу Самары через Мочинскую слободу, Борскую крепость. Переправа через Самару была не у Алексеевска, как считает Ю. Л. Славинский, а у Борской. Далее путь лежал через Запальную, Еланскую, Бузулук, Погромное, Тоцкую, Кирсановку, Сорочинскую, Бурдыно, Воробьевский умет, Новосергиевскую, Переволоцкую, Татищевскую, Рычковский, Черно-реченскую и, наконец, Оренбург.

Именно этой дорогой и сжал в середине сентября А. С. Пушкин.

Повторим мысленно этот путь и попытаемся представить, каким было тогда наше Оренбуржье и что, какие его достопримечательности и особенности могли привлечь внимание великого поэта.

Без сомнения, не мог пройти незамеченным Бузулукский бор, жемчужина оренбургской природы. Минювая ега, дорога пролегла по бескрайним степям, «сыртам», лишь иногда перемежающимся лесами по речным долинам.

Если предположить, что, собираясь в путь, Пушкин интересовался местами, по которым ему предстояло ехать, то об Оренбургской губернии он мог узнать следующее. Губерния, образованная в 1744 г., после ряда административных изменений располагалась в 30-х гг. XIX в. на площади в 339 447 кв. верст и состояла из 12 уездов: Бузулукского, Бугурусланского, Бугульминского, Бирского, Белебеевского, Верхнеуральского, Мензелинского, Оренбургского, Стерлитамакского, Троицкого, Уфимского, Челябинского. Это вся современная Оренбургская область, Башкирия, часть Татарстана, Челябинская и часть Самарской области. На этих пространствах проживало тогда 1,7 млн. человек. Плотность населения была намного ниже, чем во внутренних губерниях, причем сохранялась еще много неосвоенных плодородных земель, но уже шел процесс их интенсивного заселения.

Основу экономики составляло сельское хозяйство, в котором было занято свыше 95 процентов населения. Пахотные земли занимали более 4 млн. десятин, не считая казачьих и башкирских земель, среднегодовые

сборы зерна составляли 80-100 млн. пудов. О значительном развитии скотоводства свидетельствуют официальные данные, согласно которым в 1833 г. в губернии насчитывалось 6,2 млн. голов скота (по 3,6 головы на душу населения).

Промышленность была представлена 24 горными заводами, дававшими в год 980 тыс. пудов чугуна, 714 тыс. пудов железа, 50 тыс. пудов меди, Илецким соляным промыслом (1,5 млн. пудов соли) и мелкими предприятиями по переработке сельскохозяйственного и природного сырья: суконными, салотопными, мыловаренными, кожевенными, винокурными, кирпичными, поташными, деревообрабатывающими и пр.

Важную роль в жизни губернии играли торговля с киргизами (казаками) и со Средней Азией, осуществлявшаяся через меновые и гостиные дворы Оренбурга, Орска, Троицка и достигавшая объема более 3 млн. руб. среднегодового товарооборота.

Яркой особенностью края был крайне неоднородный социальный и национальный состав его населения: русские, украинцы, татары, башкиры, казаки, калмыки, чувашки мордва и др., представлявшие различные категории (государственные, помещичьи, удельные, заводские), казаки...

Городское население, сосредоточенное в 14 городах края, было малочисленным и составляло около 1,5 процента от общего числа всех проживающих в губернии.

Первым сравнительно крупным населенным пунктом, встретившимся Пушкину, был Бузулук, основанный за столетие до того времени, в 1736 г. О том, как выглядел город в 30-е гг. XIX в., можно судить по следующему статистическому описанию: «Строение в городе почти все деревянное, строения острога и присутственных мест, кои каменные; церковь одна, деревянная, и до 400 обывательских домов. Число жителей простирается до 1000 душ мужского пола... Вся промышленность города заключается в двух небольших кожевенных заводах». Ежегодно с 1 по 7 октября в городе устраивался ярмарка, на которую съезжались купцы из Тулы, Шуи, Самары, Бугуруслана, Оренбурга, крестьяне окрестных селений. На ярмарке, отмечал современник, «торг бывает порядочный и народу собирается до 3000 человек».

Ю. Зобов. «Я по советам исполнил долг историка».

Бузулук являлся центром одного из самых крупных уездов губернии — Бузулукского, в котором числилось тогда шесть крепостей, две слободы, 16 сел, 44 сельца, 104 деревни и 23 калмыцких зимовья. Жило здесь в 1833 г. около 75 тыс. человек. Основную часть составляли крестьяне (государственная — 45 тыс., помещичьи — 19 тыс., удельные — 3 тыс.), казаков насчитывалось 6 тыс.

«Крестьяне сего уезда, — отмечалось в том же статистическом описании, — равно казаки и отставные солдаты занимаются немалым хлебопашеством; хлеб отвозят для продажи в город Уральск, где покупают рыбу и икру, возвзят и продают оную в разных местах; равным образом занимаются скотоводством, от которого получают немаловажные выгоды».

Промышленность уезда пребывала в значительном состоянии: три винокурных завода и одна суконная фабрика, принадлежавшие помещикам.

В уезде было сравнительно много помещичьих имений. Выделялись владения Державных, Карамзинных, Ждановых, Шишковых, Булаковых, Путиловых, некоторых других. Но располагались «дворянские гнезда» преимущественно к северу от Бузулука, в стороне от пути следования Пушкина.

Широкою олласку получили в те годы бесчеловечные порядки, завезенные бузулукскими помещиками Племянниковыми: свои крепостные селения они превратили в настоящие тюрьмы, из которых крестьяне даже выйти не могли без разрешения барина. Помещик, «будучи нестровой жизни, производит крестьянам своим жестокое наказание всегда безвинно, приковывает их за шею на несколько суток на железную цепь к стене и, налагая железные рогатки и колоды, производит побои, употребляет крестьянских детей на охоте вместо гончих псов», — отмечалось в следственных материалах по этому делу.

Подобные факты были характерной чертой крепостнической действительности Оренбуржья. Не случайно, что в крае, где некогда бушевал пожар крестьянской войны, и в пушкинские дни нередки были волнения помещичьих, заводских и государственных крестьян. По самым приблизительным подсчетам, за первую треть XIX в. в губернии произошло свыше 70 народных выступлений, из которых 24 были подавлены воен-

ной силой. А на следующий после приезда Пушкина год здесь начались волнения среди государственных крестьян. Их выступление в 1834-1835 гг., как отмечал академик Н. М. Дружинин, «приняло форму настоящего восстания и заставило николаевскую администрацию вспомнить о далеких временах грозного Пугачева».

Другой характерной приметой социально-экономической жизни того времени и тех мест, по которым проезжал Пушкин, был большой поток переселенцев из центральных губерний. Они вереницами тянулись по дорогам, ночевали в степи под открытым небом, подолгу скитались в поисках пристанища и окончательного водворения. Картины этого, вне всякого сомнения, наблюдал и Александр Сергеевич.

Показателем того, что четыре года спустя, в июне 1837 г., поэт В. А. Жуковский, проехав Бузулукский уезд, записал в дневнике: «Удельное население уезда от переселенцев, коих состояние бедственное. По данным губернской канцелярии, с середины 1820-х гг. по январь 1833 г. в губернию переселилось более 120 тыс. человек из 20 губерний. В 1833 г. только в один Бузулукский уезд прибыло 9947 душ мужского пола из Тамбовской, Пензенской, Воронежской, Курской и других губерний».

Не получая подолгу законного водворения, переселенцы самовольно селились на казачьих землях, которые были тогда еще слабо освоены и в значительной мере пустовали*. Такое вынужденное самоуправство нередко приводило к спорам и столкновениям с местными властями и старожилами. В начале 1830-х гг. власти безуспешно пытались согнать с земель Тоцкой станции переселенцев, основавших здесь деревню Кирсановку. В 1832 г. группа удельных крестьян из Пермской губернии была предана суду за самовольное занятие казачьих земель Переволоцкой станции. Воронежские переселенцы поселились в деревне Алексеевке при реке Камыш-Самара на земле казаков Татищевой крепости, но казаки стали нападать на крестьян, отбирать урожай, требовать их выселения...

*Так, в полевыхниках казачьей Тоцкой крепости при сравнительно небольшом числе жителей (332 души муж. пола) находилось 35 тыс. десятин. Подобное положение вещей было типично для казачьих станций.

Ко времени посещения А. С. Пушкиным Оренбургской губернии здесь еще свирепствовала эпидемия холеры, поразившая край с лета 1829 г. по осень 1833 г. От эпидемии пострадало множество поселенцев, в том числе и те, через которые проезжал Пушкин. Так, в крепости Сорочинской в 1835 г. холера, продолжавшаяся с 14 августа по 5 сентября, вызвала гибель 59 человек.

К эпидемии добавился неурожай 1832 г. От засухи и сильной жары хлеба не уродились, травы выгорели. В зиму 1833 г. начался голод. Он особенно тяжело отразился на положении беднейшей части крестьян и переселенцев. Многие «переходцы приходят в бедность и разорение и нуждаются в продовольствии хлебом», — признавал чиновник губернской администрации.

Везде, где останавливался А. С. Пушкин, он искал встреч со старожилами, помнившими о времени Пугачева, записывал их рассказы, предания и песни.

Исследователям выяснено, что Пушкин задержался в Сорочинской крепости для кратковременного отдыха и смены лошадей. Здесь ему был представлен 86-летний казак Иван Ларионович Полков (у Пушкина в записной книжке: *Патков*), очевидец событий Пугачевского восстания. «Бунтовщики 1771 года, — записал с его слов Пушкин, — посажены были в лавки Менового двора. Около Сергиева дня, когда наступил сенокос, их отпустили на Яик, — садясь в телеги, они говорили при всем торжестве: «То ли еще будет? Так ли мы трящем Московью?» — Молчат, курвные дети, — говорили им оренбургские казаки, их сопровождавшие, но они не унимались». Этот эпизод Пушкин включил в первую главу «Истории Пугачева» и в повесть «Капитанская дочка».

Миновав Новосергиевскую (была основана Татищевым и первоначально называлась «Тевкевс брод»), Пушкин был уже в пределах Оренбургского уезда.

После Переловошской дорога резко сворачивала на Татищеву крепость, расположенную на правом берегу Урала при впадении в него Камыш-Самара. Крепость была заложена на лето 1736 г. первым начальником Оренбургской экспедиции И. К. Кириловым и названа им Камыш-Самарской крепостью. Премник Кирилова В. Н. Татищев довел до кон-

Чугунное кресло. Каглинское литье, XIX в. По преданию, 12 таких кресел были в саду на даче у оренбургского военного губернатора В. А. Перовского

да возведение крепостных сооружений и дал крепости свое имя.

В Татищевой, где сохранились дороги на Оренбург, Уральск и Самару, Пушкин побывал дважды: по пути в Оренбург и проездом из Оренбурга в Уральск. Поэт прекрасно понимал значение событий, разыгравшихся под Татищевой. Здесь, 27 сентября 1773 г., на начальном этапе восстания, отряды Пугачева наголову разбили правительственные войска под командованием бригадира Х. Булова и штурмом овладели крепостью. Устроив тем самым последнюю серьезную преграду на своем пути к Оренбургу. Спустился месец здесь же, под Татищевой, Пугачев потерпел тяжелейшее поражение от войск генерала П. М. Голыцина, что вынудило его снять осаду Оренбурга и увести остатки своих отрядов в Башкирию.

Как полагают многие исследователи (С. А. Попов, Н. Е. Прянишников и др.), именно Татищев и Нижнеозерная послужили прообразом описанной в «Капитанской дочке» Белогорской крепости. Это тем более ве-

Ю. Зюбов. «Я по свестью испанцы долг историка...»

роятно, если предположить, что, проезжая из Оренбурга в Уральск, за Татищевой (у современного села Чесноковка) Пушкин мог видеть Белые горы — холмы с выходами меловых отложений.

В Татищеву Пушкин разговаривал с 80-летней казачкой Матреной Дехтаревой (Дехтаревой) и с ее слес записал рассказы о печальной участи жены команданта Нижнеозерной крепости Елизаветы (Лидии) Харловой и ее брата, о расправе повстанцев над командантом Татищевой крепости отцом Харловой полковником Елагиним и о казни по приказу Пугачева одного казака за пьянство и атамана Татищевой крепости за утайку сведений о наличии продовольственных запасов.

Небезынтересно заметить, что в окрестностях Татищевой сохранился участок старого потового тракта и тот мост, по которому проезжал Пушкин. Нынешние жители села Татищева бережно собирают сведения по истории своего родного края, о пребывании Пугачева и Пушкина, о чем свидетельствует созданный при местной школе краеведческий музей. Они даже показывают место, где «сослазали дуэль» Гринева и Швабрина.

После Татищевой на пути следования находился поселок Рычковский. Пушкин, несомненно, обратил на него внимание (хотя и проехал его, скорее всего, вечером), ибо само название свидетельствовало о связи его с первым исследователем Оренбургского края Петром Ивановичем Рычковым. И действительно, именно П. И. Рычков основал здесь своей хутор на пожалованной ему земле (25 десятин пахотной земли и 30 десятин сеносенок). В указе губернской канцелярии от 12 июня 1756 г. объяснялось, что участок нарезан ассексу Петру Рычкову ради заведения между крепостями Чернореженской и Татищевую хутора для приюта проезжающих.

Следующий пункт пушкинского маршрута — Чернореченская крепость, основанная примерно в те же годы, что и Татищева. В 1742 г. в крепости насчитывалось 30 ибем, 9 землянок и проживало 153 жителя. К моменту посещения ее Пушкиным она, как, впрочем, и многие другие укрепленные пункты Оренбургской пограничной линии, уже утратила значение военной крепости и была облюбованная казачьим селением.

В понедельник, 18 сентября, Пушкин подъехал к Оренбургу и у Маячной горы переправился на пароме! через быструю и многоводную тогда Сакмару (мост еще не существовало). В 9-10 часов утра, как полагают ряд исследователей, он был принят военным губернатором В. А. Перовским.

Каким же предстал взору поэта наш город, что могло привлечь его внимание? Прежде всего, упоминают уже Маячная гора, на которой в те годы находились казенные каменоломни и дача наказанного атамана Оренбургского казачьего войска, а во времена пугачевской осады — дозоры и пикеты повстанцев. У подножия и на склонах ее происходили стычки и сражения пугачевцев с правительственными войсками, из которых наиболее значительными случились 13 ноября 1773 г. и 13 января 1774 г., окончившиеся успехом повстанцев.

На месте, где сейчас 2-а городская больница, тогда находился загородный дом военного губернатора, окруженный садом, — здесь, как считают, поэт и остановился у своего давнего знакомого Василия Алексеевича Перовского. Неподалеку располагался военный госпиталь, главный корпус которого был заложен в 1830 г. Утверждение некоторых авторов о том, что Пушкин при въезде в Оренбург якобы любовался Караваи-Сараем, явно ошибочно, т. к. его строительство было начато спустя четыре года после пребывания здесь поэта.

От загородного губернаторского дома в город вел дорога, обсаженная деревьями; проехав по ней, путник через каменный мост над сухим рвом и главные, Сакмарские ворота попадал в крепость.

Основанный на нынешнем месте в апреле 1743 г., Оренбург в начале 30-х г. все еще продолжал считаться военной крепостью 2-го класса и сохранял крепостные укрепления: земляной вал с четырьмя воротами, десятью бастиянами и двумя полубастиянами протяженностью более 5 верст и безводный ров вдоль вала с внешней стороны.

Все крепости располагались предместия: на востоке казачий форштадт, на западе — Старая (Солдатская, Голубиная) слобода. В городе, являвшемся военным центром края и резиденцией военного губернатора, насчитывалось тогда 10 466 жителей и 1560 домов.

Размеры города были невелики. Владимир Иванович Даль, живший в те годы в Оренбурге, отмечал, что с каждого перекрестка во все четыре стороны хорошо виден крепостной вал. В. И. Даль прибыл в Оренбург при содействии В. А. Жуковского незадолго до описываемой поездки Пушкина и стал чиновником по особым поручениям при военном губернаторе Перовском, назначенном на этот пост весной того же года. Даль стремился всячески содействовать успеху пушкинского путешествия. Он знакомил поэта с городом и краем, показывал ему наиболее важные достопримечательности, прежде всего те, которые были связаны с пугачевским восстанием, и среди них, вне сомнения, — огромный, четырехугольный в плане Гостиный двор, расположенный в самом центре города (здесь в 1772 г. содержались под стражей активные участники восстания пушских казаков, а весной и летом 1774 г. — пугачевские повстанцы, здесь их допрашивали, пытали, судили, подвергали наказаниям, а некоторых, в том числе А. Т. Соколова-Хлопушу, казнили).

Пройдя по главной, Губернской улице к ее началу на набережной Урала, путешественник непременно должен был обратить внимание на «бухарскую» сторону (противоположный, левый берег реки) и зеленый остров среди бескрайних степей: Зауральную рошу, удоболежащую в конце 20-х гг. английскому парку — с тенистыми аллеями, беседками, мостиками. Правее ее различался громада кирпичного четырехугольного здания — Менювского двора, главного оплота русско-азиатской торговли. В статистическом описании Оренбурга, составленном в 1843 г. по случаю 100-летнего юбилея города, отмечалось, что «главный предмет занятия оренбургского купечества есть торговля на Менювском дворе с пребывающими в оный бухарцами, хивинцами и киргизцами...».

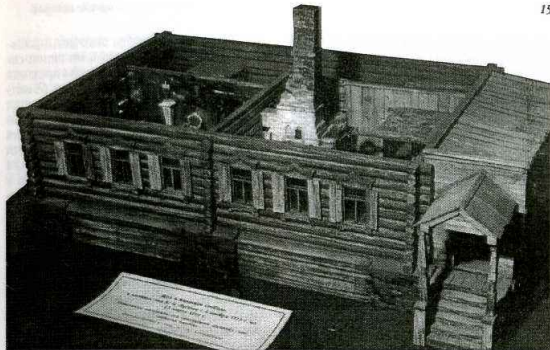

В 30-е гг. объем товарооборота в Оренбурге составлял 3,4 млн. рублей. Отсюда в страны Востока шли хлеб, кожа, ткани, изделия из металлов (самовары, иглы, котлы и т. п.), сюда — хлопок, шелк, ковры, халаты, кашмирские шали, сухофрукты, скот и пр. Пребывание в Оренбурге восточных купцов, в их ярких живописных одеяниях, с разноязыкой речью, было бесспорной достопримечательностью города. Несомненно, их наблюдал и Пушкин, — известно, что начиная с июня, в Оренбург в том году один за другим прибыли три больших каравана (в 496, в 700 и в 250 верблюдов) и оставались в городе до октября. При взгляде на восток с крепостного вала открывался вид на казачью слободу — форштадт, где среди низких изб возвышалась знаменитая Георгиевская церковь, построенная в 1756-1766 гг. на средства оренбургских казаков, с алтарей которой пугачевцы стреляли из пушек по крепости. В. И. Даль в своих воспоминаниях писал, что он «толковал» Пушкину, «сколько слышал и знал местность, обстоятельства осады Оренбурга Пугачевым; указывал на Георгиевскую колокольню в предместьи, куда Пугачев поднял было пушку, чтобы обстреливать город, — на остатки земляных работ между Орехих и Сакмарских ворот, приспаясымаго преданием Пугачев».

Но центральным событием двухдневного пребывания Пушкина в Оренбурге, несомненно, явилось посещение им Бердской слободы, находившейся в ту пору в 7 верстах к северу от города на берегу Сакмары.

Интерес поэта к Бердам вполне понятен. Ведь именно здесь во время осады Оренбурга находилась ставка Пугачева, возникла и действовала повстанческая Военная коллегия. В доме бердинского казака К. Ситникова были устроены «государевы палаты», где жил Пугачев. В слободе и ее окрестностях размещались главные силы повстанцев, пытавшихся взять Оренбург, формировались и отправлялись отряды в различные концы обширнейшего края. Здесь составлялись «царские» указы и манифесты, обещавшие народу волюность, освобождение от повинностей. Жители слободы, по свидетельству современника событий П. И. Рычкова, еди-

Весь. Литкѣ, XIX в.
До сих пор именовы по многих домах
Оренбурга и Соль-Илецка

«Золотые палаты» в избе казака Ситникова в Бердах, где располагался штаб Пугачёва во время осады Оренбурга 1773 г.

нодушно перешли на сторону Пугачева, «все были ему приклонны». Не случайно в повести «Капитанская дочка» автор назвал Берды «мятежной слободой» и посвятил ей целую главу (одиннадцатую).

Пушкин посетил Бердскую слободу 19 сентября, на другой день пребывания в Оренбурге, в сопровождении В. И. Далея и директора Оренбургского Неплюевского военного училища К. Д. Артюхова. О результатах этой поездки он писал жене: «В деревне Бердах, где Пугачев простоял шесть месяцев, имел и счастливый случай — нашел 75-летнего казака, которая помнит то время, как мы с тобой зимой 1830 год (год помолвы — Ю.З.). Я от нее не отстал, виноват: и про тебя не подумал. Теперь надеюсь многое привести в порядок, многое написать и потом к тебе с добчею».

По достоверному свидетельству В. И. Далея, они с Пушкиным приехали в Берду, когда «пора была рабочая, казаков ни души не было дома, но мы отыскали старуху, которая знала, видела и помнила Пугача. Пушкин разговаривал с ней целое утро».

Беседа Пушкина с бердинской казачкой в точности восстановлена кропотливым поиском исследователей С. Н. Севастьянова, С. А. Попова и Р. В. Овчинникова. Установлено ее имя — Ирина Афанасьевна Бунтова, точный возраст (73 года), уточнены некоторые факты ее биографии, проанализирова-

но содержание ее рассказов о «пугачевщине».

И. А. Бунтова, хранившая в памяти немало народных преданий и песен, рассказала о якобы зарытом Пугачевым кладе на Гребенской горе, спела песни о Пугачеве, в которых сквозило явно сочувственное отношение народа к предводителю крестьянской войны.

Поэтичен и трогателен записанный Пушкиным рассказ ее о казачке Разиной, разныкующей сына среди погибших в сражении под Татищевой 22 марта 1774 г. «Когда разлился Яик, тела поплыли вниз. Казачка Разина, каждый день прибреди к берегу, прибрела палкою к себе много плавущие трупы, пероворачивала их и приговаривала: — Ты ли, Степушка?, ты ли, мос детичек? Не видя ли черны курды сплывали вода мост? — Но вода, что не он, тихо отталкивала тело и плакала».

И. А. Бунтова, жившая в молодости в Нижегородской губернии, рассказала и о том, что помнила и слышала о событиях, связанных с пребыванием Пугачева в этой крепости: «Он (Пугачев — Ю.З.) сидел между двумя казачками, из коих один держал серебряный топориц, другой булавку. — У Пугачева рука лежала

* Архивные разказы, предпринятые С. А. Поповым и Р. В. Овчинниковым, позволили установить реальное существование Степана Андреевича Разиной.

на колесе — подходящий кланялся в землю, а потом, перекрестясь, делал его рукою. Этот рассказ почти дословно включен Пушкиным в «Историю Пугачева».

Яркими деталями наполнен рассказ Бунтовой о поражении и пленении пугачевцев в сражении под Татищевой крепостью 22 марта 1774 г.: «Когда под Татищевой разбили Пугачева, то янтарных казаков прискакало в Озерную ираненных — кто без руки, кто с разрубленной головою, — человек 12, кинулись в избу Бунтихи. — Давай, старуха рубашек, полотенец, тряпья — и стали драть да перевязывать друг у друга раны. — Старик выгнали их дубьем. А гусары голицинские и Хорвата — так и ржут по улицам, да мясничатов их (подчеркнуто Пушкиным — Ю.З.). Когда прибежал он (Пугачев — Ю.З.) из Татищевой, то велел разбить бочки вина, стоявшие у его избы, дабы драки не учинились. Вино хлынуло по улице рекою. Оренбуржцы после него ограбили жителей (Берды — Ю.З.).»

Записал Пушкин и такие любопытные подробности: «Когда Пугачев ездил куда-нибудь, то всегда бросал народу деньги; «Пугачев в Яицке сватался за ..., но она не пошла. — Устинью Куанцову взяла насильно, отец и мать не хотели ее выдавать: она была простая казачка, не королева, как ей быть за государем».

Пребывание в Бердах и услышанное здесь от Бунтовой, безусловно, помогли Пушкину глубже понять отношение народа к Пугачеву и поднятому им восстанию.

20 сентября — как полагают, утром — Пушкин покинул Оренбург и отправился в Уральск. Погода стояла сухая и солнечная, благоприятствующая путешествию. Поэтому расстояние в 260 верст удалось преодолеть за сутки с небольшим (почти на этот путь требовалось чуть более 30 часов)². Он прошел через Чернореченскую, Рычковский хутор, Татищеву, Нижнеозерную, Рассыпную, Мухромановский хутор, Студеный, Киндлинский, Иртекский, Кирсановский, Январевский, Рубежнский, Пиловский форпосты и прибыл в Уральск. В Илецком казначействе, как считает С.А. Попов, тщательно изучивший маршрут путешествия, Пушкин не был. А вот в Нижнеозерной он сделал остановку, имел встречу и беседу с местными старожилами.

В Нижнеозерной тогда, отмечает Р.В. Овчинников, «не было, пожалуй, ни одной семьи, в которой не сохранились бы предания о Пугачевском восстании». Со слов 65-летнего казака И.С. Киселева Пушкин записал рассказ о взятии этой крепости повстанцами в сентябре 1773 г., о гибели коменданта Захара Харлова: «Из Озерной Харлов выслал жену свою (за) 4 дня перед Пугачевым, а пожитки свои и добро спрятал в подвале у Киселева... Пугачева пошли казаки встречать за 10 верст. Харлов (хмельной) остался с малым числом гарнизонных солдат». Когда начался штурм крепости, «Харлов приказывал стрелять — никто его не слушал. Он сам схватил фитиль и выстрелил по неприятелю. — Потом подбежал и к другой пушке — но в сие время бунтовщики ворвались. Харлова поймали и изранили. Вышеленный ударом копыа глаз у него висел на щеке. Он думал откупиться и повел казаков к избе Киселева. Кум, дай мне 40 рублей, сказал он. Хозяйка все у меня увезла в Оренбург: Киселев смутился. Казаки разграбили имущество Харлова. Дочь Киселева упала в ноги, говоря: «Государя, я невеста, это сундук мой. Казаки его не тронуты, потом повели Харлова и с ним 6 человек вешать в степь. Гарнизон стал просить за Харлова, но Пугачев был неумолим. Татарин Бикбай, осужденный за шпионство, взмолил на лестницу, спросил равнодушно: какую петлю надевать? Надевай, какую хочешь, отвечали казаки — (не видел я сам, а говорили другие, будто бы он тут перекрестился)».

23 сентября Пушкин выехал из Уральска в свое нижегородское имение Болдино, горя нетерпением поскорее приступить за работу...

К концу года «История Пугачева» была завершена и представлена на «высочайшее рассмотрение». В объяснении того, почему он создал не художественное произведение, а научно-исторический труд, Пушкин писал: «Я думал некогда написать исторический роман, относящийся ко времени Пугачева; но, нашед множество материалов, я оставил вымысел и написал историю пугачевщины... Не знаю, можно ли мне будет ее напечатать. По крайней мере, я по советам исполнил долг историка: изыскавая истину с усердием и излагая ее без кривовертия, не стараясь льстить ни силе, ни модному образу мыслей...».

Царь разрешил публикацию «Истории Пугачева», правда, под названием «История Пугачевского бунта» и с учетом его замечаний (Николай I сделал в рукописи 23 собственных-ручных пометки). В конце 1834 г. «История» вышла тиражом в 3 тыс. экземпляров в двух частях, из которых вторая часть содержала приложения: «Летопись» Рычкова, мемуары современников, походные журналы и другие документы.

«ИСТОРИЯ ПУГАЧЕВА»

Пушкинская книга о пугачевском восстании была фактически первым историческим исследованием на эту тему. Она положила начало историографическому изучению крестьянской войны 1773-1775 гг., причем освещала ее с демократических позиций. Впервые в русской исторической науке, пишет Р.В. Овчинников, темой исследования было избрано стихийное народное выступление...

Важнейшим достоинством пушкинского исследования была основательная источниковая база. Пушкин привлек всю имеющуюся отечественную и зарубежную литературу по этой теме, многие рукописные материалы, в т. ч. рукопись П. И. Рычкова «Описание шестимесячной осады Оренбурга» (Пушкин именовал ее «Летописью Рычкова»), воспоминания очевидцев П. Любарского, И. Осипова, И. Полянского и др., письма, документы из личных архивов, устные предания и т. п. Он первым из исследователей заинтересовался архивными документами о пугачевском восстании, и работал над ними с огромным интересом и очень интенсивно. По подсчетам Р.В. Овчинникова, за полторы недели (с 25 февраля по 8 марта 1833 г.) Пушкин внес в свои тетради выписки, копии, конспекты, заметки из более чем 120 документов. Из восьми томов («книг») материалов, полученных в конце марта 1833 г. из московского отделения архива Инспекторского департамента, Пушкин зафиксировал около 200 документов. Таким образом, пушкинская монография примерно на 80 процентов построена на использовании архивных документов.

В отборе, оценке и использовании исторического материала при изложении событий Пушкин был неизменно добросовестен. Это он подчеркивал в предисловии: «Буду-

Медные страобрадские кресты, которыми Пугачев награждал своих отличившихся приверженцев

щий историк, коему позволено будет распечатать дело о Пугачеве, легко исправит и дополнит мой труд — конечно, несовершенный, но добросовестный».

Несколько позднее, в сентябре 1835 г. он так оценивал итоги и результаты своей работы: «Я прочел со вниманием все, что было написано о Пугачеве, и сверх того 18 толстых томов... разных рукописей, указов, доносений и проч. Я посетил места, где произошли главные события эпохи, мною описанной, поверяя мертвые документы словами еще живых, но уже престарелых очевидцев и вновь поверяя их дряхлеющую память исторической критикой».

В обширной литературе, посвященной поездке А. С. Пушкина в Оренбургскую губернию и его работе над «Историей Пугачева», по-разному рассматривался вопрос о том, занимался ли Пушкин в Оренбургском архиве. Многие авторы (П. Г. Сафонов, А. Чхеидзе, Р. В. Овчинников, С. Е. Сорокина и др.) отвечают на него отрицательно. Действительно, за те двое суток, что поздравить в Оренбурге, он не только не мог съездить в Ташлу к Тимашеву (120 верст от Оренбурга), как совершенно бесознательно утверждают некоторые, но и не имел возможности заняться поиском и изучением «пугачевских» документов в архиве Оренбургской пограничной комиссии, где тогда хранились 13 объемистых «книг» с документами Оренбургской губернской канцелярии за 1773-1775 гг. В лучшем случае Пушкин мог лишь бегло ознакомиться с некоторыми «пугачевскими» материалами, причем эти материалы во многом дублировали те, которые он уже знал и изучал еще до поездки в Оренбург. «Кратковременность пребывания в Оренбурге», — заключает Р. В. Овчинников, — не позволила Пушкину более внимательно изучить местный архив и извлечь из него некоторые ценные документы, которые он мог бы, наряду с рассказами очевидцев и местными фольклорными материалами, использовать при доработке «Истории Пугачева».

Пушкинский труд назван «Историей Пугачева», но его содержание шире, чем просто рассказ о Пугачеве, он дает характеристику того времени, предысторию и причины восстания, раскрывает его ход и последствия, влияние на общество.

Мортира и чугунные ядра к ней времён Крестьянской войны 1773-1775 гг.

Теперь обратимся к тексту этого труда и посмотрим, какой материал он дает по истории нашего края, ставшего колыбелью и ареной крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева.

«История...» начинается описанием Яицка, реки, на которой обосновались яицкие казаки, приводится поэтическое предание о начале Яицкого казачьего войска, сообщаются сведения о жизни и быте казаков, их походах, атаманах, отношениях с властями.

Недовольные удержанием жалования, самовольными налогами, нарушением старинных прав и обычаев рыбной ловли, яицкие казаки обращались с жалобами к властям, но удовлетворения не получали. Напротив, притеснения усиливались, последовали репрессии. В конце концов, в январе 1772 г. (в «Истории Пугачева» ошибочно указан 1771 г.) на Яицке вспыхнуло восстание «во всей своей силе».

Пушкин скрупулы, но точными и яркими мазками рисует картину восстания яицких казаков и его подавления: «В Оренбурге учредилась следственная комиссия под предводительством полковника Неронова. Множество мятежников было туда отправлено. В тюрьмах не хватало места. Их рассадили по лавкам Гостиного и Менового дворов. Прежнее казачье правление было уничтожено».

Яицкое восстание, как справедливо полагал Пушкин, является непосредственным предвестником и прологом крестьянской войны. И именно ей, ее первому оренбургскому этапу посвящена половина всей работы (четыре главы из восьми: вторая, третья, четвертая и пятая).

Говоря о продолжении пугачевцев после неудачной попытки взять Яицкий городок (Уральск) вверх по Яику к Оренбургу и овладении встречавшимися на пути крестьянами, Пушкин дает в примечаниях сведения об этих селениях. При этом он замечает, что «крепости в том краю выстроены, были не что иное, как деревни, окруженные плетнем или деревянным забором. Несколько старых солдат и тамошних казаков, под защитой двух или трех пушек, были в них безопасны от стрел и колпий диких племен, рассеянных по степям Оренбургской губернии и около ее границы».

Об Илецком казачьем городке в примечании читаем: «Илецкий городок в 145 верстах от Яицкого городка и в 124 от Оренбурга. В нем находилось до 300 казаков. Илецкие казаки были тут поселены статским советником Кириловым, образователем Оренбургской губернии». Первопоселенцами Илецкого городка были украинские казаки («черкасы») во главе с Иваном Изюмским и Андреем Черкасовым. Несколько позднее здесь поселились яицкие казаки и белгие крестьяне.

О крепости Рассыпной Пушкин сообщает такую характерную деталь: «Крепость Рассыпная, выстроенная при том месте, где обыкновенно перебирались киргизы вброд через Яик». Любопытно отметить, что спустя почти 200 лет со времени восстания, в 1971 г., в ходе краеведческой экспедиции Оренбургского педагогического института и областного отделения ВООПИК по маршруту движения Пугачева, в современном селе Рассыпном нами со слов 80-летнего А. Л. Бобрыкина было записано предание о том, что в старину на крепость часть делали набег степняки-кочевники, стремясь захватить людей в плен. Поэтому жители выезжали на сеносок, пахоту и другие работы не поодиночке, а только группами и с оружием в руках. Чтобы знать, не перебрались ли киргизы (казахи) на эту сторону Яика, казаки протягивали через дороги и тропы нити из тонких талов: если нити оказывались по-

вреждены, значит, степняки где-то близко, скрываются в прибрежных лесах.

Реальность этого рассказа подтверждается тем, что в начале XIX в. при оренбургском губернаторе Г. С. Волконском была возобновлена практика ставить так называемые «снимы», т. е. заграждения из тонких прутьев талики, которые, будучи воткнуты в землю и связаны верхушками, образовывали род изгороди для обнаружения «киргизского прорыва» через пограничную линию на бергу Урала.

В Рассыпном, сохраняющем и ныне первоначальную планировку в старой части села, называемой «крепостью», мы записали еще одно интересное предание — о Поповой балке. Его поведал нам местный житель М. М. Широкоштанов: «Во время на месте теперешнего клуба стояла церковь, а через дорогу был дом попа. Когда Пугачев с войсками вошел в станцию, то поп перетащил на подводу своего дома пистолет, коробку с патронами и засел там. Как только Пугачев появился, а он ехал на белом красивом скакуне и его черная борода на фоне белого выдвлялась еще ярче, поп выстрелил, но промахнулся. Рассердился Емельян, повернулся к войску и приказал опечить дом и поймать непокорного попа живым. Верные Пугачеву казаки быстро все устроили и представили попа своему атаману. Емельян Пугачев приказал этим же казакам повесить его на огромном осокоре, что стоит неподалеку от Рассыпной в балке. Это дерево было хорошо видно, когда подъезжаешь к станции со стороны Илека. Казаки повесили попа, старосте села Пугачев приказал не снимать казненного, пока тот не высохнет совсем».

Так и висел поп зиму и осень, пока не прогнила веревка и труп упал на землю. С тех пор и зовется та балка Поповой...»

Предание имеет в основе реальное событие. В приложениях к «Истории...» Пушкиником помещено «Описание, собранное поныне из ведомостей разных городов, сколько самозванцев и бунтовщиков Емельяко Пугачевым и его злодейскими сообщниками окрещено и разграблено божьих храмов, также побито дворянства, духовенства, мещанства и прочих званий людей, с показанием, кто именно и в каких местах». В этом документе находим, что в крепости Рассыпной

среди 18 человек, убитых повстанцами, был и местный священник (имя не указано)...

Характеризуя крепость Нижнеозерную, взятую Пугачевым 26 сентября 1773 г. вслед за Рассыпной, Пушкин сообщает, что она находится в 19 верстах от Рассыпной и в 82 от Оренбурга, выстроена на высоком берегу Яика. Он приводит и слова из солдатской песни:

*Из крепости из Зерной,
На помощь Рассыпной,
Вышел капитан Сурин
Со командой один, и проч.*

Народные известия и предания, запечатленные в ходе оренбургской осады, Пушкин широко использовал при описании взятия Нижнеозерной Пугачевым: «Утром Пугачев показался перед крепостью. Он скар вкспериде своего войска: «Берегитса, государь, сказал ему старый казак: неравно из пушки убьют». — «Старый ты человек, отвечал самозванец: разве пушки льются на царей?» Этот сюжет был записан в Нижнеозерной со слов старожилов. Очевидно, поэт-историк считал вполне возможным доверять народной памяти, запечатлевшей яркие и характерные детали, которых не найдешь в официальных исторических документах.

Устно-народный материал оживлял изложение, придавал ему элементы художественного повествования, не снижая научный уровень работы.

Столь же ярко, с использованием характерных деталей, описывает Пушкин взятие и других крепостей и селений: Татишевой, Чернореченской, Каргалинской слободы, Сакмарского городка. И завершает главу (вторую) таким выводом: «Пугачев усиливаясь прошло две недели со дня, как явился он под Яицким городком с горстью бунтовщиков, и уж он имел до трех тысяч пехоты и конницы, и более двадцати пушек. С семь крепостей были им взяты, или сдались ему. Войско его с часу-на-час умножалось неизменно. Он решился пользоваться счастьем, и 3 октября, ночью, под Сакмарским городком перешел реку через мост, уцелевший вопреки распоряжениям Рейнсдорна, и потянулся к Оренбургу».

Центральное место во всей «Истории...» занимает описание осады Оренбурга (главы третья, четвертая, пятая). И тут бросается в глаза обстоятельная, порой детализирован-

ная до мельчайших, но характерных подробностей историко-географическая, пространственная локализация описываемых событий. Используя труд П. И. Рычкова «Топография Оренбургская» и другие источники, Пушкин в примечаниях характеризует административно-территориальное деление Оренбургской губернии, дает немало историко-географических сведений об Оренбурге. Подступая к городу, отмечает автор, 5 октября Пугачев со своими силами расположился лагерем на казачьих лугах, в пяти верстах от Оренбурга. Повстанцы установили свои батареи на паперти Богривской церкви в казачьем предместье Форштадт, в загородном губернаторском доме, на высокой земляной мишине, находившейся в версте от города с восточной стороны. Говоря о том, что пугачевцы 8 октября выехали грабить Меновой двор, находившийся в трех верстах от города, Пушкин в примечании дает скжату, но емкую его характеристику: «Меновой двор, на котором с азиатскими народами, чрез всё лето до самой осени, торг и мяна производится, построен на степной стороне реки Яика, в виду из города, расстоянием от берега версты с две, ближе строить его было невозможно, потому что прилегло все место низменное и водоопосное. В нем находится пограничная таможня; лавок вокруг всего двора 246, да анбаров 140. Внутри же построен особый двор для азиатских купцов с 98 лавками и 8 анбарми. В 1762 году полуовачных денег взялось 4854 рубля. Меновой двор укреплен батареями». Тут же дается ссылка на источник: «Топография Рычкова».

Чтобы полнее и зримее представить остроту борьбы за Оренбург, Пушкин сообщает сведения не только о соотношении сил и действиях осаждающих и осаждаемых, но и о состоянии погоды: «Осенья стужа настала ранее обыкновенного. С 14 октября началась уже морозы; 16-го выпал снег». Однако, «несмотря на стужу и метель», артиллерийский огонь на следующий день возобновился. В ноябре «стужа усилилась», и 6 ноября Пугачев с яицкими казаками перешел из своего лагеря в Бердскую слободу.

Историко-географические сведения приводятся в «Истории Пугачева» по многим населенным пунктам: Бердской, Орской, Тюцкой, Сорочинской, Новосервиской, Пе-

револицкой крепостми, Сакмарскому казачьему городку, Сентовой (Каргалинской) слободе, Илешкой Защите, Зелиарской крепости, деревни Юзевской, некоторым горным заводам. Одни из них краткие, лаконичные (местоположение и расстояние в верстах от Оренбурга), другие — более обстоятельные. Так, например, сравнительно подробно описана (на основе «Топографии...» Рычкова) Илешская Защита: ее местоположение, история возникновения, укрепления, гарнизон, добыча и поставка соли, численность работающих.

Находясь в пушкинских примечаниях и толкованиях ряда топонимических названий (селений, крепостей и пр.), и множество любопытных деталей, почерпнутых им в различных источниках. Вот одна из них: Бердскую слободу пугачевцы в шутку называли Москово, Каргалинскую — Петербургом, а Сакмарский городок — Киевом.

Сосредоточив внимание на событиях начального, оренбургского этапа, Пушкин тем самым как бы подчеркивал его особое значение для разрывания и дальнейшего хода крестьянской войны.

В то время, когда в литературе и в исторической науке преобладало официально-оценочное, отрицательное отношение к восстанию Пугачева, рассматривавшемуся лишь как разбойный бунт, мятеж яицких казаков, увлекшихся за собою «чернь», Пушкин приблизился к пониманию глубинных причин народного восстания и его движущих сил. В самом начале третьей главы, прежде чем перейти к описанию военных действий под Оренбургом, он произносит многозначительную, полную сдержанной тревоги фразу: «Оренбургские дела принимами худой оборот». И поясняет, что в борьбу втягивались не только казаки, но и башкиры, и калмыки, а «морья, чувашми, черемиссы перестали повиноваться русскому начальству». Очень важно указание автора на то, что уже на первом этапе в борьбу включались и помещичьи крестьяне: «Июльские крестьяне являю оказывали свою приверженность самозванцу и вскоре не только Оренбургская, но и пограничные с нею губернии пришли в опасное колебание». Иными словами, Пушкин видел, что пугачевское восстание быстро приобретало освободительную, антикре-

постиничскую направленность, становясь истинно крестьянской войной.

Несколько позднее, в «Замечаниях о бунте», представленных Николаю I как пояснение отдельных моментов «Истории Пугачева», Пушкин еще более четко высказался по поводу народного характера восстания: «Весь черный народ был за Пугачева... Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства».

В «Истории Пугачева» — сотни имен и действующих лиц, но центральная фигурой, разумеется, является Пугачев: сообщаются сведения о его жизни, появлении на Яике («по казачьим дворам шатался неизвестный бродяга»), начале его самозванства, описывается внешность, отмечаются волевой характер, отвага, удаля, способность к военному делу, и в то же время — жестокость, безграмотность, зависимость от верхушки яицкого казачества.

Несмотря на использование в тексте общепринятой тогда терминологии («злодей», «бунтовщик»), Пушкин был далек от слепого повторения пугачевского восстания, называл его предводителем «славным мятежником», «моим героем», «моим Пугачевым», а себя — «летописцем Пугачева».

Перед читателем «Истории...» проходят и ближайшие сподвижники Пугачева: каторжник Афанасий Хлопуша, сотник оренбургских казаков депутат Уложенной комиссии Тимофей Подуров, руководитель повстанческих силами под Уфой Иван Зарубин (Чика), башкир Салават Юлаев, черед «полковников» и атаманов. Но если об этих людях автор повествует с некоторой долей сочувствия, то представители правительственной и в особенности губернской администрации освещаются зачастую в ином ключе: нерешителен, растерян, часто беспомощен оренбургский губернатор И. А. Рейнсдорн, с самого начала осуды решивший действовать «боронительно», терпит поражение (9 ноября) генерал-майор В. А. Кар, назначенный главнокомандующим карательными войсками, услышав первые чтеды дальних пушечных выстрела повстанцев, пишет Пушкин, «он испугался и поспешно начал отступать»...

Однако на место отстраненного Кара императрица Екатерина II ставит генерал-аншефа А. И. Бибикового, которого Пушкин называет «замечательным лицом скатеринни-

кого времени», движутся к Оренбургу отряд генерал-майора князя П. М. Голлицына, и 22 марта 1774 г. разыгрывается под Татищевым решающее сражение, закончившееся победой правительственных войск. А поражение под Сакарским городком (1 апреля) вынуждает Пугачева снять осаду Оренбурга и с остатками сил уйти в Башкирию. На этом завершается первый этап восстания. Но само оно продолжалось, переместившись на территории Южного Урала и Среднего Поволжья. Тут Пушкин фактически первым подошел к проблеме периодизации крестьянской войны, правда, последующие события он изложил более сжато, отдавая им три заключительных главы.

Оценивая значение пугачевского восстания, Пушкин сознавал, что оно поколебало государство от Сибири до Москвы и от Кубани до Муромских лесов. Но в «Замечаниях о бунте» он пишет: «Нет худя для добра: Пугачевский бунт доказал правительству необходимость многих перемен, и в 1775 году последовало новое учреждение губерниям».

Болдинская осень 1833 г. оказалась для поэта столь же плодотворной, как и знаменитая осень 1830 г. Им были созданы «Медный всадник», «Анджело», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о мертвой царевне», переведены баллады Мицкевича...

К ноябрю была завершена и подготовлена к печати «История Пугачева», которую автор в предисловии скромно поименовал «историческим отрывком».

Публикация монографии по теме, бывшей тогда запретной, стала крупным событием в общественной жизни и отечественной историографии. Великий русский критик Белинский назвал ее «образцовым произведением со стороны исторической и со стороны слога». Благожелательно отозвались о книге историк М. Погодин, А. Воейков, Е. Розен, О. Сенковский. Но нашлось и немало хулителей в главе с министром народного просвещения, президентом Академии наук графом С. С. Уваровым. Пушкин записал в дневнике: «В публике бранят моего Пугачева, а еще хуже — не покупают. Уваров — большой подлец. Он кричит о моей книге, как о возмутительном сочинении». Объясняя такое отношение правящих кругов к «Истории Пугачева», поэт И. И. Дмитриев писал Пуш-

кину, что эти люди «дивились, как Вы смели напомнить о том, что некогда было предано забвению». И затем сочувственно добавлял, что без этой работы «осталась бы прореха в русской истории».

Закрывать эту «прореху» была призвана и повесть «Капитанская дочка», опубликованная несколько позднее, в 1836 г. — здесь образ «славного мятежника» дан еще в более сочувственных и привлекательных тонах.

ВСЛЕД ЗА ПУШКИНЫМ

Поэзия Пушкина по «пугачевским» местам, его научные и художественные работы на эту тему способствовали оживлению интереса к пугачевскому восстанию. Вслед за Пушкиным «пугачевская» тема сперва робко, а затем все более заметно стала утверждаться в научной и художественной литературе, что свидетельствовало о растущем интересе общественности к «мятежникам», приобретающим черты злободневности страницам отечественной истории.

Особенно активную роль в разработке «пугачевской» темы в литературе и краеведении сыграли оренбуржцы. Еще в 20-е гг. XIX в. оренбургские литераторы Петр Кудряшев и Александр Крюков создали ряд произведений на «пугачевскую» тему.

В повести в стихах П. Кудряшева «Мятежник Пугачев», опубликованной уже после смерти автора в 1833 г., облик предводителя народного восстания рисуется в сочувственных тонах:

*Его природа полюбила
И при рождении наградила —
Прекрасным мужеским лицом,
Высоким станом, гибким, стройным,
И взором огненным, пророчным,
И пронырливым умом.*

А небольшая повесть А. Крюкова «Рассказ моей бабушки» была известна Пушкину и послужила отправной точкой для написания им «Капитанской дочки».

За год до присады Пушкина, в октябре 1832 г., оренбургский военный губернатор П. П. Сухтелен, человек образованный и деятельный, поручил титулярному советнику Жуковскому запросить из Верхнеуральского архива «разные старинные манускрипты и переписку» о Пугачеве. Не исключено, что Сухтелен намеревался написать работу по истории восстания, но скорая (в 1833 г.)

Парское знамя Пугачёва (реконструкция)

смерть помешала осуществить этот замысел.

Тогда же богатый документальный материал (шесть томов) взял из архива Оренбургской пограничной комиссии нисто Янченко, служивший в канцелярии оренбургского губернатора, — «для чтения служащих канцелярии», как было объяснено в данной им по этому поводу расписке. Позднее Янченко перешел на службу в Уфу и увез документы с собой. По требованию Пограничной комиссии они в июле 1833 г. были возвращены в архив, но без 50 листов, оставшихся у Янченко.

Постоянный и значительный интерес к красевдиню проявляли «Оренбургские губернские ведомости», первая газета края. В своей неофициальной части она регулярно помещала материалы и статьи по истории, географии, этнографии, статистике, экономике Оренбуржья. По оценке современника, неофициальная часть «Оренбургских губернских ведомостей», начавшая выходить в 1843 г., всего через несколько лет, в 50-е гг. XIX в., представляла собой «редко, почти беспримерное явление в провинциальной литературе; делательно и серьезно своих статей это издание сделало в 1853 году учено-литературным; статьи этого издания и теперь могли быть украшением лучшего журнала». В этом — заслуга таких исследователей, как Я. В. Ханьков, В. В. Вельяминов-Зернов, В. В. Завьялов, Д. Самарин и др.

Поэтому вполне закономерным было появление в «Оренбургских губернских ведомостях» и «пугачевских» материалов. В 1847 г. в № 4 появилась небольшая заметка о башкирском сподвижнике Пугачева Салавате Юлаеве: «Салават Юлаев — башкирец Шайтан-Кудейской волости». В том же году газета опубликовала материал об осаде Уфы во время «пугачевского бунта» и статью красевды В. С. Юматова (№№ 15-18) «Мысли об истории Оренбургского края», автор которой не обошел и события пугачевского восстания. И вообще надо заметить, что с того времени становится как бы правилом, традицией в любой публикации историко-краеведческого характера касаться и «пугачевских» событий. Это относится и к «Хроническому обзору достопамятных событий в пределах нынешней Оренбургской губернии» (1848, № 39), и к «Сказанию о Бузулуке» К. Ивлентьева (1850, №№ 41, 42), и к

«Воспоминаниям жителя города Уфы о Пугачевском бунте» В-кого (1851, № 51).

Но наиболее значительной за все дореформенные годы и имеющей подлинное научное значение в качестве исторического источника была публикация (в четырнадцати номерах «Оренбургских губернских ведомостей») архивных документов под общим названием «Материалы для истории Пугачевского бунта», осуществленная М. Н. Ястребовым* в 1851-1852 гг.

А всего за шесть лет (с 1847 по 1852 гг.) не менее чем в 30 ее номерах помещались разного рода материалы (в основном, мемуары и архивные разыскания), касающиеся пугачевского восстания.

Эта тенденция сохранялась и в 60-70-е гг. XIX в., в чем убеждает сам перечень публикаций тех лет: «Извлечение из дел о Пугачевском бунте» (1865, №№ 9, 10), «Материалы для истории Пугачевского восстания» (1868, № 33), «Особо ценные напечатанные в «Оренбургских губернских ведомостях» (1869, №№ 26-28) и в «Справочной книжке Оренбургской губернии на 1870 год» воспоминания очевидца событий поручика А. Е. Поспелова «Пугачевский бунт», содержащее описание хода восстания от его зарождения до подавления. Воспоминания эти, содержащие в своих четырех главах ценный фактический материал, не были, по мнению редакции, известны историкам «пугачевщины» Пушкину и Мордовцеву.

В этих же изданиях оренбургский краевед Николай Акимович Серда, занимавший в 1869-е годы пост городского головы, в 1869 г. поместил свое исследование «Историческая провинция во время Пугачевского бунта», в котором привел текст одного из пугачевских манифестов. «Вольность, возмущающаяся в манифестах Пугачева, — писал Н. А. Серда, — кружила головы простого народа, крестьяне и рабочие были очарованы ею».

Писатель-демократ Филипп Диомидович Нефедов, совершивший несколько поездок по Оренбургскому краю, глубоко заинтересовался его археологией и историей, в частности, Пугачевым и пугачевцами. В августе 1870 г. ему были высланы из Уфы следующие

* Ястребов Матвей Иванович (1826-1853) — преподаватель истории и географии Челябинского учебного училища. За свою короткую жизнь проявил себя умелым педагогом и увлеченным краеведом.

ния из дела Уфимской провинциальной канцелярии о «Пугачевском бунте». Позднее, в 1880 г. на основе этих документов и собранного фольклора Ф. Д. Нефедов написал большой очерк «Движение среди башкир перед Пугачевским бунтом. Салават, башкирский батыр».

«Пугачевская» тема широко проходит и в работах Р. Г. Игнатьева, В. Н. Витевского, И. С. Шухминина.

В советское время практически ни один из оренбургских историков-краеведов, разрабатывающих дореволюционную историю Оренбуржья, не прошел мимо названной темы. Особенно плодотворно изучением крестьянской войны 1773-1775 гг. занимались А. Ф. Рязанов, П. Е. Матвеевский, С. А. Попов.

Большое значение для активизации научных и краеведческих разработок истории восстания под предводительством Пугачева имели научные конференции, проведенные в 1973 г. в Оренбурге, Уфе, Волгограде, Москве в связи с 200-летием этого события, и изданные ими материалы. Самыми новыми работами по этой теме являются монографии и статьи Р. В. Овчинникова, И. М. Поздиковой, М. Г. Рахимкулова, В. В. Сидорова.

Таким образом, начиная от Рычкова и Пушкина и вплоть до наших дней, «пугачевская» проблематика занимала и занимает важное место как в оренбургском краеведении, так и во всей отечественной историографии.

Приложения

1.

Паромный перевоз через Сакмару под горою Маяк с 1833 по 1836 гг. был взят по подряду (по контракту) оренбургским мещанином Петром Любимовым.

Плата за перевоз:

с развезенных казаков никакой платы не брать

в один конец с пешего человека — 1 коп.

с лошади верховой с проводником — 2 коп.

с порожней телеги с лошадей — 4 коп.

с телеги с возом — 5 коп.

с валовой фуры с кладью и двумя волами — 10 коп.

с валовой фуры — 6 коп.

с дорожной повозки парой — 10 коп.

с дорожной повозки тройкой — 15 коп.

с коляски двухместной — 25 коп.

с четырехместной кареты — 50 коп.

с дрожжек парой и тройкой — 10 коп.
с быка — 2 коп.
с барана — 0,5 коп.

Подрядчик Любимов должен был платить в городскую казну ежегодно по 350 рублей.
Ю. С. Зобов

2.

«В 1752 году Правительство озабочено было устройством Оренбургской почты, но на этот раз не по жалобам и представлениям своих агентов, для целей чисто Правительственных, а по доношению фабрикантов Ивана Полузарославца, Андрея Евренова, Даниила Земского, Василия Макарова. Люди эти доносили о том, что в Оренбурге стал торг не малый и мемы с азиатскими народами на товары и скот не малые, а по указу де велено вести торг и в Троицкой крепости, и что они просят, чтобы от них и от посланных их письма принимать за ту плату, которая будет установлена от столиц до Оренбурга и Троицка.

Кушчи-Фабриканты просили о том ямскую канцелярию. По этому поводу ямская канцелярия представила Сенату, чтобы не только от одних фабрикантов, но и от всех партикулярных людей принимались письма на почту и не только по тракту в Оренбург, но и по всем трактам, где почты имеются, а именно по Астраханскому, Симбирскому, Белогородскому, Киевскому и Смоленскому тракту.

Плата была установлена общая по одной денеге с золотника. Но Оренбургская губернская канцелярия представляла о том, чтобы для пользы торгующих в Оренбурге и для сношения их со всеми другими городами следовало бы учинить особое почтовое учреждение. На эту ямская канцелярия не согласилась, указывая, что почта учрежденная к другим городам Российского государства должна служить и Оренбургу. Для этого достаточно Сенату послать указы в ямскую канцелярию и Московский и Санкт-Петербургский почтамты о том, чтобы везде на почтовых дворах принимать письма в Оренбург с платежем весовых денег в Оренбурге и без удержания отсылать по адресу. Дозволялось принимать и посылки, но не иначе как обшитые в холст или клеенку, с платой 5 коп. за фунт, а с пуда по 2 рубл.

Сенат дал такой указ и утвердил карту, приложенную Оренбургскому губернскому канцелярию при доношении.

На карте была означена весовая плата до каждого места, а равно и дни недели, когда из Оренбурга отходит почта и куда именно. Потом однако же требованиям Оренбургской губернской канцелярии была сделана уступка, и по указу Сената ямская канцелярия вошла в соглашение с присланным от губернатора, Оренбургской губернии, тайного советника Неплюева, советником Петром Рычковым, в соглашение о платеже весовых денег за письма, а именно от Оренбурга до Качуйского фельдшанца по 2 копейки за золотник, а от него до Казани по одной, от Казани до Москвы по четыре, итого по семи копеек за золотник. По остальным трактам осталось по прежнему на 100 верст по деньге с золотника.

Из этого сложного указа по Оренбургскому делу видно, что купецкие письма не подлежали плате по 1 деньге с золотника, а по прежнему оплачивались особым платежом. Принимать их велено было только в почтамтах. Видно также, что Правительство заинтересовалось выгодами за пересылку писем и публиковало во всенародное известие о том, что «все партикулярные люди могут посылать письма и прошения и прочие дела по почте, а равно и посылки во все города Российской империи». О том велено было припечатывать и в календарях.

В Оренбургском крае по карте, или таблице Неплюева, было 5 почт: 1-я, на Сакмарск и Бугульминскую слободу и до Казани — на Качуйской фельдшанц, на 521 версту. 2-я, в Уфимскую провинцию сперва до Сакмарска, а потом в сторону на Уфу, Красноуфимск, Вирск до Мензелинска на 604 версты. 3-я, в Исетскую провинцию на Уйскую линию на 856 верст — до Эткульской линии. 4-я, по Янку до Пурьева и по Самаре до Сергисевска — первое направление на 743 версты, второе на 505 верст. 5-я, вверх по Янку до Магнитной на 523 версты...»

Хрущов И. П.

«Очерк ямских и почтовых учреждений от древних времен до царствования Екатерины II». С-Пб., 1884.

3.

Подуровы принадлежали к казакам, издревле заселившим и оберегавшим крепость

В оформлении материала использованы фото А. Чубарова (музей истории города Оренбурга) и рисунок В. Воброва

Самару от набегов хивинцев и границу России, пролегавшую тогда по реке Волге.

С начала образования в Оренбурге Оренбургского Нерегулярного казачьего корпуса по штату 1748 г. некоторые из Подуровых были зачислены в этот корпус на службу, в т. ч. и Тимофей Подуров, дослужившийся в корпусе до чина сотника. Он выделялся своим умственным развитием и редким знанием письма и чтения. Этим обратил на себя внимание, почему и был послан в 1767 г. в Москву в числе депутатов от войска в Комиссию по сочинению проекта Нового Уложения.

В эпоху Пугачевского бунта или «народного замешательства», как принято было называть в бумагах конца XVIII и нач. XIX в. Пугачевский бунт во избежание упоминания самого имени Самозванца, Тимофей Подуров в числе 150 оренбургских казаков перешел на сторону Пугачева, а во время, когда Пугачев 27 сентября осадил крепость Татищевскую. За это участие Т. Подуров и был казнен в Москве 10 января 1775 г. (в один день с Е. И. Пугачевым).

С. Н. Севастьянов

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ВЕДОМОСТЬ О ЧИСЛЕ РЕВИЗСКИХ ДУШ В ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ
ПО 7 И 8 РЕВИЗИИ 1834 ГОДА

ЗВАНИЕ СОСТОЯНИЙ	ПО 7 РЕВИЗИИ СОСТОЯЛО ДУШ К 1 ЯНВАРЮ 1834	ПО 8-И РЕВИЗИИ ОКАЗАЛОСЬ
1. Положенных в оклад		
Купцов всех трёх гильдий.	1537	2402
Мещан.	6187	8034
Дворовых людей.	8881	12881
Помещьчьих крестьян.	58224	69944
Свободных хлебопашцев.	499	499
Однуздоровцев.	28334	66320
Их крестьян и дворовых людей.	—	11
Крестьян экономическ.	11979	20259
—/— Государственных и Ясажных.	58974	91553
Черкас.	43	470
Войсковых обывателей.	—	2882
Казенных рассыльных.	19	33
Отписных и выморочных.	128	227
Пахатных солдат.	1070	1104
Некрещеных Чуваш и вотяков.	1949	2875
Старо- и новокрещен: Мордвы, Чуваш, Татар, Вотяков и Черемис.	55672	74000
Ясажных Татар и прежде отправлявших почтовую гоньбу и Мурз.	20759	28122
Служилых Татар и Лашман.	9735	13082
Торговля Татар.	192	1910
Детей оставших солдат, освобожденных от платежа податей.	8485	12379
Тептярей.	69000	93503
Заводских крестьян и непременных работников.	20800	30287
Удельных крестьян.	19763	28314
ИТОГО	381348	559592
2. Состоящих нальготе		
Мещан.	61	333
Государственных крестьян разного наименования.	445	5683
В тептярях.	16	17
Новокрещен из Киргиз, зачисленных в Мещераки и башкирцы.	8	41
Киргиз некрещеных.	8	2
ИТОГО	538	6076
3. Неположенных в оклад		
Священно и церковно служителей.	1841	2956
Архиерейских служителей.	—	50
Отставных солдат.	2944	4629
Их детей, принадлежащих военному ведомству.	202	152
Казак.	34735	53907
Их Чинovieв.	83	1126
Башкирцев.	120844	172709
Их Чинovieв.	124	530
Мещераков.	26178	36708
Их Чинovieв.	14	84
Карасилак за помещикуми.	216	28
Отставных почтальных.	—	9
Лишенных дворянского звания, и отданных на пропитание родственникам.	—	2
Заводских мастеровых, находящихся при Златоустовских заводах.	—	12186
Приказно-служителей при тех же заводах	—	641
ИТОГО	187181	285717
А всего по губернии душ	569067	851385

Дом Тимашевых в селе Танла.
Фото Л. Герцигисовой

Екатерина Александровна Тимашева (Зарядская) родилась 25 июля (5 августа) 1798 г. Детство и юность провела в имении отца в с. Печеничино Дорогобужского уезда Смоленской губернии. Выйдя в 1815 г. замуж за Егора Николаевича Тимашева (1792-1849), в то время ротмистра Сумского гусарского полка, переехала в Оренбург и жила здесь до конца 1824 г., пока семейный разлад не подвиг ее на переселение в Москву.

Знакомство Е. А. Тимашевой с А. С. Пушкиным состоялось осенью 1826 г., когда опытный поэт был возвращен из михайловской ссылки. На его лирическое посвящение Катерине Тимашевой («Я видел вас, я их читал...») поэтесса ответила стихотворениями «Послание к А. С. Пушкину» и «К портрету А. С. Пушкина».

Литературное наследие Е. А. Тимашевой невелико (самые ранние из ее сохранившихся произведений относятся к 1825 г.) и, по большей части, не опубликовано. Немногочисленные стихи печатались в «Московском телеграфе», в «Северных цветах», в «Литературной газете». Тем не менее произведения Е. Тимашевой были известны современникам. Вслед за Пушкиным ей посвящали свои строки П. Вяземский, И. Великопольский, Е. Ростопчина, Е. Боратынский, имя ее упоминается в письмах Г. С. Волконского, А. И. Тургенева, Е. П. Киנדяковой (Равской) и др.

В 1830-1870-е гг. Е. А. Тимашева неоднократно навещала оренбургские имения. Умерла 4 (16) марта 1881 г. Похоронена в Новодевичьем монастыре.

С. Е. Сорочкина

Екатерина Тимашева

Стихи к Пушкину

Послание к А. С. Пушкину

*Где ты, учитель мой минутный,
Куда и кем ты увлечен?
Иль в вихре вальса в зале шумной
Ты снова ножкой поражен?
Иль обречен ты злой судьбою
Поэму слушать без конца
И удивляться над стопою
Неодохновенного певца?
Иль, может быть, воспоминанья
Тебя далеко увлекли —
Друзей позитивы, их страдания
Невольно душу потрясли?
Ах! прах невинных кто слезою
Горячей в дань не оросил,
И кто о них в душе с тоскою
Не вспоминал и не тужил.
Иль гость минутный, наш залетный
В своем узлу один сидит —
И гений пылкий, перелетный
Нас новой песней подарит?*

1826 г. 22 октябрь

К портрету А. С. Пушкина

*Он говорит, но мыслью чудной
Как будто вечно поражен.
Людей и свет — цель жизни трудной
Все разгадал, все понял он;
Холодный взор на все кидает,
Рассеян, в думу погружен.
Душа чего-то ожидает
И в лучший мир он увлечен.
Он бы желал к брезгам свободы
Как Байрон свой направить путь,
Сняв из рабства с вас, народы,
Свободу, славу в вас вдохнуть.*

1826 г. 26 октябрь

Николай Григорьевич Чесноков
родился в 1925 г.
Участник Великой
Отечественной войны.
Живет и работает в Уральске.
Журналист.
Первые исследования
о Пушкине опубликовал
в 1949 г.

Николай Чесноков

Три дни в Уральске

(Журнальный вариант)

Жам, уральцам, повезло, пожалуй, значительно больше, чем другим соотечественникам поэта: он был у нас в гостях, ходил по тем же улицам, по каким мы и сегодня ходим, запросто беседовал с нашими предками, сделал их героями своих книг.

Скажите, где еще могут похвастать тем, что Пушкин так полно осветил спорному, своеобразную историю их края? На упрек одного из критиков, что в «Истории Пугачевского бунта» приводится слишком странное выписки об истории янцких казаков, Пушкин ответил: «Полное понятие о внутреннем управлении янцких казаков, об образе жизни их и проч. необходимо для совершенного объяснения Пугачевского бунта». История янцких казаков настолько поразила его, что он посчитал необходимым с наибольшей полнотой познакомиться с ней своих читателей и посвятил ей, помимо приложенной, всю первую главу «Истории Пугачевского бунта» с обширными примечаниями.

К сожалению, наука не располагает дневниковыми записями и воспоминаниями тех, кто встречался с Пушкиным в Уральске. Приходится по крупицам собирать свидетельства, выискивая их в произведениях поэта, в письмах, исследованиях, в других источниках, сопоставляя и выверяя их, чтобы выстроить более или менее достоверную картину его пребывания на уральской земле.

1.

18 августа 1833 г. собственная коляска вынесла Пушкина из шумного Петербурга на российские просторы. Нигде не задерживаясь долго, 5 сентября Пушкин был уже в Казани, 18 сентября — в Оренбурге. Как и везде, ни минуты свободного времени. И шлодотворнейших полдня в Берде, пригороде Оренбурга, в беседе со старухой Бунтовой.

На другой день Пушкин сообщает жене: «завтра еду к Янцким казакам, пробуду у них дни три».

Если даже в 1900 г. предания «живо сохранились», то в 1833 г. здесь еще были живы сами очевидцы и участники восстания, творившие эти предания.

Кстати сказать, первым и единственным собирателем воспоминаний живых участников восстания и казацко-крестьянской войны был Пушкин. Он также первым познакомился с яицкими-уральскими преданиями и песнями о той поре. В 1858 г. их усердно собирал И. И. Желзнов, в 1900 г. В. Г. Короленько, позже — другие, но это уже были воспоминания по воспоминаниям дедов, отцов. У Пушкина же — первоисточник.

По огромному своду желзновских записей преданий и песен можно судить о возможностях Пушкина. Да он и сам признавал, что уральские казаки «наперевы давали мне все известия, в которых имел нужду».

А имел он нужду прежде всего в ясной картине той поры. И посылка к яицким казакам очень помогла ему в этом. Помогла передать колорит места и времени, полнее раскрыть самобытный характер яицких казаков и самого Пугачева, понять их роль в организации восстания. Впечатления, воспоминания, предания, песни, услышанные им здесь, послужили отправной точкой в разработке некоторых исторических фактов, художественных картин и образов, оживили «Историю Пугачевского бунта» и «Капитанскую дочку». И теперь уральцы (впрочем, как и оренбуржцы), читая Пушкина и встречая знакомые фамилии, названия, местные слова и выражения, видят своих предков как бы сопричастными творческому процессу и, погружаясь в живописные воды пушкинского вдохновения, прозревают эпоху и события, им описываемые.

Разумеется, Пушкин не полагался всецело и слепо на одни лишь рассказы свидетелей тех событий, а подвергал их строгому критическому осмыслению. Об этом он прямо скажет в ответе на критику Броневского: «Я посетил места, где произошли главные события эпохи, мною описанной, поверая мертвые документы словами еще жи-

вых, но уже престарелых очевидцев, и вновь поверая их дряхлеющую память исторической критикой».

Да, неисповедимы пути Господни и творчество ниспосланного им гения. Людям дано лишь с восхищением принимать то, что есть, что дано, что создано.

Татьяна Николаевна Савинова родилась в Оренбурге. Окончила факультет русского языка и литературы Оренбургского педагогического института и Самарский институт культуры и искусств. Преподавала в средних школах города. В настоящее время — ведущий библиограф областной научной библиотеки им. И. К. Крузской.

Татьяна Савинова

Зарисовки оренбургского быта 30-х годов XIX века

Возьмите в руки перо или карандаш, положите перед собой большой лист бумаги или склейте их несколько десятков вместе; начните карандашом с одного конца и ведите прямо, до другого края бумаги, а потом подишите выше черты: небо, а ниже: земля... Итак, вы познакомились с видом в зауральскую степь; справедливость требует, однако же, сказать, что такой печальный вид степь представляет только, начиная от Оренбурга до взморья... Выше — места разнообразные, частью гористы и лесисты; но бедный Оренбург; перенесенный с места на место до трех раз, судьбы своей не миновал: он наконец-таки расположился в безлесной и голой пустыне; — так выразил В. И. Даль в повести «Викей и Мауляна» свои впечатления от Оренбурга и его окрестностей. И таким ожидали его увидеть те, кто должен был приехать в город по долгу службы. Любопытство, тоска или чувство злой неизбежности властвовали над подъезжающими к степной столице по одной из нескольких «больших» дорог, ведущих к Оренбургу в первой половине XIX в.

1.

В отчете за 1834 г. военный губернатор В. А. Перовский сообщал, что «по бедности, малочисленности и удалению жителей от дорог, состояние их не доведено до надлежащего совершенства». Особенно это относилось к Оренбургскому уезду. «При нынешнем состоянии почтовых дорог, — докладывал далее Перовский, — проезжающие лишены на пути своем и крова, и всякого убежища... По всей губернии стационные смотрители помещаются на квартирах с большим неудобством». Только Управление Уральского войска располагало по всей линии «опрятными комнатками для проезжающих».

Специальных промыслов в казачьем войске не существовало, но, помимо всего прочего, казаки также занимались извозом и содержанием почтовых станций. И хотя В. А. Полторацкий в своих «Воспоминаниях» конца 1860-х гг. писал, что станция — все та же заманка,

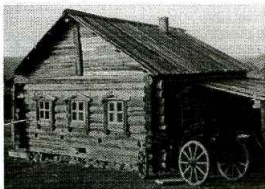
вообще же вид казачьих домов, по описанию Ф. М. Старикова, «довольно благообразен, весьма опрятен». Дома построены, в основном, из сосновых, лиственничных, иногда березовых бревен и состоят из двух комнат, разделенных холодными сенями.

2.

В. И. Даль, много посидевший по губернии за годы службы чиновником особых поручений при губернаторе, считал, что «на башкирских и казачьих лошадях, с лыкувою упряжью, по небитым дорогам, с неуклыми лошадиными и кучерами, ездить в колясках или даже в бричках было решительно невозможным». И «самым удобным и выгодным снаряжением для езды в поле и в дороге — ломки мало и опрокинуть его почти нельзя вовсе» — был «карандас, или, по-сибирски, тарантас, а также разлюли-долгуша — повозка на долгих, зыбких дорогах». На карандасах, — писал Даль в примечаниях к публикации своих писем в журнале «Северная пчела» (1833), — ездят в Пермь, Сибирь, Казань, Оренбурге. Простота постройки делает его весьма надежным и крепким; длинный широкий ход необыкновенно остойчивым, а долгие, в 2 и 3 саженя, дроги замечают зыбкостью своей, рессоры» С. Далеком вполне соглашался и Н. Н. Карзинин, посетивший губернию во второй половине XIX в.: «Тарантас — это типичный, универсальный экипаж, созданный строною необъятною, дорогами, измеряемыми тысячами верст... Тарантас должен быть крепок, удобочиним во всякой беднейшей кузнице и даже среди дороги, легко, устойчив, накатист, много вместим...».

Но не только на тарантасах ездили в Оренбургской губернии. Каждого, вновь

Колеса (реконвизит со съёмки кинофильма «Русский бутт»)

приехавшего в губернскую столицу, поражаало, подобно Далю, наличие в «киргизских степях» карет и колясок. «Да, господа, — восклицал автор в повести «Быки и Маурина», — так было, и так бывает ныне и будет вперед. Оренбург, в котором с каждого перекрестка во все четыре стороны виден крепостной вал, вмещает в себе почти столько же рыдванов и колямак, сколько числится в городе малых и больших домов. Куда на них ездят? — спросите вы; да мало ли куда: то за угол, то за другой, — визит, дамский визит, сами вы знаете, дело великое, а с визитом не ходить же пешком, да и не ездить же, упаси Бог, и на дрожжах».

Но самой шикарной, без сомнения, должна была быть карета губернатора, далеко не чуждого роскоши, как отмечали все современники Перовского. И в марте 1835 г. он заказал себе в Москве карету с губернаторскими вензелями на дверцах, запрягающуюся четвернею лошадей. Внутри ее делила на две половины зеркальная стенка. Одну часть вместительной кареты занимали адъютанта, другую — губернатор. Г. С. Карелин, писавший об этом своей жене из Москвы в Оренбург, не только рассказал о своих впечатлениях от шикарной кареты и поездки в ней с Перовским до первой станции по тракту Москва—Петербург, но и передал тревогу губернатора по поводу возможности дохнуть в ней до Оренбурга.

3.

Что ожидал увидеть всякий приехавший в наш степной город? Разумеется, что-то экзотическое. И, конечно же, видел. В упоминавшейся уже повести В. И. Даль пишет: «В толпе... поражает нового зрителя странность одежды и нарядов, а слушателя общее употребление татарского языка. Тут видите вы многополозные халаты, желтые и красные кожаные, шитые шерстью вверх конные дохи и яргаки, тут шапки невиданного покроя и неслыханного цвета, кожаные шаровары и армяки; и все это изношено, изодрано — что и придает целому какой-то пестрый, махровой вид». Азиатские наряды тем более бросались в глаза путешественникам, что в селах и станицах, расположенных по тракту, они видели привычную для глаза русскую одежду: сарафаны, рубахи, лапти. Видели — но как бы не замечали. Не случайно даже в музее этнографии огромный

регион, включавший Нижнее Поволжье и Урал, представлял всего двумя женскими городскими костюмами, и то начала XX в. (один из Самарской, другой — из Оренбургской губерний), и венчалой одеждой уральской казачки (1893 г.).

Только в нескольких работах: в определителе «Крестьянская одежда населения Европейской России», в «Историко-статистическом очерке Оренбургского казачьего войска» Ф. М. Старикова, в «Описании Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях» и в трехтомнике «История казачества Азиатской России» — есть более или менее подробное описание русского крестьянского и казачьего бытового костюмов. Но в них, к сожалению, почти нет ни рисунков, ни красочных фотографий.

В первой половине XIX в. в оренбургских деревнях можно было увидеть традиционный для выходцев из той или иной губернии комплекс одежды. Но, особенно в казачьих станицах, живописность ему придавали халаты, в избытке привозившиеся из Азии. «Халаты эти, — писал В. И. Даль, — составляют не при-

хоть, не цегольство здешних жителей, но вся линия, все народы и сословия линейных жителей носят každодневно халаты эти, как русский мужик свою сермягу».

4.

«Высшее» общество Оренбурга, состоявшее из крупных чиновников, офицеров и их домочадцев, как могло старалось придерживаться столичных вкусов и моды. Сыновья и дочери местных знати учились или гостили у родственников в Москве и Петербурге, главы семейств бывали в столицах по делам службы. И хотя почта отправлялась и получалась в Оренбурге только раз (позднее три раза) в неделю, это не мешало быть в курсе литературных новинок, столичных слухов, новостей научной и общественной жизни.

Г. С. Карелин, вызванный весной 1833 г. в Петербург по служебным делам и живший там в доме В. В. Энгельгарда, писал жене в Оренбург о всех знакомых оренбуржцах, встреченных им в столице, которых было, кажется, половина города: «молодец и умница, только фронтит» юнкер Кузьминский; братя Веселишкин, из которых старший «повеса бесшабашный, но умн и очень остер»; «твой любимец Алексей Осипов — премилый и умный малый»; Ташаевы, «из которых младший хорош, как Амур, а старший знает все и в особенности то, что ему знать не надобно»; «славный и умный и основательный малый» Рычков; атаман Уральского казачьего войска В. О. Покатилов с сыновьями.

Сама же Александра Карелина активно перенималась со своей подругой по пансиону Софьей Дельвиц; женой лицейского товарища Пушкина Антоном Дельвица, и была в курсе жизни петербургских литературных салонов.

Сундук-касса

В небольшом городе, где люди своего круга хорошо друг друга знали, где всякая новая информация распространялась быстро и была предметом общего интереса, — практически любой, принадлежавший дворянскому, а возможно, и купеческому сословию, мог в общем-то запросто попасть в те же дома, где незадолго до этого побывал, скажем, Пушкин. Так случилось с Евгенией Вороной, известной своими «Письмами». Едва приехав в Оренбург, она сразу же

познакомилась с первой женой В. И. Дала Юлией, совершила галопничество по стопам Пушкина, а потом развлекалась так, как это было возможно в городе, не имевшем ни театра, ни концертов: званые обеды; музыкальный вечер, устроенный отцом ее подруги П. И. Шелашниковым, на котором, среди прочих исполнителей, В. И. Даль с женой спели несколько русских песен; прогулки в Зауральную рощу, восхитившую Воронину своими видами (в отличие от многих других заезжих и путешествующих); визиты. Устраивались в оренбургских домах и танцевальные вечера и балы.

Тридцатые годы XIX в. в Оренбурге — это время Перовского. «Человек холостой, любивший хороших женщин», В. А. Перовский, по воспоминаниям Н. Г. Залесова, открыл для оренбургских дам «широкое поле интриги: с целью привлечь к себе расположение красивого корпусного командира». «Такой начальник, — писал далее генерал, — если только он хотел, мог вполне играть роль султана в своей области. Достаточно было... слова его, чтобы карьера подчиненного была сразу уничтожена, или наоборот... А блестящие балы Перовского, попасть на

которые для людей, живущих в захолустье, разве не было особым счастьем, а роскошные подарки, которые он со всего светского любезностью подносил дамам, пользовавшимся даже самым незначительным, не составляли притягательной силы? К этому надо добавить казенные помещения, дрова и сено, которые он раздавал по произволу, и при этом, например, дрова за самую ничтожную цену, что при недостатке хороших квартир в Оренбурге и дороговизне

топлива играло значительную роль в жизни служащих. Словом, от главного начальника, так сказать, зависела вся нравственная и материальная обстановка подчиненного.

Понятен будет после этого и тот образ жизни, который вело большинство хороших дам высшего оренбургского общества; они веселились до упаду на балах Перовского, дома жили привольно, благодаря его же милостям и в силу этого и прекрасной его наружности томя и хлопотали о том, чтобы сойтись с ним поближе. К сожалению, желающих было много, а избранных мало, и потому многие удовлетворялись тем, что отдали свои симпатии кому-либо из близких Перовскому лиц из той блестящей толпы светской молодежи, которую он привез с собою из Петербурга. Но раз почувшавши свободу коня, как говорят, несется далее, так было и здесь ко времени приезда в край Обручева: половина молодых дам из высшего круга была уже замешана в разных интригах.

Впрочем, весь «свет» так же. Не стал исключением и Оренбург; маленькая степная столица; и здесь во всем следовало стилю жизни и моде, будь то человеческие отношения, одежда или интерьер.

И все же: «Не хотел бы я служить, а еще менее проживать в этом несимпатичном крае», — писал В. А. Полторацкий, выражая мнение многих путешественников. Маленький, одноэтажный, пыльный, хотя и колоритный Оренбург («не то Россия, не то Азия!» — по выражению Полторацкого) весь XIX в. продолжал вызывать противоречивые чувства и любовь, отталкивая климатом и условиями жизни и привлекая своей интересной историей. Долгое время это был город присяжных и заезжих, стремившихся как можно скорее покинуть Оренбург, чтобы вернуться в родные пенаты или продолжить более увлекательное путешествие. Поэтому многие воспоминания, в том числе и проигнорированные, отражают негативное восприятие города и края. Их взгляд на Оренбург был несколько свесока.

Тип коренных оренбуржцев, спокойный, по-родственному, воспринимающих и любящих степное раздолье, сформировался не в высших слоях общества и, пожалуй, уже во второй половине XIX в.

Примечания

Полторацкий Владимир Алексеевич (1828-1889) — генерал-майор, участник войны на Кавказе, в Туркестане, в Болгарии. В 1869 г. посетил Оренбург, направляясь к ме-

сту службы в Ташкент. С 1846 г. и до последних дней жизни вел дневник, отрывки из которого напечатаны в «Историческом вестнике» за 1893 г.

Карелин Григорий Сильвич (1801-1872) — путешественник, ученый-натуралист. С 1822 по 1840 гг. жил в Оренбурге, принимал участие во многих экспедициях в Киргизскую степь, Сибирь, на берега Каспийского моря, где в 1834 г. основал форт Ново-Александровск.

Залесов Николай Гаврилович (1828-1896) — генерал-от-инфантерии. Выпускник Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса, с 1848 по 1850, затем с 1856 по 1870 гг. служил в Оренбургском военном округе; участник миссии (1856 г.) в Хиву и Бухару.

Стариков Федор Митрофанович (1840-1911) — генерал, атаман 2-го отдела Оренбургского казачьего войска, автор книг по истории Оренбургского казачества.

В оформлении материала использованы фото А. Чубарева (музей истории города Оренбурга)

Парадные портреты Николая II и Александры Федоровны. Обнаружены в 1922 г. при ремонте крыши одного из домов в Фортгадте

Сравнительная ведомость

Смитаминой и Шмитовскими в годовом отчете за 1899 год.

М. П.

22

	Число по списку		Число обследованных	
	здоровых	больных	здоровых	больных
А. Сербийская Оренбургская				
Четверть муж.	9		12	45
Курья —	14		14	51
Овса. —	3		3	65 $\frac{1}{2}$
пузо сена.		21		34
Солохи.		8		2 $\frac{1}{2}$
Казанская:				
Четверть муж.	4	85	10	14 $\frac{1}{2}$
Курья —	13		14	56 $\frac{1}{2}$
Овса. —	4		4	2
пузо сена.		35		26 $\frac{1}{2}$
Солохи.		10		10
Пермская:				
Четверть муж.	10		10	33 $\frac{1}{2}$
Курья —	15		14	34
Овса. —	3		4	41
пузо сена.		35		26 $\frac{1}{2}$
Солохи.		8		10

Елизавета Георгиевна Вертоусова
родилась в Тбилиси.
Окончила Ленинградский политехнический институт. По специальности инженер-механик. В Оренбурге с 1970 г. Работала в Государственном архиве Оренбургской области, сейчас — сотрудник музея истории города Оренбурга.

Елизавета Вертоусова

Холера 1829-1833 годов в Оренбургском крае

В конце 1826 года я часто виделся с одним дерптским студентом. Он много знал, чему научаются в университетах, между тем как мы с вами выучились танцевать... Его занимали такие предметы, о которых я и не помню. Однажды, играя со мною в шахматы и дав ко мне мат моему королю и королеве, он мне сказал при том: «cholera morbus пошла к нашим границам и через 5 лет будет у нас...» Таким образом в дальнем уезде Псковской губернии молодой студент и ваш покорный слуга беседовали о бедствии, которое через пять лет сделалось мыслию всей Европы...

А. С. Пушкин
«Заметка о холере»

Через 5 лет, т. е. в 1831 г., холера всюю свирепствовала в Европе, но пришла она в Россию в 1829 г. и пришла через Оренбургскую пограничную линию. «Холера 1829-33 годов в Оренбургском крае» — так называются исторические исследования председателя Оренбургской Ученой Архивной Комиссии врача А. В. Попова, подробно описавшего в начале XX в. ход эпидемии холеры 1829-33 гг. Азиатская холера, как установлено наукой, до эпидемии 1829-30 гг. никогда не посещала Европы. Однако в Азии, Африке и у себя на родине в Бенгалии она известна с незапамятных времен. Однако почему в течение тысячелетий холера не проникла в Европу, а пришла именно в XIX в., ответить точно никто не мог. Предполагали, что это связано с оживлением сношений между разными континентами благодаря открытию Суэцкого канала.

К первой пандемии 1816-23 гг. холера «предприняла одно из своих обычных путешествий по Азиатскому ма-

терку и в 1823 г. появились в Астрахани». Из Астрахани она почему-то дальше не распространилась, хотя переплутанные астраханцы разбегались во все стороны. Но в глубине Азии она продолжала распространяться и в 1826 г. была занесена караванами из Индии в Кабул и Басру. В литературе до А. В. Попова не были исследованы пути ее дальнейшего распространения в течение трех лет, до 1829 г. Этот пробел заполняет А. В. Попов на основании материалов архива ОУАК. «Изучая эти древние документы, — пишет Попов в начале XX в. о документах 1829 г., — невольно удивляешься, с какою тщательностью умели в то время занести на страницы канцелярских «входящих и исходящих» самое важное и при том в таком логическом порядке, что события встают пред исследователем во всей своей исторической перспективе».

Слухи о распространении в Бухаре, Хиве, Ташкенте страшной болезни, от которой гибнет множество народа, появились в Оренбурге уже зимой 1828–1829 гг. К весне 1829 г. они стали принимать крайне тревожный характер — стали опасаться, как бы эта болезнь не была занесена с караванами из Средней Азии в Оренбургский край. Разделяя эти опасения, военный губернатор и Пограничная комиссия начали собирать сведения об этой неизвестной болезни. Сведения собирались негласно, под большим секретом, потому что среднеазиатские владельцы жестоко преследовали своих подданных, если они хоть что-нибудь сообщали русскому правительству о делах в Средней Азии. Слухи подтверждались, накапливались неустыжительно сведения. Военный губернатор Эссен сообщил штаб-доктору Пятницкому собранные сведения о болезни, по которым тот определил болезнь как холеру и советовал применить к караванам и людям карантин. Предложение было принято, и по всей пограничной линии было направлено секретное распоряжение не допускать караваны переходить в русские пределы, а караваны направлять только в Троицк, Орск и Оренбург, где будут приняты специальные меры.

Против карантина для первого приближавшегося каравана высказался начальник таможенного округа Сушков, который сомневался в существовании болезни и считал,

что если бы в караване была болезнь, передающаяся с вещами и товарами, то она уже была бы занесена в Оренбург, поскольку на меновом дворе уже продавались товары из этого каравана. (Это всегда происходило, т. к. караванщики на своем пути за все расплачивались своими товарами. Кочевники киргизы, получив товар, верхом быстро добирался до менового двора и до прихода каравана успевали продать его дороже.)

Слухи о смертности и болезнях в приближающихся караванах приходили со всех сторон. Особенно следует отметить поступок ростовского купца Кайдалова, приславшего из Троицка письмо председателю Пограничной комиссии, в котором он писал о существовании в Бухаре заразной и страшной болезни; имея в бухарском караване своих товаров на 100 000 руб., он, «свои выгоды ни во что не вменяя против блага отечества», просил никоим образом не допускать караван в пределы России. Он писал, что новая страшная болезнь, «причина гибели народов», захватила идущие из Бухары к Троицку караваны, что в них большая смертность. Секретный комитет, проводивший дознание, нашел сведения купца неслаживающими веры и — «дабы зловерный замысел купца открыть во всей полноте» — отдал Кайдалова под суд за распространение ложных и тревожных слухов. Следствие тянулось до марта 1830 г. и завершилось освобождением купца, когда холера уже открыто свирепствовала в Оренбургском крае.

О мятарствах Кайдалова каким-то образом узнал граф Бенкендорф, начальник III отдела собственной Его Императорского Величества канцелярии, и Кайдалову за патриотизм и в вознаграждение за несправедливое преследование была пожалована золотая медаль на Аннинской ленте.

Но это было потом, а летом 1829 г. при обследовании подходивших к Линии караванов больных не обнаруживали. Караванщики клялись на Коране, что ни о какой болезни в Бухаре и Хиве не слышали, там все спокойно. Не имея твердых подтверждений существования болезни в караванах и убежденный медиками в «неприличности» холеры, Эссен был вынужден отменить все карантинные меры. Вскоре он отправился на ревизию по губернии, во время которой встретил А. Гумбольдта и проф. Розе, возвра-

щающихся из путешествия по Сибири. Позже, в Германии, они обнародовали свои записки, где было сказано, что им приходилось во время путешествия по киргизским степям отражаться под свирепствовавшей там эпидемии карантинами. По справкам, наведенным Эссеном в управлении Западной Сибири, оказалось, что это была не холера, а сибирская язва.

А. В. Попов считает, что в караванах были больные, но на долгом пути до Оренбурга, не более при приближении к Линии, их оставили у киргизов, почему эпидемия в киргизской степи началась раньше, чем в русских пределах. В августе о необыкновенной смертности среди киргизов стало известно в Омске, а оттуда дали знать в Оренбургское губернаторство.

В Оренбурге 26 августа в военном госпитале от холеры скончался радовой Иванов, а 21 сентября была официально объявлена эпидемия холеры. Этот день можно считать знаменательным: в этот день холера вышла из пределов Азии и стала твердой ногой в Европе, где почти в течение столетия постоянно заявляла о себе.

В Оренбурге в то время было пять врачей: четыре военных при госпитале и один гражданский, лечивший больных по домам. С началом эпидемии всех заболевших независимо от их желания отправляли в госпиталь, кроме «лучших людей», отказавшихся от госпитализации: их дома оцеплялись, и сообщение с другими жителями города прекращалось. В госпитале бедные лечились за счет холеры, состоятельные — за свой счет. Вскоре холера стала появляться в окружающих селениях, и губернатор обратился в Казань и Нижний Новгород с просьбой призвать врачей. Несколько врачей приехало на помощь. Чтобы выйти из положения, старших школьников и солдат обучали первичным приемам оказания помощи, в частности кровопусканию. Врачи определили, что в начальной стадии болезни кровопускание эффективно помогает излечению.

По всей Линии и в Оренбурге устроили жесточайшие карантинные. Начальник таможенного округа Сушков, основываясь на закладе сообщения или прикосновения, опять «поддал особое мнение» против карантинных, нарушающих торговлю.

Важнейшим вопросом было обеспечение населения продовольствием. Губернатор возложил эту заботу на Думу и земство, и затруднений с продовольствием население города не испытывало.

В делах ОУАК сохранились сведения о деятельности оренбургского купца и бургомистра Федора Жинкина. С самого начала эпидемии он купил в казенной аптеке большое количество каплей, рекомендованных врачами против холеры, и предоставил их в распоряжение полиции для раздачки бедным жителям; предложил врачам выписывать на его счет бедным лекарства из аптеки, на что к 25 октября издержал уже до 5000 рублей. Бедным жителям раздавал жаркую муку, а кто мог купить из бедных, продавал тем по весьма умеренной цене: 50 коп. за пуд. Предоставил в распоряжение 26 врачей своих лошадей с дрожками, чтобы они скорее поспешали на помощь заболевшим, а также держал при полиции день и ночь дрожки для фельдшеров. Наконец, сам выучился кровопусканию и производил его заболевшим холерой.

К 15 ноября эпидемия в Оренбурге сошла на нет. Все дома, церкви, вещи, товары (особенно товары азиатских караванов, скопившиеся на меновом и гостином дворах) были тщательно окурены и проверены. Холера в Оренбурге исчезла до 1831 г., но в крас небольшими вспышками она продолжалась до марта 1833 г.

В эпидемии 1829 г. в Оренбурге заболело холерой 1110 человек, выздоровело — 900, умерло — 200, среди них генерал-лейтенант Веселитский, начальник штаба, второе лицо после губернатора. Сведений в целом по краю нет, есть лишь по отдельным селениям: в Сеитовском посаде из 509 заболевших умерло 217 человек, в крепости Рассейной из 305 — 286.

Военный губернатор Эссен, отвечая на запрос Медицинского Департамента, отметил, что «врачи во время эпидемии проявили отличное усердие», и предложил представить их наблюдения и мнения о ходе холеры и методах ее лечения. Наблюдения, представленные 21 врачом из разных городов, впоследствии были изданы отдельной книгой. А. В. Попов особо выделяет монографию штаб-лекаря И. А. Соколова, орденодателя оренбургского военного госпиталя, пред-

ставляющую «самый полный очерк из всех описаний холеры во всех отношениях замечательной и для нашего времени».

Свою монографию Соколов начинает медико-топографическим описанием Оренбурга 1829 г.

«Город Оренбург лежит в довольно обширной, безлесной долине, образуемой соединением рек Сакмары и Урала, на правой нагорной стороне последнего, на крутом высоком берегу его. Местоположение его довольно ровное и гладкое, почва земли глинисто-песчаная. Собственно город обнесен валом с бастионами и 4 воротами; улицы в нем прямые, довольно широкие, дома большею частью деревянные, обштукатуренные снутри и снаружи; у бедных умазные глиноку. К городу принадлежат два форштадта, из них один к северо-востоку называется казачьим, другой на запад просто слободкой. Здесь дома все без исключения деревянные, построенные из леса тонкого, весьма часто полунствешшего, сырого (попелей, осины, березы). Число жителей простирается до 11 000 душ и между ними до 6 000 военных. Все они пользуются водою из Урала, чистою, светлою, совершенно безвкусною. Весьма немногие берут ее из двух или трех хороших колодезь. Тоже удобство в удовлетворении и прочим потребностям жизни, по крайней мере главным, необходимым. Не во многих странах так дешева пшеница, рыба, мясо; и кусок черного хлеба в хижине селянина здесь такая же редкость, как белый хлеб у крестьянина в Литве и Финляндии. Правда, падежи почти каждодневные истребляют здесь множество скота, особенно рогатого, но потеря сия с избытком вознаграждается каждое лето и осень выменом баранов киргизских, которых мяса нередко продается по 50 коп. за пуд, а потому и составляет самую обыкновенную пищу простого народа. Жители всего города и вообще всего края представляют чудную, разительную смесь поколений различного характера, языка, обычаев и веры. Русский крестьянин, казак, отставной солдат и малолеток, татарин, башкирец, мещеряк и тестьяр дружелюбно делают между собой обширную плодородную степь, один для нивы, другой для табуна лошадей. Но вольные сословия казаков, малолеток, тестьяр и башкирцев, будучи изъяты от обыкновенных

податей государственных и проводя половину жизни на службе линейной, на коне и форпосте, а дома работая слегка, для себя, нечувствительно заражаются каким-то беззаботным равнодушием к избыткам трудолюбия и деятельности. То же должно сказать и о сословии татар, посвятившим себе исключительно расчетам торговли мелочной, jelenюбною и праздности. Из его источники проистекают не только многие, часто весьма резкие, недостатки в нравственном характере здешнего населения, но и какое-то общее, весьма заметное расслабление физическое. Вот причина, от чего так обыкновенны здесь болезни изнурительные.»

(От врача И. А. Соколова ниточка тянется к А. С. Пушкину: существует предание, что Пушкин в Оренбурге встречался с Иваном Артемьевичем, и тот передал ему собранные им материалы о Пугачеве. Во всяком случае, посмертная маска Пушкина, хранящаяся ныне в Оренбургском областном краеведческом музее, получена в 1899 г. от внука Ивана Артемьевича Н. Д. Соколова.)

По окончании эпидемии холеры Эссен был переведен в Петербург военным губернатором, куда и выехал 7 февраля 1830 г. На его место был назначен граф Сухтелен 2-й. Это была важная перемена в жизни края, из-за обширности полномочий личность главного начальника края отражалась на всех сторонах его жизни. Эту перемену вроде бы связывали с холерной эпидемией. М. А. Корф в своих записках описывает Эссена как «человека без знания, без энергии, почти без смысла... Эссен лично ничего не делал не от недостатка усердия, а за совершенным неумением, даже не читал никаких бумаг, а если и читал, то ничего в них не понимал». У Попова вызывает недоумение этот отъезд Корфа, и он считает уместным защитить Эссена, особенно в отношении его деятельности во время эпидемии. Попов отмечает, что Сухтелен, правый пресвитер Эссена, высокообразованный и талантливый администратор, ни в одной области управления губернией не изменил общего его направления и во многом продолжал политику Эссена. И в распоряжениях Эссена во время борьбы с эпидемией «нельзя заметить по тому времени отсутствия знания, смысла и т. п. и никакой другой воли не

видно, кроме воли Эссена». Эссен оказался в очень трудном положении: шли денесения о существовании болезни в Средней Азии, а караванщики это отрицали, и таможенники считали, что эти слухи — проделки хивинцев, всеми способами стремившихся нарушить торговлю бухарских купцов с русскими. К тому же врачи по описаниям болезни призвали, что это холера, но в необходимости карантинных сомневались (спор между сторонниками и противниками карантинных продолжался все XIX в. Карантин часто доказывали свою бесполезность).

Первая попытка введения карантина по всей Линии кончилась неудачей, потому что политические и торговые интересы государства требовали, чтобы сношения с Средней Азией ничем не нарушались. Жесткие карантинные во время эпидемии холеры в крае Эссен организовывал самостоятельно, без согласования с центральными властями, часто вопреки их указаниям.

С указаниями центральных властей пришлось считаться Сухтелену, который приехал в Оренбург 2 июня 1830 г., когда холера уже захлестла. При отъезде Сухтелена на новую должность, Император Николай I «повелел ему войти в ближайшее рассмотрение всех обстоятельств и мер предосторожности против холеры, принимаемых местным начальством, о причинах появления ее, о качестве и ходе этой болезни, и по внимательнейшем соображении изложить свое заключение о надежнейших способах ограждать наши границы от нового вторжения холеры».

Получив высочайшее указание и будучи сторонником карантинной, Сухтелен со всей присущей ему энергией начал готовиться к встрече с холерой. Сведений о существовании ее в Средней Азии и у киргизов не было, но Сухтелен не доверял этому. Ознакомив с историей эпидемии и деятельностью своего предшественника и найдя призываемые меры недостаточными, он создал под своим председательством комитет для обсуждения предполагаемых мер, в который вошли члены таможен, медицинские чиновники и некоторые купцы, «которые не были замешаны в прежних действиях и исследованиях по предмету холеры». Комитет пришел к выводу, что в 1829 г. холера в Оренбурге была занесена караванами,

и обязал находившие в тот момент к Линии караваны пройти карантинное очищение в течение 21 дня. Но Комитет Министров не поощрил эти меры — интересы торговли со Средней Азии ставились выше всего.

В конце августа Сухтелен получил от Министра Внутренних Дел бумагу следующего содержания: «Комитет г. г. министров, рассмотрев все обстоятельство, относящиеся до сделанного Вашим Сиятельством распоряжения на счет приостановления на границе идущих из Бухарии на Нижегородскую ярмарку караванов, и принимая в соображение, что по сведениям, собранным в Оренбургской линии, не только не имеется никакого сомнения в благополучном состоянии Бухарии и киргизской степи, но даже нет и слухов, чтобы существовала в областях Средней Азии холера или другая какая-либо приличная болезнь, за всем тем однако ж Ваше Сиятельство признали за нужное остановить следующие к Оренбургской линии караваны и подвергнуть оные observations и карантинному очищению, — полагаю в отвращение того, что холера и на будущее время не могли быть допущены подобными стеснительными мерами во вред торговли, предоставить мне предписать начальникам губерний, чтобы впредь без разрешения Высшего правительства не были ни где принимаемы противу холеры карантинные меры. Таковое положение Комитета Министров в 12 день его августа Высочайше утверждено».

Сухтелен, пытаясь оправдаться, пишет: «Когда я прибыл в Оренбургский край, то везде находил еще следы ужаса и опустошения, произведенные заразою холеры, свирепствовавшей в некоторых местах близ Оренбурга до исхода апреля месяца (1830 г. — Е. В.). Общее мнение и глас народа не щадил начальство, упустившее в пределы наши столь пагубную болезнь». И объясняет, что роль холеры существовала в Средней Азии в 1829 г., то нет основания отвергать ее существования и в 1830 г. Но, получив аналогичную бумагу от Министра Финансов, он приказал пропустить караван, хотя срок не истек, одновременно подав рапорт начальнику главного штаба гр. Чернышеву, прося довести его до сведения Императора: «В ожидании нового занесения заразы мне оставалось тогда пренебречь опас-

ностью и предав все на Волгу Божию впустил безусловно азиатские караваны в Россию или подвергает себя предвидимому неудовольствию Министерства, имеющего пребывание за 2 тысячи верст и от которого краткость времени не позволяла получить разрешений. Находясь в таком положении, усматривал пасть на меня гнев Монарха и нарекание всей России, если б я вторично впустил оную холеру, с другой предвидел с огорчением то, что случится — неодобрение принятых мною мер предосторожности, более всего основанных на пагубном предубеждении о незаразительности болезни холеры. ...Затруднения торговли состояли только в том, что караваны опоздали на Нижегородскую ярмарку.»

Именно об этой ярмарке написал в своем «Замечке о холере» А. С. Пушкин: «На дороге встретил я Макарьевскую ярмарку, прогнанную холерой. Бедная ярманка! Она бежала как пойманная воровка, разбросав половину своих товаров, не успев пересчитать свои барыши!»

Но занесли холеру на Волгу не среднеазиатские караваны. В своем рапорте Сухтелен писал: «Астраханский губернатор уведомил меня о появившейся в его губернии холере, завезенной туда на корабле, ввущенном без достаточного карантинного очищения, и почти в одно и то же время я узнал о первых жесточайших опустошениях, которые болезнь сия произвела и о немомверной скорости, с каковою она перевезена была неосторожно пропущенным проезжим целовальником в г. Уральск. Вскоре смертность в сем городе дошла до 80 и более человек в день. Сам атаман Уральского войска сделался жертвою оной». Не только атаман, но почти все начальствующие лица, чиновники войсковой канцелярии и полиции вымерли от холеры. В городе царил ужас. Сухтелен не только не снял все карантинные вдоль Линии и вокруг городов и сел, но, наоборот, ужесточил их, сделав вид, что замечания Министерства относятся только к внешней торговле. Однако население боялось карантинных и часто нарушало их. Холера быстро распространилась по губернии, но до Оренбурга в 1830 г. не дошла. Оренбург защищали карантинные на переправе у Чернореченской и на мосту у Берд.

Всего в эпидемию 1830 г. в Оренбургском

крае заболело 6295 человек, умерло 3095. По окончании эпидемии Сухтелен представил почти всех чиновников, принимавших участие в борьбе с холерой, и всех врачей к Высочайшим наградам.

В начале 1831 г. холеры в Оренбургской губернии не было нигде, кроме Уфы и Уфимского уезда. Летом при смене войск, несших пограничную службу на границе с киргизской степью, она была занесена в Оренбург и распространилась с небывалой силой по всей губернии. В Оренбурге, несмотря на принимаемые меры, холера свирепствовала жестоко: заболели лица всех сословий, умер полицмейстер города, вымер почти весь уездный суд, умерли многие члены магистрата. Во всех бумагах этого года холера сопровождается эпитетами: пагубная, гибельная, губительная, бедоносная. В Оренбурге за эпидемию 1831 г. заболело 1541 человек, умерло 353; по губернии заболело 21 236 человек, умерло 7602.

В 1832 г. в Оренбурге был полный неурожай и в зиму 1832-33 гг. страшный голод, но эпидемии (необъяснимый случай) не было, хотя отдельные случаи холеры и в Оренбурге и в других местах края зарегистрированы. За годы эпидемии население привыкло к холере и выработало свои «домашние» способы лечения и профилактики. Каждый изобретатель считал долгом сейчас же оповестить о «новом средстве» губернатора: рекомендовалось постоянное держание во рту куска «спожного вару», питье три раза в день по рюмке детярной воды, ношение на груди ладанок с камфарой, чесноком и т.п. Обо всех этих средствах губернатор сообщал в Медицинский Совет, который находил их незаслуживающими внимания. Впрочем, врачи признавали и бессилие науки в борьбе с холерой.

Уральский холерный комитет врачей-делей из уральских казаков в 1831 г. представил военному губернатору к награждению ряд лиц «за изобретение спасительных и простых от холеры средств и за усердие и труды, на спасение погибавших холерою людей понесенные». Сухтелен нашел возможным наградить их не за изобретение нового способа лечения, а за то, что среди всеобщего смятения они не теряли присутствия духа, помогли начальству «успокоить народное волнение, появлялись в самых

гнездах эпидемии бодрис, уверенные и с достопульной пониманию населения помощью».

Описанная эпидемия холеры не ограничилась Россией, вот ее ход: в 1829 г. холера попала из Средней Азии в Оренбургский край, в 1830 г. — из Персии в Астрахань и Одессу, а оттуда захватила все Поволжье и Москву, в 1831 г. — почти всю Европейскую Россию, юго-западную Европу и Германию. В 1832 г. холера почти затухла в России, но свирепствовала во Франции, Бельгии, Голландии и из Европы была перевезена в Америку. В 1833-1837 гг. она захватила всю Европу, кроме Англии, но несколько раз возвращалась в один и те же места. В 1835 г. в России холера не было. В 1838 г. не было и в Европе.

Это была первая эпидемия азиатской холеры в Европе. Затем был ряд последующих: в 1847-59 гг., в 1865-72 гг. Четвертая началась в 1892 г. и в момент написания исследования (1909 г.) еще продолжалась.

Известный путешественник и ученый А. Пумбольд писал: «Во всех странах света люди как будто находят великое утешение в представлении, что эпидемическая болезнь

заносится к ним извне. Такая вера льстит национальному самолюбию. Есть что-то унизительное в мысли, что живешь в стране, которая порождает эпидемии: поэтому гораздо успокоительнее для нас считать эти болезни за засажки гостей или за случайные явления. Народ легко принимает подобное объяснение, так как оно очень удобопонятно. Врачи, власти тоже очень довольны им: слово «занесено» освобождает их от всякой ответственности и трудов, от необходимости отыскивать и устранять действительные причины болезни».

Холера в России и Европу в основном заносилась через Персию, но вскоре акклиматизировалась и дала местные, довольно жестокие, вспышки болезни. Многолетняя борьба с эпидемиями позволила сделать вывод, что лучшая защита от холеры — гигиена каждого, организованная канализация, водопровод с фильтрами и достаточное питание. А. В. Попов в доказательство приводит пример Англии, которая никогда не признавала ни карантинных, ни самой холеры, но куда холера не проникала благодаря соблюдению вышеперечисленных условий.

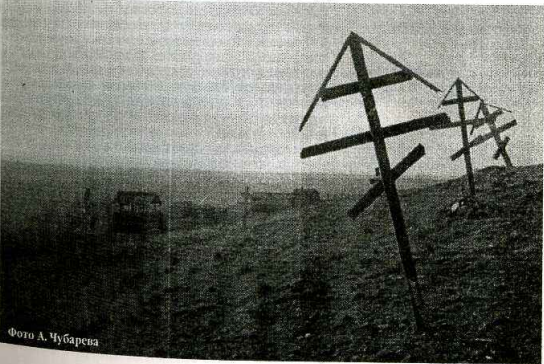

Фото А. Чубарова

Галина Павловна Матвиевская родилась в Днепротетровске, росла в Оренбурге. Окончила математико-механический факультет Ленинградского университета, работала в Ленинграде и Ташкенте. Доктор физико-математических наук, член-корреспондент Академии наук Узбекистана, действительный член Международной академии истории наук, профессор кафедры алгебры Оренбургского государственного педагогического университета. Занимается историей науки и краеведением.

Галина Матвиевская
Инна Зубова

Друзья Пушкина в Оренбурге

О пребывании А. С. Пушкина в Оренбурге и об оренбургских мотивах в его творчестве написано так много, что, казалось бы, трудно добавить что-нибудь новое. Такая возможность, однако, появится, если вспомнить, что далекий пограничный город на юго-восточной окраине России сыграл важную роль в жизни двух его близких друзей: Владимира Вольховского и Павла Яковлева.

Владимир Дмитриевич Вольховский (1798-1841) — лицейский соученик поэта. С детства готовясь к военной службе, Вольховский постоянно воспитывал себя в спартанском духе, за что получил прозвище «Суворчик» или «Суворочка». Преподаватели отмечали его редкие дарования и оценивали успехи в учебе как «превосходные», «прекрасные», «чрезвычайные». Профессор Н. Ф. Кошанский, например, в одной из регулярно составлявшихся характеристик писал, что этот лицест имеет «все потребные способности в лучшей степени».

Товарищи любили его за честность, скромность, благородство в мыслях и поступках, безусловно признавая его первенство. В стихотворении «19 октября» (1825 г.) А. С. Пушкин писал:

*Спартанскою душой пленяя нас,
Воспитанный суровою Минервой,
Пушкой опять Вольховский? свидет первый,
Последний — я, иль Бр/ольо?, иль Д/анзас?»*

Правда, этих строк нет в окончательном варианте, — автор, наверное, решил не напоминать Броглию и Данзасу об их неважных школьных отметках. И несомненно, именно Вольховский был одним из «спартанцев», которых Пушкин упоминал в веселом стихотворении «Пирующие студенты» (1814 г.):

*Ужели трезвого найдем
За скатертью студента?
На всякий случай выберем
Скорее президента.*

*В награду пьяным он нальет
И пунш, и зюг душистый,
А вам, спартанцы, поднесет
Воды в стакане чистой...*

Родом Владимир Дмитриевич Вольховский был из Полтавы, происходил из небогатой многодетной дворянской семьи. Учился в Московском университетском благородном пансионе, но был переведен в открывшийся Царскосельский лицей вместе с другими лучшими воспитанниками: Д. Н. Масловым, С. Г. Ломоносовым, Ф. Ф. Матюшкиным, М. Л. Яковлевым, К. К. Данзасом и Н. Г. Ржевским. Наряду с «Суворочкой», лучшим по учебе был А. М. Горчаков, учившийся до Лицея в Санкт-Петербургской гимназии. Однако при выпуске первую, или Большую, золотую медаль присудили Вольховскому, и это решение приняли как должное все воспитанники, в т. ч. и сам Горчаков, получивший вторую золотую медаль.

По окончании Лицея Вольховский, вынужденный в гвардию прапорником, избрал службу «по квартирмейстерской части» в Генеральном Штабе. Чтобы попасть в это элитное учреждение, которое возглавляло серьезную, стратегически важную работу военных геодезистов по картографированию России, следовало пройти специальное испытание, подтверждающее наличие необходимых научных, прежде всего математических познаний.

Такими познаниям Вольховский, несомненно, обладал. Об этом говорит программа трех последних лет т. н. «окончательного курса» обучения в Царскосельском лицее. В ней числились науки «нравственные», физические, математические, исторические, словесность, языки, изящные искусства, гимнастические упражнения. Постига науки «нравственные», воспитанник получал «знание устройства гражданских обществ», прав и обязанностей гражданина, что обеспечивало прочное «нравственное положение человека в обществе». При обучении наукам историческим и словесности ему вносили, что «история должна быть делом разума», словесность «также приближаться более к упражнениям разума, нежели памяти». Изучение «наук физических», под которыми понимались физика и физическая география, помогло уснить связь физических явлений с законами природы, понять «причины оных» и дало «коренное познание земного шара в физических отношениях».

Что касается «наук математических», то здесь выпускник Лицея должен был знать алгебру (до уравнений третьей степени), планиметрию и стереометрию, пройти курс плоской и сферической тригонометрии, освоить «приложение алгебры к геометрии и коническим сечениям», т. е. основы аналитической геометрии. Далее, как сказано в программе, он должен «показать нужнейшие части прикладной математики, как то: статику, гидравлику, артиллерию и фортификацию». Только в 1834 г. последовало решение «отменить прикладную математику».

Инна Константиновна Зубова родилась в Ленинграде, выросла в Оренбурге.

После окончания математико-механического факультета Ленинградского университета работала в Ташкенте, Ленинграде и Киеве.

Кандидат физико-математических наук. Преподает математику в Оренбургском государственном университете, занимается историей науки и краеведением.

ку и ту часть алгебры, которая служит более к объяснению высших исчислений, нежели к употреблению в общежитии; за сим исключением преподавать из высшей математики все то, что нужно для развития умственных способностей и умножения познаний, необходимых для хорошо образованного гражданского чиновника, к чему прибавить еще практическую механику с объяснением теории одной без высших исчислений».

Таким образом, программа обучения в Лицее была весьма солидной, почему лицейское образование и приравнявалось к университетскому и даже давало больше прав. Именно поэтому, как писал академик Я. К. Грот (лицеист более позднего выпуска), «Вольховский не боялся еще раз подвергнуться экзамену», выдержал его и после этого для него «начался ряд служебных успехов» в Генеральном Штабе.

В это же время Вольховский стал членом одного из возникавших тогда тайных обществ. Вот как вспоминал об этом его однокурсник Иван Иванович Пущин: «Баце в лицейском мушкетере я был частым гостем артилы, которую тогда составляли Муравьев (Александр и Михайло), Бурцов, Павел Колосини и Семенов. Постоянные наши беседы о предметах общественных, о зле существующего у нас порядка вещей и о возможности изменения, желаемого многими втайне, необходимо сблизили меня с этим кружком — я сдружился с ним, почти жил в нем. Бурцов... нашел, что по мнениям и убеждениям моим, вынесенным из Лицея, я готов для дела. На этом основании он принял меня и товарища моего Вольховского, который, по ступив в гвардейский Генеральный штаб, сделался его товарищем по службе. Бурцов тотчас узнал его, понял и оценил».

«Кружок», о котором говорит Пущин, назывался «Священный артефакт»; позднее он вошел в «Союз спасения», затем в «Союз благоденствия». Активным членом их Вольховский не был, поскольку служба, которой он отдавал все силы, оставляла ему для этого мало времени.

24 июня 1820 г. молодой офицер Генерального Штаба был командирован в Бухару при миссии А. Ф. Негри. По этому поводу Егор Антонович Энгельгардт, директор Лицея, сохранивший на всю жизнь дружбу со

многими своими питомцами, пишет одному из них, Федору Матюшкину: «Вольховский отправился с посольством в Бухарию; я этому очень рад: 1) Это отличие; 2) Это удалит его на некоторое время отсюда... 3) Это несколько поправит его финансы и наконец 4) путешествие довольно интересное. Повидимому, Энгельгардт знал взгляды своего воспитанника и считал небезопасным для него его политическое окружение, а потому радовался его отъезду».

Другой участник бухарской миссии, Павел Лукьянович Яковлев (1796-1835) был старшим братом лицейста Михаила Яковлева (1798-1868), однокашника и близкого друга А. С. Пушкина. Братья начинали учиться в Москве, но Михаил в 1811 г. был переведен из Московского университетского пансиона в Царскосельский лицей, Павел же завершил курс в Московском университете. В 1818 г. он переехал в Петербург; где, помимо службы в Коллегии Иностранных Дел, занимался литературной деятельностью и театром, активно сотрудничал в журнале «Благонамеренный», издававшемся его двоюродным дядей, известным в то время литератором А. Е. Измайловым (1779-1831), близко сошелся с друзьями брата, особенно с А. А. Дельвигом, стал завсегдатаем литературного салона С. Д. Пономаревой (1799-1824), которой посещали также А. Е. Измайлов, И. А. Крылов, Н. И. Педич, Е. А. Боратынский.

6 мая 1820 г. П. Л. Яковлев вместе с Дельвигом провозжал уезжавшего в Кишинев А. С. Пушкина...

В том же году он был назначен секретарем русской миссии в Бухару и в июле вместе с А. Ф. Негри отбыл в Оренбург. Вслед за ним полетели письма А. Е. Измайлова. 12 августа он писал в Оренбург Яковлеву: «Как я обрадовался, любнейший Павел Лукьянович, получив вчерашний день ваше письмо... Долго ли вы пробудете в Оренбурге? Надеюсь, что письмо мое еще вас застанет. Теперь же вы, вероятно, на половине дороги и, вероятно, покойнее едете из Москвы в Оренбург; нежели ехали из Петербурга в Москву. Дай Бог доехать вам благополучно и до столицы неизвестного Бухарского государства, да поскорее оттуда отправиться обратно в православную нашу Россию».

Дипломатическая миссия А. Ф. Негри (1784-1854), первое посольство России в Бу-

харское ханство, была отправлена в ответ на присылку послов от эмира, желавшего установить дружеские отношения с «белым царем», как называли в Средней Азии русского императора. В то время отношения с восточными соседями начали играть видную роль во внешней политике России, и миссия Негри, многоопытного дипломата, явившего себя в турецких и персидских делах, придавало большое значение.

Помимо дипломатических, перед миссией ставились задачи и научного характера, связанные с описанием пустынных, тогда еще никому не ведомых земель, по которым ей предстояло совершить долгое путешествие. В связи с этим в состав миссии были включены специалисты по картографии офицеры Генерального Штаба капитан Е. К. Мейендорф, поручики Вольховский и Тимофеев, а также ученый-натуралист Х. И. Пандер.

Организация поездки, которую предполагалось обставить весьма торжественно, была возложена на оренбургского военного губернатора П. К. Эссена, что подтверждалось рескриптом Александра I от 3 июля 1820 г.

В Государственном архиве Оренбургской области хранится оригинал документа, позволяющих выяснить некоторые подробности этого путешествия, деятельными участниками которого были друзья А. С. Пушкина. Из них мы узнаем, в частности, что путь был небезопасен из-за участвовавших нападений хивинцев, которые грабили торговые караваны, шедшие из Оренбурга в Хиву или обратно.

Большой интерес представляет инструкция Министерства Иностранных Дел от 25 июля 1820 г., в которой А. Ф. Негри предписывается забота «о людях, в рабстве находящихся в Бухаре и Хиве*». В документе сказано: «В Хиве и Бухарии имеется немалое число Российских подданных разных исповеданий, скваченных Киргизцами и иными хищниками и проданных в рабство. Каждый из них составляет собственность купившего его и нельзя предполагать удобовозможным освободить их без издержек. Поэтому Негри должен «потребить все старания», чтобы было возможно точнее узнать, «как велико

число сих в рабстве находящихся Российских подданных, много ли между ними Русских и по роду и по исповеданию веры, в какую сумму обошлся бы выкуп каждого пленного и «простирается ли так далеко власть Хана, чтобы принудить владыц... отпустить их в Россию за цену, о которой со временем могли бы вы улиться». Наконец, «особенное внимание» следует уделить «исследованию, с какой наиболее стороны бывают увлеканы в рабство пограничные жители, кто участвует в сем злодеянии». Понятно, что подобные поручения следовало выполнять с осторожностью, чтобы не вызвать враждебной реакции.

К такого же рода поручениям относились топографические съемки местности, которые следовало произвести по пути. С этой целью к миссии прикомандировывались четыре офицера «для осмотра киргизских степей, рек Улугура и Сира, а также самой Бухарии», и Негри должен содействовать «успешнейшему исполнению возложенного на них поручения, которое нужно сохранять в тайне».

Для картографических работ первоначально предполагалось отправить с капитаном Мейендорфом из Петербурга двух офицеров, а в Оренбурге к ним должны были присоединиться еще два, с тем, чтобы при миссии «находились пять офицеров по квартирмейстерской и инженерной части». При этом было определено, что одним из оренбуржцев должен быть Г. Ф. Енс, образованный и опытный военный инженер, знаток зуральских степей, впоследствии многолетний председатель Оренбургской пограничной комиссии. Однако военный губернатор Эссен подает рапорт генерал-инспектору по инженерной части, великому князю Николаю (будущему императору), испрашивая разрешения послать другого офицера — по причине неадекватности Енса, выполняющего сразу девять важных обязанностей. Было решено, что можно обойтись только петербургскими военными топографами, т. е. для помощи Мейендорфу, кроме Тимофеева, имеется «еще один офицер Гвардейского Генерального Штаба», т. е. Владимир Вольховский.

Архивные документы позволяют уточнить хронологическую последовательность событий и осветить обстоятельства, связанные с

* Здесь же хранится «список находящихся в Азии в неволе российских подданных с 1794 года» (242 человека), который был представлен А. Ф. Негри в Оренбурге.

приездом участников миссии в Оренбург и организацией ее отправки в Бухару. Имеется, например, собственноручное письмо А. Ф. Негри к П. К. Эссену из Казани от 17 августа 1820 г., в котором сообщается, что «находящиеся при миссии господа офицеры гвардейского Генерального Штаба капитан барон Мейендорф и поручик Вольховский отправляются отсюда нынешнего числа». По-видимому, вместе с ними выехал и «секретарь миссии коллежский ассessor Яковлев», через которого передается это письмо. Сам Негри отправляется завтра и просит приготовить квартиру для себя и Яковлева.

Многочисленные приказы, рапорты, деловые письма свидетельствуют, каких трудов стоила разработка маршрута миссии и обеспечение ее спокойного проезда через казахские степи, организация военного конвоя и окончательное укомплектование состава отряда. Велась оживленная переписка с султанами Малой и Средней Орды, подписывались лучшие переводчики-толмачи, решался вопрос о назначении в миссию врача и священника, ибо, как писал Негри, «трудности пути, перемена пищи и воды будут причинами частых болезней, и, от чего Боже сохрани, самой смерти людей, для нашего конвоя назначенных».

Вопрос о врачах был решен благодаря включению в состав миссии молодого ученого доктора Э. А. Эверсмана, который определился на службу в Златоуст, ожидая удобного случая для задуманного им путешествия на Востоку — через Бухару в Кашгарию и Тибет. Об этом П. К. Эссен, покровительствовавший Эверсману, с лета хлопотал перед канцлером К. В. Нессельроде, отмечая «ревность, с какою желает сей молодой ученый посвятить себя на пользу поручаемого ему дела и совершить путешествие, которого плоды могут быть немаловажны для видов нашей торговли и в особенности для успехов науки». На Э. А. Эверсмана воз-

ложили обязанности врача экспедиции, снабдили его медикаментами, а в помощники назначили лекаря Пономарева, который должен был заменить его на обратном пути, когда, как предполагалось, Эверсман самостоятельно продолжит свою поездку на Восток.

В Именном списке господ чиновников и разного звания людей, находящихся при миссии, в Бухарию отправляемой, значится, помимо участников и лиц, которым «дозволено быть при миссии по собственному желанию», также «служители». При Вольховском состоял Дмитрий Федоров, при Яковлеве — Анисим Тимофеев.

21-го сентября Е. А. Энгельгардт пишет Ф. Ф. Матюшкину, что получил от Вольховского письмо из Оренбурга. «Они благополучно туда доехали. — сообщает Егор Антонович, — и теперь отправляются далее на верблюдах, а не на собаках». Шутливое упоминание о собаках связано с тем, что любимейший ученик Энгельгардта Матюшкин, который, как позже скажет Пушкин, «с лицейского порога... на корабль перешагнул», с февраля 1820 г. находился в экспедиции капитана Ф. П. Врангеля по берегам Северного Ледовитого океана. Это была сухопутная экспедиция, передвижавшаяся в основном на собачьих упряжках.

Полученное от Вольховского письмо Энгельгардт показал навестившему его Пушкину, который 19 сентября пишет в Оренбург: «Большим удовольствием читал письмо твое к Егору Антоновичу, любезнейший мой Вольховский!»

Пушкин пишет у Энгельгардта, поэтому, вероятно, спешит и коротко сообщает новости, касающиеся общих знакомых. Все это — знакомые по «Союзу благоденствия».

Проведя в напряженных трудах шесть недель, 17 октября 1820 г. миссия выступила из Оренбурга. Конвой, которым командовал капитан С. Ци-

В. Д. Вольховский (1798-1846). Портрет работы неизвестного художника. 1830-е гг.

оловского, должен был состоять из «сотни уральских и сотни оренбургских казаков, двух орудий казачьей конной артиллерии и 100 стрелков оренбургского гарнизонного полка». Е. К. Мейендорф в своих воспоминаниях говорит, что миссию сопровождали 200 казаков, 200 пехотинцев, 25 всадников-башкир. В отряде насчитывалось 400 лошадей и 358 верблюдов.

Дорога была долгой и трудной. Она подробно описана в воспоминаниях Е. К. Мейендорфа и в опубликованных в 1823 г. в Берлине на немецком языке путевых заметках Э. А. Эверсмана. Последний пишет: «О путешествии через бесконечные степи, созинаясь, очень скудно читать, и я могу пободить читателя только уверив его, что в действительности оно неизмеримо скучнее: здесь оно прочитывается за час, нам же потребовалось два месяца и девять дней, чтобы совершить его».

20 декабря 1820 г. состоялся торжественный въезд русского посольства в Бухару. Здесь оно провело три месяца. Переговоры проходили успешно. Эмир проявил большой интерес к торговле с Россией, обещал охрану купеческих караванов от Бухары до Сыр-Дарьи и заверил, что запретит своим подданным покупать русских невольников.

О том, как жили участники миссии в Бухаре, известно из записок Е. К. Мейендорфа. Они могут быть дополнены имеющимися в архиве документами П. К. Эссену Циолковского, Эверсмана и других участников экспедиции. Петербургская публика узнавала об экзотической стране из писем П. Л. Яковлева, которые печатал «Благонамеренный». Вот, например, его юмористическое описание Бухары:

«Хотите ли знать, что за город?.. Домов не видеть, а по обеим сторонам улиц стены с дверями; войдете в дверь, и вы во дворе, а кругом этого двора — комнаты. Женщин нет, а называются женщинами какие-то движущиеся куклы, с головы до ног закутанные в халаты. Хан умеет читать, в доказательство чего прочел при нас грамоту громко и вразумительно. К нему ходят все запросто: в халатах. Он не привязан к женщинам, — доказательство: у него слишком 1000 жен...»

«Тетров, гуляющий здесь не бывает; зато каждый день вешают по несколько человек. Тут все придумано, чтобы доставить прият-

ное зрелище и прогулку для бухарской публики; а кругом виселиц продают все, что только можно пожелать в столичном городе: баранину, дыни, виноград, изюм и пр.

Русский человек здесь более в моде, чем у нас французы: едва увидят его, и все бегут за ним и все кричат: «Урус! урус!», и не могут надидаться всякой лутувнице...»

23 марта 1821 г. миссия Негри пустилась в обратный путь. 16 мая отряд торжественно вошел в Оренбург.

Вступая в путешествие участники миссии собрали интересные сведения об областях, совершенно неизвестных науке того времени: о приаральских Кара-Кумах, низовьях Сыр-Дарьи, Кызыл-Кумах, Бухаре. Х. И. Пандер и Э. А. Эверсман (ему пришлось вернуться вместе с миссией) составили ботанические и зоологические коллекции, в которых фигурировали новые виды растений и животных. В записках путешественников приводились данные, на основании которых можно было создать представление о географии, климате, геологии региона, флоре и фауне. Они впервые описали Бухарское ханство, его административное устройство, население, его быт и обычаи, и т. д.

Е. К. Мейендорф писал, что ему «было поручено собирать географические и статистические сведения о стране, по которой мы собирались проехать», а «господа поручники Генерального Штаба Вольховский и Тимофеев» должны были ему в этом помогать. Мии была произведена топографическая съемка и составлена, на основе этих данных, карта Каспийской низменности.

Прибыв в Оренбург, Вольховский сразу же даст знать о себе Энгельгардту, а тот, в свою очередь, сообщит Матюшкину: «Пришло письмо от Бухарского Вольховского. Он благополучно окончил свое путешествие, посольство возвратилось уже в Оренбург и он надеется быть здесь в августе.»

В Петербурге Вольховского ждало поощрение. Как свидетельствует Я. К. Грот, он «через год удостоился личного доклада Александру I и награждения пенсией в 500 рублей».

Другой участник «бухарского посольства», П. Л. Яковлев, получил чин надворного советника и орден Св. Владимира 4-й степени. Его приезд из Бухары, совпавший с возвращением Е. А. Боратынского из Финляндии и В. К. Кюхельбекера из Германии, А. А. Дель-

виг отстил стихотворением, которое он назвал «Дидирамб (На призед трех друзей)»:

*Приши три гостя
в обителъ поэтову*

*С дальних сторон:
От финнов бледных
Ледяноволосых;
От Рейна — старца;
От моря спячущего
Азийских песков.*

*Три гостя,
с детства товарищи,
спутники,*

Братья мои!

Для П. Л. Яковлева на этом связь с Оренбургом кончилась, но В. Д. Вольховскому пришлось побывать здесь еще два раза.

В январе 1824 г. он был командирован в Отдельный Оренбургский корпус с «особенным поручением» и с 24 февраля по 29 марта участвовал в экспедиции, целью которой было «преследование кочевых мятежников». Из архивных документов мы узнаем, что отряд из 700 уральских казаков под командой полковника Циолковского, отправившийся из Сарайчиковской крепости, должен был обезвредить группы киргизских разбойников, которые напали на рыбацких на Каспийском море жителей Астрахани, грабили их и похищали. Однако из-за необычайно рано вскрывшихся Урала и Эмбы и растаявших солончаков на пути к Каспийскому морю экспедиция вынуждена была вернуться.

В Оренбурге Вольховский получил датированное 8 апреля письмо И. И. Пущина, в котором говорилось: «Если тебе будет время, пусти грамотку ко мне прежде твоего выезда из Оренбурга. По моему расчету это письмо тебя должно непременно там найти». Посвятив Вольховского в свои дела и рассказав о товарищах, Пущин заканчивает письмо словами: «Вот тебе, любезный Володя, все, что можно сказать в твоих пределах письма. Молю Бога, чтоб ты, кончивши благополучно поручение свое, порадовал скорее меня своим приездом. Не знаю, что ты думаешь? Не знаю, что ты предпримешь?»

За выполнение «особых поручений» в этой поездке Вольховский 13 августа 1824 г. был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени.

Весной 1825 г. он, по-видимому, подумывал об уходе с военной службы из-за болез-

ни отца и связанных с этим семейных забот, и с 17 мая по 25 августа находился в отставке, однако затем вернулся на службу в Генеральный Штаб, и уже 27 августа был командирован в новую экспедицию в Оренбургский край, которой руководил полковник Ф. Ф. Берг.

Дело Государственного архива Оренбургской области, озаглавленное «О поездке экспедиции под командованием полковника Берга к северо-восточным берегам Каспийского моря», содержит интересные документы об этом походе, который преследовал не только военные, но и научные цели. Оказывается, несмотря на прошлогоднюю неудачу, полковнику Циолковскому удалось получить сведения об участниках морских грабежей и составить «список воровских скопищ». Эти сведения, сообщенные в рапорте военного губернатора Эссена в Петербург, послужили основой правительственного решения «о рассеннии и самом захвате главных кочующих в тех местах Киргизов на будущее время от своевольтва, с коим они устремляются в море на грабежи рыбных промышленников, производя впрочем не меньше буйства и по степям».

Экспедиция получила важные для науки данные, т. к. впервые исследовала плато Устюрт. На побережье Аральского моря были проведены астрономические наблюдения, произведены нивелировка и топографическая съемка, составлена карта, определен уровень Каспия и Арала.

Участником экспедиции опять был Э. А. Эверсманн, спутник Вольховского по бухарской миссии. У него навсегда остались воспоминания об этом трудном зимнем походе, который завершился только 17 марта 1826 г.

Перед началом экспедиции, осенью 1825 г. Вольховский в третий раз побывал в Оренбурге. Подтверждение этому мы находим в письме, которое 2 сентября того года невеста А. А. Дельвига С. М. Салтыкова написала своей подруге А. Н. Семеновой, незадолго перед тем вышедшей замуж за старое петербургское знакомца Вольховского, впоследствии знаменитого натуралиста и путешественника Г. С. Карелина. «Начиная сегодня письмо мое, — пишет Салтыкова, — рекомендацией одного молодого человека,

которого я сама знаю только по отзывам других... Это некто г-н Вольховский, которого Антоша (Дельвиг — Авт.) очень любит и с которым он воспитывался в Лицее; он говорит о нем бесконечно хорошо: этот молодой человек очень образован и полон достоинств. Я узнала только вчера, что он едет в Оренбург (т. е. он едет в Хиву и проедет через Оренбург) и — за несколько часов до его отъезда. Я очень досаждаю на это, т. к. я попросила бы его взять письмо к тебе... Он знает твоего мужа... Вольховский выказал много хорошего о твоём муже... Между прочим, он говорит, что Григорий (Карелин — Авт.) великолепно владеет даром слова, что «он говорит обворожительно», что он очень образованный человек и либерал». Далее Салтыкова пишет, что, по словам Дельвига, Вольховский должен быть в Оренбурге через 18 дней, и Карелина познакомится с ним раньше, чем получит письмо, а затем добавляет: «Прошу тебя, дорогой друг, смотреть на этого молодого человека как на брата Антоши, так как он смотрит, как на братьев, на всех своих сотоварищей по Лицею, в особенности на хороших, как Пушкин, Горчаков, Вольховский и др. Итак, я надеюсь, что ты сделаешь ему хороший прием из дружбы к нам».

Вольховский был сердечно принят у Карелиных. 31 июля 1826 г. Софья Михайловна, уже Дельвиг, напишет подруге: «Мы много говорили о тебе с Вольховским. Вот единственный в своем роде человек. Я не могу достаточно им нахвалиться и люблю его как брата».

Это письмо написано, когда декабрьские события 1825 г. были уже позади, следствие по делу декабристов закончено и казни пятерых из них свершились. Вольховского привезли на следствие из Уралья, по завершении экспедиции. Он был оправдан и переведен служить на Кавказ.

Таким образом, В. Д. Вольховский, проведя немало времени в Оренбурге и Оренбургском крае, был хорошо знаком с уральскими казаками и степями, где в свое время начиналось восстание, которым руководил Емельян Пугачев. Именно это имел в виду А. С. Пушкин, когда, посылая ему в 1835 г. свою «Историю Пугачевского бунта», писал: «Мнение твоё касательно моей книги во всех отношениях было бы мне драгоценно».

Алла Прокофьева
Виктория Прокофьева

Оренбургские читатели и почитатели А. С. Пушкина

Алла Георгиевна Прокофьева
родилась в Оренбурге.

Окончила
историко-филологический
факультет Челябинского
педагогического института и
аспирантуру
при Ленинградском
педагогическом институте
и. А. И. Герцена.
Доктор педагогических наук,
профессор русской
классической литературы
ОПТУ. Автор более 70 работ
по литературной истории
края и методики преподавания
литературы.

Виктория Юрьевна
Прокофьева родилась
в Оренбурге.

Окончила филологический
факультет Оренбургского
педагогического института и
аспирантуру
при Петербургском
педагогическом университете
им. А. И. Герцена.
Кандидат филологических
наук, старший преподаватель
кафедры современного русского
языка. Автор более 30 работ
по анализу художественного
текста и литературному
краеведению.

У меня А. С. Пушкина стало известно оренбуржцам задолго до его приезда в Оренбург. Еще в 1815 г., судя по воспоминаниям нашего земляка С. Т. Аксакова, другой наш земляк Г. В. Державин говорил ему о том, что «скоро явится свету второй Державин: это Пушкин, который еще в Лизие переделывал всех писателей».

В сентябре 1820 г. поэт-баснописец Александр Ефимович Измайлов писал в Оренбург своему племяннику, соотрудику «Вестника Европы», «Благонамренному» и др. периодических изданий Павлу Лукьяновичу Яковлеву, брату лицейского товарища Пушкина: «...нового в литературе ничего у нас нет, кроме поэмы Пушкина «Руслан и Людмила», которую хвалят и хвалят без милосердия. Воейков делает ей разбор, или, лучше сказать, составляет из ней выписку». Неделю спустя, 23 сентября 1820 г., в добавление к написанному Измайлов сообщает: «Воейков хвалит, хвалит Пушкина, но наконец разругал его по-мужичьи. И Воейкова обругали в двух эпиграмах, из которых одну написал барон Дельвиг; а другую кто бы вы думали! — Крылов!» Между прочим, И. А. Крылов детство провел в Оренбурге, и его воспоминания о пугачевской осаде записаны самим Пушкиным.

На 20-е гг. XIX в. приходится и переписка двух подруг, одна из которых, Александра Николаевна Семенова, жившая в Оренбурге, стала женой будущего ученого и путешественника Г. С. Карелина, посланного в Оренбург в 1822 г. за шаж на Аракчеева с надписью «Бес лета предан». У Карелиных родилась в Оренбурге Елизавета, ставшая впоследствии бабушкой Александра Блока. В 1824 г. с Карелиным в Оренбурге встречался его товарищ по Царскому Селу В. Вольховский, соученик Пушкина по Лицею.

Подруга А. Н. Семеновича-Карелиной, писавшая ей в Оренбург письма, это Софья Михайловна Салтыкова, вышедшая замуж за А. Дельвига. В августе 1824 г. она делится с ней впечатлениями о встрече с П. Г. Хавским: «Пушкин и в особенности его «Кавказский пленник»

нравятся ему невыразимо; он знает его лично и декламировал мне много стихов, которые не напечатаны и которые тот сообщил только своим друзьям».

Чуть позже, в октябре 1824 г., Салтыкова пишет: «Он (П. А. Плетнев — А. П.) принес мне несколько стихов из новой поэмы («Евгений Онегин», гл. II — А. П.), которую занят в настоящий момент Пушкин, и настоятельно просит меня послать их тебе, что я и делаю. Сохрани их — это драгоценно, так как это руки самого Пушкина; он прислал эти отрывки Дельвигу, который отдал их Плетневу, и только мы четверо знаем эти стихи. Плетенька очень просит меня не сообщать этого никому, потому что «это уже не будет новостью для Александры Николаевны». Это его собственные слова. Сознаюсь тебе откровенно, что мне очень хотелось снять для тебя копию этих стихов, а автограф Пушкина сохранить у себя, скрыв это от тебя, чтобы ты на это не зарилась, но Плетенька просит меня не делать этого: «Я вам достану что-нибудь его руки... А это прошу вас послать Александру Николаевне — вы ее много утешите». Очень прошу тебя, милый друг, сказать мне твое мнение об этих стихах. Что касается меня, то я нахожу их очаровательными, в особенности начиная от этого места: «Он лел любовь, любил послушный». Весь этот кусок очень красив, не правда ли? Кстати: дорогой наш Пушкин выслан в деревню к своему отцу за свою шалость.»

В мае 1825 г. Салтыкова пишет своей оренбургской подружке про Рахманова, у которой она познакомилась с Дельвигом, и рассказывает про Дельвига и Пушкина: «Он пишет и Пушкина продолжаете «Евгения Онегина» и читал нам его; это очаровательно; там есть детали еще более верные и более комические, чем в первой части; каждый стих достоин того, чтобы быть удержанным в памяти, это поистине восхитительно. Онегин поселился в деревне своего дяди, которого он похоронил и которого он является наследником; описание его деревенских соседей — верх естественности и в высшей степени комично. Невозможно иметь больше ума, чем у Пушкина, — а с ума схожу от этого».

Выйдя замуж за А. Дельвига, ближайшего лицейского товарища Пушкина, поэт и издатель альманахов, Софья Михайловна получила возможность читать произведения

Пушкина еще в рукописном виде, и она спешит познакомиться с ними оренбургскую подружку: «Он (А. А. Дельвиг — А. П.) дал мне прочесть новые стихотворения Пушкина: «Подражание Корану»; это божественно, восхитительно, в скором времени это будет напечатано. Вот еще другие стихи того же автора; они напечатаны и, может быть, ты их знаешь, но на всякий случай посылаю их тебе; они очаровательны: К* («Мой друг, заблужи мной следы минувших лет»).

Иногда С. М. Дельвиг пишет в Оренбург вместе с мужем. Так, альманах «Северные цветы на 1827 год» с напечатанным в нем стихотворением «Я помню чудное мгновение» был отправлен в Оренбург Антоном Дельвигом со стихотворным посланием Александры Карелиной:

*От вас бы нам, с краев Востока,
Ждать должно песен и цветов;
В содействие вашем дух пророка
Волиейной свежестью стихов
Живит поклонников Корана;
Близ вас поют певцы Ирана,
Багря и Сади — соловьи!
Но вы, упрямства, молчите:
Так в наказанье примите
Цветы замершие мои.*

После смерти А. Дельвига Пушкин издал в пользу его родных и вдовы альманах «Северные цветы на 1832 год». На одном из экземпляров — дарственная надпись: «Софье Михайловне Барятинской (С. М. Салтыкова после смерти А. Дельвига вышла замуж за брата поэта Барятинского — А. П.) от издателя».

В Далео, внимательному читателю произведений Пушкина, почитателю его таланта, принадлежат наиболее подробные и ценные воспоминания о пребывании Пушкина в Оренбурге и описание последних дней и даже часов жизни поэта. Из Петербурга в Оренбург Дале привез простреленный сортук поэта и его перстень-талисман.

В конце 30-х Дале часто пишет из Оренбурга Одесскому автору знаменитого некролога «Солнце русской поэзии закатилось». В одном из его писем есть строки: «Перстень Пушкина, который звал он — не знаю почему — талисманом, для меня теперь настоящий талисман. Вам я это могу сказать, вы меня помете, как гляжу на него, так и пробрежит по мне искорка с ног до головы, и хочется прижаться за что-нибудь порядочно».

Светлана Сорокина

Светлана Емельяновна Сорокина родилась в 1941 г. в с. Азатанское Ченгерлауского р-на Уральской обл. Окончила Ташкентский педагогический институт иностранных языков. В Оренбурге с 1985 г. Работала в Оренбургском экскурсионном бюро, областном архиве, музее истории г. Оренбурга. Занимается краеведением, ведет поиск материалов по теме «Оренбургская пушкиниана». Член советов Оренбургского союза краеведов и культурно-просветительского общества «Возрождение Ташлы», действительный член Оренбургского отдела Российского Географического Общества.

Пушкинская хроника Оренбуржья

Пушкин «лично знаком Оренбургу», и чествование его здесь имеет свои традиции. Организация, проведение юбилейных торжеств, сам их день замечательно прослеживаются по оренбургской периодике и по пестрящей разнообразнейшими жанрами и мнениями дореволюционной, и официальной, и сухой, часто скучной — недавнего прошлого. Что само по себе также дает представление о восприятии великого поэта обществом в контексте времени. Пушкин — не только современник каждому «сегодняшнему поколению», он вечный свидетель взлетов и падений своей родины. Неизменная его сопричастность всем этим перепадам просто поразительна, он — точно барометр общественного сознания, общественного самочувствия. По отношению общества к творчеству и личности Пушкина в разные периоды нашей истории судят о духовном, нравственном состоянии самого общества, о его культурном, образовательном уровне. Русский гений прошел через десятилетия забвения и умолчания прошлого столетия, через подозрительность и прокрустово ложе вульгарных социологов нынешнего века. В 1933 г., в год столетия посещения Пушкиным Оренбурга, «Оренбургская коммуна» опубликовала ряд статей, предостерегающих советского читателя от «очарования «Капитанской дочкой» — этого великолепно сработанного продукта классовой (т. е. дворянской) фабрики». Автор статей призывал решительно «посягнуть на этот пресловутый шедевр... ради школы, которая дает в руки своим питомцам эту дорогую и далеко не безопасную игрушку». Но истина берет свое, и некогда воинственные авторы публикаций, направленных против «великолепно сработанного продукта», сами вновь попадают под его очарование.

1880 год. Россия готовится к празднику русской культуры: открытию памятника Пушкину в Москве (скульптор А. М. Опескуин). Инициаторами сооружения монумента поэту «на народные пожертвования»

и в связи с 80-летием были лицеисты пушкинского и последующего выпусков. Памятник предполагалось открыть в день очередной лицейской годовщины — 19 октября 1879 г., но из-за задержек по установлению монумента открытие перенесли на день рождения поэта — 26 мая 1880 г., а затем, из-за траура по императрице-матери — на 6 июня (все даты приведены по ст. ст.).

Прибыв «на открытие памятника величайшему из отечественных поэтов собираются представители всех тех мест, где жил и писал Александр Сергеевич», — с такими словами обратился к оренбургскому генерал-губернатору Н. А. Крыжановскому член-сотрудник Оренбургского Отдела Русского Географического общества Павел Николаевич Распопов и предложил себя в качестве депутата от Оренбуржья. Крыжановский охотно согласился и со своей стороны уведомил о том московского губернатора.

В Москве П. Н. Распопов возложил к памятнику венок от всего нашего края, а на торжественном обеде произнес в присутствии детей Пушкина и корифеев русской литературы (Достоевского, Тургенева, Остро-вского) весьма красочную речь.

В сентябре 1885 г. исполнялось 50 лет со времени посещения Пушкиным Оренбурга. Уже знакомый нам П. Н. Распопов предложил публично отметить эту юбилейную дату, и в декабре того же года состоялся первый в Оренбурге Пушкинский вечер. В торжествах участвовало музыкально-драматическое общество, всеобщий интерес вызвало чтение дневника казачьего офицера Штигoleва о пребывании Пушкина в Оренбурге — оригинальное переплетение правды и вымысла.

Сбор от продажи билетов предназначался на приобретение бюста поэта.

29 января 1887 г. Россия отмечала 50-летие со дня гибели поэта. Вопреки некоторым голосам стобличес консерваторов, наши земляки и тут отстаивали идею самого широкого чествования памяти Пушкина. Две обширные статьи с горячими аргументами в защиту общенародного пушкинского праздника, помещенные в «Оренбургском листке», задали тон юбилейным мероприятиям.

В день памяти Пушкина, 29 января, учащиеся всех учебных заведений были освобождены от последних уроков. Повсюду проводились обязательные панхиссии, вслед за которыми «у бюста поэта, убранного цветами», проводились пушкинские чтения. В учреждениях, после произнесения речей, чиновники почтили память Пушкина вставанием. Вечером в городском театре, украшенном флагами, был дан грандиозный «Пушкинский спектакль», а в заключение — «Апофеоз Пушкину», устроенный из живых картин по сюжетам пушкинских произведений. Спектакль настолько удался, что его решили повторить при пониженных ценах на билеты, вследствие чего он был назван «народным».

Замечательная деталь: антрепренер Вехтер часть сбора уделил на покупку десятитомных собраний сочинений А. С. Пушкина в подарок одиннадцати городским училищам. Этот достойный жест достоин же отметить оренбургская пресса: «Подарок вполне приличествует случаю и хорошо рекомендует антрепренера, как образованного человека».

1899, первое столетие Пушкина. Подготовка к нему в Оренбурге началась загодя. На сей раз первыми были архивисты: уже в

январе они избрали комиссию, которая разработала программу предстоящих торжеств и тем подтолкнула городские власти к некоторой активности. Архивисты обратились к старожилам губернии с просьбой сообщать записки, предания или иные сведения о времени пребывания Пушкина в Оренбурге. Именно тогда были записаны воспоминания Акулины Тимофеевны Блиновой, которая, будучи еще 20-летней девушкой, присутствовала при беседе Александра Сергеевича с бердинской казачкой Бунтовой. Архивисты же выявили, что оренбургский военный губернатор Перовский, гостеприимный хозяин Пушкина, квартировал тогда в доме Тимашевых (ныне Советская, 32), и обратились в городскую думу с предложением отметить дом мемориальной доской.

Юбилейные торжества начались с започконых литургий и панихиды, которые были отслужены во всех местных церквях. У учащихся отменяли последние уроки, всем без исключения дарились книги Пушкина, а лучшим ученикам вручались памятные грамоты с портретом поэта. В общественном собрании и городском театре, в учебных заведениях проводились литературно-музыкальные «утра» и «вечера», устраивались гуляния в саду и на набережной Урала, вслоду читались стихи Пушкина, разыгрывались сцены из его произведений, пелись романсы и песни.

Подготовка к торжествам и само многодневное празднование подробно освещались на страницах местной печати. И «Оренбургская газета», и «Оренбургский листок» отмечали особый дух праздничности при проведении пушкинских дней. Например, сад общественного собрания был иллюминирован электрическими гирляндами, разыгрывались «батальи цветов», присутствовали неприменные атрибуты праздников: конфетти, серпантин, фейерверк, духовой оркестр, танцы для детей и взрослых, — дети угощались бесплатным чаем, получали гостинцы. Один из приятнейших моментов доставил оренбуржцам третий проведенный здесь пушкинский вечер: шестие детей под оркестр, с венками и букетами было столь впечатляющим, что, по желанию самих маленьких участников, было повторено еще раз.

Блестящий успех сопутствовал литературному утру, устроенному в городском театре

Экслибрис работы В. С. Боброва

комитетом попечительства о народной трезвости (бесплатные билеты сюда можно было получить в полицейских участках); чтение произведений Пушкина сопровождалось показом «чужанных картин», пением хора любителей, игрой оркестра Оренбургского казачьего войска...

Юбилей Пушкина отмечался не только в Оренбурге. В Илешкой Защите, например, проходили праздничные «народные чтения» — со светокартинками и хоровым пением. А в станицах, где имелись свои прекрасные хоры из учащихся и любителей-казачков, желающих присутствовать на празднике зачастую было куда больше, чем могло вместить помещения. Поэтому в Каменноозерный празднование перенесли на станичную площадь, и воодушевление было столь велико, что завершающий торжества гимн пели не только хористы, а все собравшиеся.

Анализируя эти и подобные им факты, «Оренбургский листок» делал закономерный вывод: «Общерусское торжество чествования 26 мая памяти нашего народного поэта А. С. Пушкина не было чуждым и для нашего казачьего населения... Особенно нравится казачкам «Капитанская дочка», имеющая кроме своих литературных достоинств еще и местный интерес по своему содержанию».

Приведем одну из самых кратких и непривлекательных газетных заметок тех дней, но уже в качестве исторического документа, свидетельствующего о культуре наших предков. «День, посвященный памяти Александра Сергеевича Пушкина, — пишет корреспондент из села Буланово, — не забыт и у нас. Местные члены общества попечения о народной трезвости 26 мая собрались в зда-

нии комитетской чайной и скромно почтили память народного поэта молитвою об упокоении его души. Перед панихидою заведующий местной чайной объяснил присутствующей публике, которой собралось довольно много, причину настоящего собрания и прочел биографию А. С. Пушкина. Савяненко, служивший панихиды, вкратце познакомил присутствующих с жизнью и творческой деятельностью поэта, что почтительно прослушано присутствующими стоя. Затем состоялся самая панихиды при участии полного церковного хора. По окончании был предложен чай, и вечер закончился скромной беседой о трудах поэта. Самый же юбилейный праздник за отсутствием картин к волшебному фанарю, на некоторое время отложен. Приобретенный портрет Пушкина всегда здесь будет украшать здание народно-комитетской чайной.

Уважение к памяти великого поэта оренбуржцы выразили не только проведением юбилейных праздников, но и увековечиванием его имени. Первыми, кому было присвоено имя Пушкина, стали в Оренбурге училище и улица. Вот фрагмент из определения городской думы на 23 марта 1899 г.: «В ознаменование дня рождения великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина открыть в Оренбурге 6-е женское приходское училище, наименовав таковое «Пушкинским», а равно наименовать «Пушкинское» набережную улицу».

В том же 1899 г. оренбургское общество содействия физическому развитию детей решило «создать возможность к постоянно удовлетворению самой естественной, самой законной потребности юных, развивающихся организмов — движению на чистом воздухе, непринужденному веселью в сообществе сверстников и невинного соревнования и спорта». Лучшим местом в городе для этой цели единодушно признали участок на берегу Урала за Преображенской церковью (она уже тогда перешла в учебное ведомство и потеряла статус собора) с прилегающим к ней Марсовым полем до линии на уровне устья духового семинарии (позже в этом здании долгое время располагалось знаменитое авиационное училище, «лётка», сравнительно недавно ликвидированное новыми властями). Город уступил эту землю для детей, и 22 апреля 1899 г. в Оренбурге состоялся

первый «праздник древопосаждения». Две тысячи учащихся мужской и женской гимназий, реального училища, Николаевского института под музыку военных и учебных оркестров, в сопровождении родственников, приобретших билеты на этот праздник, собрались на месте будущего детского парка. После молебна и крестного хода, под пение семинарского хора первые дубки были посажены губернатором и священником. А всего в тот день было высажено четыре тысячи деревьев и кустарников выносливых пород (тополя, ясени, рябины, клены, липы, акации). Парк получил название «Пушкинского»...

На набережной, на самом краю высокого уральского берега и ныне еще стоит двухэтажное здание, в котором когда-то работала Оренбургская Ученая Архивная Комиссия. В год пушкинского столетия здесь, при музее Комиссии, открывается Пушкинский отдел, который задумано превратить в музей А. С. Пушкина.

1937 г., февраль, первое столетие со дня смерти Пушкина. Эту дату Оренбург отмечал широко. На здании Кагановичевского райсовета (ныне 2-я горбольница), где прежде стояла дача Перовского, и на доме казачки Бунтовой в Бердах установлены мемориальные доски. Имя Пушкина присваивается открывающейся школе № 22 и новой библиотеке в Новостройке. Учреждаются для студентов оренбургских вузов две ежегодные пушкинские стипендии по 250 руб. Наконец, в газете «Большевистская смелая» появляется объявление: «10 февраля в 5 часов 30 минут вечера состоится закладка памятника А. С. Пушкину. К этому времени к месту закладки памятника — Свердловский бульвар (так с 1919 г. официально именуется набережная, в обиходе Беловка — С. С.) прибывают делегации предприятий, учреждений, учебных заведений, Красной Армии, партийных, советских, профсоюзных и общественных организаций». Однако тогда памятник не был установлен, т. к. большая часть Пушкинского юбилейного комитета была репрессирована.

Первый памятник поэту в Оренбурге (тогда еще Чкалов) появился в 1949 г. в год его 150-летнего юбилея, в Бердах (скульптор А. М. Козырев), второй — в 1982 г. к 150-ле-

тию пребывания Пушкина в Оренбурге (скульптор Степанин). Сюда, на высокой берег Урала, 19 сентября (1 октября) 1833 г. привел В. И. Даль дорогого гостя. Они и сейчас вместе — в 1998 г., в преддверии 200-летнего юбилея поэта, памятник А. С. Пушкину и В. И. Далю (скульптор Н. Г. Петина) установлен на месте уничтоженной Петропавловской церкви (здесь потом располагался сквер им. Осипенко, «Лягушки»).

20 декабря 1991 г. учреждено Оренбургское пушкинское общество, структурное подразделение Оренбургского отделения Всероссийского фонда культуры. Основные задачи общества: изучение и пропаганда пушкинского наследия; сохранение имеющихся в Оренбуржье мемориальных пушкинских мест.

Дом учителя (б. дворянское, позднее общественное собрание) стал местом первых публичных мероприятий общества. Здесь проведены заседания, посвященные жизни и творчеству поэтов, связанных с нашим краем: Г. Р. Державина, А. П. Григорьева... Примечательно, что Аполлон Григорьев, автор крылатого выражения «Пушкин — это наше всё», именно в этом здании читал свои лекции «О Пушкине» зимой 1861-1862 гг.

Что касается сохранения и восстановления мемориальных пушкинских мест Оренбуржья, то тут деятельное внимание общества сосредоточено в основном на двух объектах. Первый — это т. н. «Дом Тимашевых» (Советская, 32). Как известно, дом этот в 1933 г. был отмечен мемориальной доской в честь пребывания в его стенах А. С. Пушкина. Однако в 1970-е гг. доска бесосновательно снята и бесследно исчезла. Общество поставило своей целью добиться не только возвращения памятной доски, но и организации здесь литературного музея.

С именем Пушкина связано и тимашевское имение в селе Ташла (Польганынский р-н), где жило пять поколений Тимашевых и бывало множество прославленных гостей. А знакомство Е. Тимашевой с Пушкиным обогатило русскую литературу взаимными стихотворными посвящениями. Ныне в Ташле уже четыре года подряд совместно с культурно-просветительским обществом «Возрожденные Ташлы» проводятся Пушкинские праздники, приуроченные к именам Александра

Сергевича и часто совпадающие с православным праздником во имя Святой Троицы. Длятся праздники два дня. В первый, субботний вечер, в старинном парке тимашевской усадьбы до глубокой ночи звучат романсы на стихи Пушкина, классическая музыка, произведения поэтов пушкинского круга, а кто желает, может познакомиться сobraвшихся и с собственными сочинениями.

Второй день праздника, воскресенье, начинается с молебна в березовой роще на месте стоявших здесь церкви и родовой часовни Тимашевых. В самый первый пушкинский праздник в Ташле служил здесь проповедь высокопреосвященный Леонтий, митрополит Оренбургский и Бузулукский. Завершает пушкинские дни праздничный концерт с участием самодельных и профессиональных артистов.

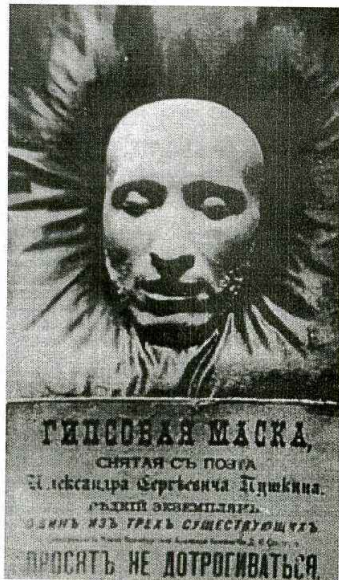

Впервые экспонировалась Дмитрием Николаевичем Соколовым — учеником-историком, этнографом, геологом — на выставке, посвященной 100-летию юбилею поэта в 1899 г. В настоящее время в мире известны четыре маски первого отлива: в музее-квартире Пушкина на Мойке, 12 (Санкт-Петербург), в музее А. С. Пушкина на Пречистенке (Москва), в библиотеке университета (г. Тарту, Эстония) и у нас, в Оренбургском областном краеведческом музее.

Гипсовая маска с лица умершего поэта была снята тотчас после его кончины стараниями поэта Василия Андреевича Жуковского, друга Пушкина. Он пригласил скульптора Академии художеств С. И. Гальберга и мастера-формовщика Балана. Сделанные 12 отливов с маски Жуковский раздал ближайшим друзьям и родственникам поэта, в т. ч. В. И. Далю. Ил она и была привезена в Оренбург, где он прослужил чиновником по особым поручениям при В. А. Перовском. Покидая город, В. И. Даль оставил маску в семье лекаря Ивана Артемьевича Соколова, страстного поклонника поэзии Пушкина и родственника второй своей жены.

Роза Чубарева,
директор музея истории города Оренбурга

Посмертная маска А. С. Пушкина

Татьяна Владимировна Судоргина родилась в с. Октябрьское Оренбургской обл. Окончила Московский историко-архивный институт, работает в Государственном архиве Оренбургской области заведующей отделом информации, ведет исследовательскую работу по поиску и изучению архивных материалов, связанных с культурными традициями народов, населяющих Оренбуржье. Действительный член Пушкинского общества.

Татьяна Судоргина

«Парадиз»

В Оренбурге в конце прошлого века образовалось Общество содействия физическому развитию детей, имеющее целью, согласно Уставу, распространение правильного взгляда на физическое воспитание подрастающего поколения и ознакомление с различными приемами физического воспитания и укрепления здоровья. Его члены на первых порах порекомендовали устроить праздники древонасаждения. Корреспондент газеты «Оренбургский листок» ссылался при этом на опыт киевлян: «Недавно в Киеве известный плодород и садовод А. П. Осипов подал в Городскую управу заявление с предложением устроить в городском лесу или где-либо в другом месте так называемый «праздник древонасаждения». В своем заявлении он подробно указывает мотивы и назначение последнего.

У нас в безлесном Оренбурге древонасаждение не менее желательно и еще более желательно приучение детей к жалостливому обращению с древесной растительностью хотя бы на улицах города».

Прошел год, и все тот же «Оренбургский листок» проинформировал своих читателей: «Праздники древонасаждения затеваются, наконец, и у нас... Древонасаждение пропагандируется нашим юным Обществом содействия физическому развитию детей. Общество это серьезно задумало мыслью устроить сад при помощи детей на берегу р. Урал, рядом с учебной площадкой («Марсово поле», как прозвали уже эту площадку наши школьники). Обширное место для одной только круговой аллеи потребует деревьев до 10 тысяч корней... тем не менее общество надеется, что этот громадный посадочный материал будет доставлен. Деревца можно или купить или вырыть в рощах и до праздника прикопать их на учебной площадке; затем в урочный день, всякий свое дерево понесет в новый детский сад торжественно под звуки музыки и посадит в готовые уже ямки, обозначив свою посадку особыми надписями на дощечках,

флажками, лентами и т. п. Картина обещает быть не только новой, но и грандиозной. Дай Бог удачи! Кстати заметить, что городская управа едва ли позволит выкопать в своих рощах такую массу молодых саженцев, а потому Обществу не мешало бы через городского садовника узнать адреса хвалынских древесодов, привозящих сюда весной тополи по очень дешевой цене (5-10 коп.).»

В середине апреля 1899 г. жители губернского центра получили приятное известие. «Праздник древонасаждения произойдет у нас 22 апреля. Под детским сад городом отведенная площадь на берегу Урала ниже Духовной семинарии и для поливки деревьев управа обещает провести водоносную ветку. Дура, кроме того, отпустила уже 75 рублей. Детей, особенно учащихся, предстоящий праздник очень интересует, и в гимназии уже целые классы взяли на себя обязательство не только посадить деревья, но и ухаживать за саженцами... Великое горе будет, если управа не успеет провести к сроку воду для поливки, без которой в нашем сухом климате, да еще на каменисто-песчаной почве всякому растению смерти!»

Учасься замышляют новый сад назвать именем Пушкина, благо дальнейшая часть набережной названа уже Пушкинской по постановлению Думы...»

Предложение о создании Пушкинского сада было поддержано, о чем свидетельствует еще один документ: «Праздник древонасаждения состоится у нас на пятый день Св. Пасхи и обещает быть вполне детским праздником. Малыши наши заинтересованы уже покупкой саженцев и разбирают облюбованные места будущих посадок. Желательно, чтобы Дума увеличила эту площадь до угла Семинарии от реки и до угла Семинарии с севера по Преображенский собор — тогда в площадь эту войдет единственный удельский озанс бывшей крепости и будет засеярен. Кроме того, желательно, чтобы сад этот был назван Пушкинским в память пребывания здесь Пушкина в 1833 году и ради столетия со дня рождения поэта в текущем году».

Накануне праздника древонасаждения в помещении общественного собрания (ныне Дом учителя — Т. С.) был устроен детский вечер с концертом. Весь сбор от него направлен «в ресурсы праздника древонасаждения».

Из составленного позднее отчета о деятельности Оренбургского Общества содействия физическому развитию детей следовало: «Для того, чтобы дать возможность большому числу детей участвовать в празднике, была выдана тысяча бесплатных билетов директору народных училищ А. Я. Семитановскому для раздачи беднейшим ученикам городских школ, а также разосланы 1405 билетов для раздачи бедным ученикам других учебных заведений.

Наконец, 22 апреля (4 мая н. ст. — Т. С.) состоялся и самый праздник. Несомненно, что Оренбургу не приходилось еще за все 150 с лишним лет его существования видеть на своих улицах такого своеобразного, чисто детского, оживления, невольно увлекавшего и взрослых... Все городские школы, как мужские, так и женские, имели свои разноцветные флаги, значки и украшения саженцев.

Торжественное шествие учащихся под звуки оркестра военной музыки началось от Казанского собора (находился на месте сквера у Дома Советов — Т. С.) и двинулось по Николаевской улице (ныне ул. Советская — Т. С.).

На учебном поле вся эта многотысячная толпа детей построилась в стройном порядке, а потом под торжественные звуки марша направилась к месту посадки деревьев, близ которого поставлена была открытая палатка, где по водворении порядка среди детей началось молебствие с призыванием Божия благословения на новое дело и всех участников его.

По окончании служения первыми посадили предназначенные деревья его преосвященство преосвященнейший Владимир, епископ Оренбургский и Уральский, Оренбургский губернатор и наказной атаман Оренбургского казачьего войска В. И. Ершов, председатель общества И. Я. Ростовцев, председательница правления Оренбургского отдела Императорского Русского общества садоводства М. И. Ростовцева, военный губернатор и командующий войсками Тургайской области Я. Ф. Барабаш и многие другие почетные лица города, а затем занялись посадкой деревьев дети под руководством членов правления...»

Среди многочисленных архивных документов поспостылились обнаружены и свидетельства очевидца долгожданного собы-

тия: «Праздник древонасаждения 22 апреля превзошел все наши лучшие ожидания. С половины двенадцатого до 3,5 часов дня — это было нечто в виде фешери, в которой господствовало и чаровало взор наблюдателя юное поколение. Уже в 11 часов на улицах можно было встретить группы детей с флагами, с разукрашенными вестками и с допатами. Вот и 12 часов чудного дня (+22° в тени). Там слышны звуки марша, исполняемого оркестром гимназистов, там слышен оркестр рессалтов, а там гремят трубами казаки и батальонные солдаты. К часу дня вся урочная площадь была уже покрыта пестрящими флагами, детьми в разных формах и отцами родителями. Среди площади высились красивый намет для молебна архiereйского и водосвятия. Канавы для посадок были раньше готовы. Деревья посадочные приколпаны. Вода, любезно отпущенная городом, начала журчать, но пока были открыты лишь ближайшие канавки. Ждут архiereя. Все же дети — кто на качелях, кто со своими деревьями, кто с питьевой водой (очищенной!) — время проводят без скуки, терпеливо дожидаясь чего-то важного, торжественного. Около двух часов прибыл просвященный Владимир, епископ Оренбургский и Уральский, и после молебна, под звуки «Ура!» и гимна «Боже, Царя храни!» посадил дубок, поданный ему председательницей нашего общества садоводства М. И. Ростовцевой (из питомника общества). В то же время загремели гимны в других пунктах площади и дети, получив свои деревца, отправились стройными линиями к своим канавкам и по указанию наставников быстро посадили в сухую землю все, что им было «дадено». Пишущий эти строки видел, как один карапузик посадил в песок деревцо свое вверх корнями... Пожалуй, и вырастет, если не угадает его любовь и будет вода... К 3,5 часам все было готово, кроме поливки. Посажено слишком 4000 деревьев.

Но всему есть конец. К четырем часам дети стали оставлять свою садовую площадку — «парадиз», будущий «Пушкинский сад», и уясно были утомлены, да и голодны при этом... Поле после ухода «артикулыругергов» казалось зачарованным местом: везде флаги, везде деревья с цветами, с лентами. Оставался лишь один человек — с недреманным оком» — городской № 9.

Но дай Боже, чтобы чаще заглядывали в свой «парадиз» прежде всего наши дети! Вчера, например, их было много: кто поправлял саженцы, кто поливал свои и все казались пресерьезно занятыми «своим садом...» Вода (дюймовой трубкой) не скоро, однако дойдет до всех мест посадки при пересеченной местности.

Все же великое, святое и разумное дело задумано у нас! Честно говоря, пытаюсь выяснить судьбу новорожденного сада после знакомства с этими «восторгками», была уверена: саженцы засохли. И, к неопусимой своей радости, ошиблась. Думаю, вы разделите мои чувства. Ведь осенью 1899 г. «Оренбургский листок» напечатал небольшую заметку, в которой говорилось: «Пушкинский парк, начатый в праздник древонасаждения, несмотря на засуху и скудную поливку не погиб: живых деревьев осталось значительное число — теперь идет так пересадка и посадка новой молодежи из питомников подаренных обществу содействия физическому развитию детей М. А. Галановым. Поливка из двух веточек в дюйм и в полдюйма скудна, а тут еще земля суха как пепел. Как жаль, что остался не пригороженным к парку пустырь, находящийся в восточной стороне против форштадта. Этот детский Пушкинский парк обещает быть со временем бесценным украшением города, и Городская управа прямо обязана содействовать почтенному обществу, а не стеснять его. Того требует благоустройство города».

Опись монастырей, церквей каменными и деревянными.

Церковь в Оренбургской губернии находитца 319, в томъ числѣ каменныя 184, деревянными 135. Вспрѣтъ сего отъ города Уфы въ 3 верстахъ находится одинъ мужской монастырь, и въ самомъ городѣ каменныи дубовъ-стамении Архирейской дубовъ сь домовою церковью.

Губернаторъ Оренбургской губернии

Камении каменныи каменныи

Татьяна Судургина

Тогда,
в тридцать седьмом...

В Советской России широко отмечалась столетняя годовщина гибели великого поэта. Местные периодические издания наряду с отчетами о процессе антисоветского троцкистского центра помещали заметки о Пушкинских мероприятиях: открытых партийных собраниях, олимпиадах художественной самодеятельности, семинарах, беседах, вечерах, выставках. А в с. Беляевка (тогда Буртинского р-на) прошел даже маскарад на трех языках: казахском, немецком и русском. В Оренбургском областном театре вновь был поставлен «Борис Годунов». Но суровая атмосфера 1937 г. не могла не отразиться на характере Пушкинских торжеств, ярким подтверждением чему — послания оренбургских школьников в редакцию областной газеты «Сталинские внучата».

Учащийся Елатомской начальной школы Бугурусланского района пишет о Пушкине: «Сто лет как тебя не стало. Погиб ты от вражеской руки. Если-бы ты сейчас был жив, худравый Пушкин, из глаз от радости у тебя-бы слезы потекли. У нас в стране растут заводы. Лучшие жить становится, и колхозники у нас держут по коровушке. И работа у нас ударно идет».

В феврале 1837 г. ученик 7 класса Сок-Кармалинской школы Николай Беспалов прислал такие стихи:

Тебя давно уже не стало,
Но ты живешь в наших сердцах.

Тебя мы чтим, мы не забываем,
Ты жив у нас на всех фронтах.
Процуй же друг, поэт любимых,
Жаль, что до нас ты не дожил,
Троцкистов стали бить бы вместе,
Врагов с позором закладываем.

Артем Жуковский из Акбулака зимой 1937 г. писал в редакцию:

«Я так любил А. С. Пушкина, что на каждом шагу думаю и вспоминаю о нем. Мне кажется, что я его видел и очень хорошо знаю. В том месте, где раньше висел «бог» в большой, красивой серебряной рамке, повесил А. С. Пушкина».

Десятилетний Коля Мирошниченко из Петровской начальной школы Сакмарского района сочинил частушки о А. С. Пушкине:

Пушкин — друг, Пушкин — друг,
Пушкин нам товарищ,
Он учил нас как писать,
Как и разговаривать.

Пушкин, Пушкин, ты просишь,
Погляди ты глазом,
Сколько строим мы моторов
И аэропланов.

Пушкин, Пушкин, ты не видел
Нашу новую Москву,
Там живет любимый Сталин,
Он вперед ведет страну.

Нам остается только гадать, что же напишут дети в XXI в. о российском гении...

М. ХХХХ

Вспоминание

1926

Историческое общество

	в 1837 году исполнилось	в 1837 году принесли	Человек	во имя кого	Зачем
Историческое общество	16.	2.	18.	1.	1/.
Историческое общество	16.	4.	154.	6.	148.
Историческое общество	14.	58.	122.	4.	118.
Историческое общество	63.	36.	147.	8.	111.
А. С. Пушкин	295.	118.	413.	49.	394.

Пушкин, Пушкин, ты просишь,
Погляди ты глазом,
Сколько строим мы моторов
И аэропланов.

Пушкин, Пушкин, ты не видел
Нашу новую Москву,
Там живет любимый Сталин,
Он вперед ведет страну.

Сравнительная ведомость урона скота на Оренбургской линии в 1833 и 1834 годах.

183

1833.		1834.	
Число лошадей	Возвращено и отбито у хищников	Число лошадей	Возвращено и отбито.
Лошадей — 174.	Лошадей — 184.	Лошадей — 124.	Лошадей — 68.
Рогатого скота — 538.	Рогатого скота — 50.	Рогатого скота — 2.	Рогатого скота — 21.
Минус 29/19	Минус 784.	Минус 1235.	Минус — 69.

Во сколько оставлен в урках лошадей:		Во сколько оставлен в урках ошкышских:	
Лошадей — 1857	Лошадей — 576	Лошадей — 576	Лошадей — 576
Рогатого скота — 488	Рогатого скота —	Рогатого скота —	Рогатого скота —
Минус — 1845 ошкыш.	Минус — 576 ошкыш.	Минус — 576 ошкыш.	Минус — 576 ошкыш.

Разговоры полковника

Во 1833 урона было: лошадей — 538
— Скота — 541

Минус — 10 44 ошкыш.

Во 1833 возвращено в урках
во 1834 — минус 2 урона

Подписали: Полковник — Александрович Перовский

«Киргизский пленник»

Не стану доказывать (читатель скоро сам убедится в этом), сколь нахожи сюжету печатаемого ниже чисто документальное повествование и одной из первых романтических повестей в русской литературе — «Кавказского пленника» А. С. Пушкина, — опубликованной в 1822 г. Пленение, жизнь в плену, кандалы, рабский труд, любви, унижение, юная дочь хозяина и ее страдания — факты реальной биографии адъютанта атамана Оренбургского казачьего войска Ивана Васильевича Подурова¹, а грабежи имущества поселян, угон лошадей, скота, увод пленных — обычная ситуация на Оренбургской пограничной линии в первой трети XIX в. Так что безопасность путешественников, равно как и жителей правобережья Урала (т. н. внутренней стороны), была относительной.

Относительной была и безопасность Пушкина, ехавшего к Оренбургу тою же дорогой, на которой за десять лет до того был захвачен И. В. Подуров. Правда, в отличие от него, Пушкин ехал вооруженным².

Реальную картину невымышленной опасности для путешественников рисуют донесения командантов крепостей военным губернаторам о случившихся на линии происшествиях. Так, в рапорте от 10 августа 1833 г. (т. е. за месяц с небольшим до приезда Пушкина) командант одной из крепостей Пушкина) командант одной из крепостей донесит Перовскому, что, когда казак с женой возвращались с жатвы, на них наскочил киргиз-разбойник, туюю нанес безоружному казaku несколько ран, выпряг лошадь с хомутом и уеонса, как ветер, в степь. Появившиеся на крики раненого хоруужий с командой «по темноте ночи найти того хищника не могли». Далее командант присовокупляет, что командир отряда сделан выговор. «Выговора мало, — пишет Перовский в рапорте, — хоруужего лучше арестовать, а казака Гребеничкова по излечении от ран наказать 25 лошалями». К делу, конечно, последнее не относится, но прекрасно характеризует Перовского, давнего приятеля Пушкина.

Интересно, что сам «киргизский пленник» И. В. Подуров, в 1833 г., уже в чине вой-

скового старшины, был командантом того участка пограничной линии, что ближе всего прилегал к Оренбургу: кордонной стражи Оренбургской дистанции. Вероятно, именно по этой причине рапорты его всегда вызвали пристальнейшее внимание военного губернатора. 1 июля интересующего нас 1833 г. Подуров докладывает о дерзкой попытке киргизов через брод на Урале у Нехинского форпоста проникнуть на внутреннюю сторону; ружейным огнем находившихся на пикете казаков нападающие были отогнаны. Перовский, как правило оставлявший без резолюции донесения командантов, на рапорте Подурова пишет: «Я почитаю полезнейшим принять за правило, когда замечены будут киргизы, старующие тайным образом переправиться на внутреннюю сторону линии, то не давать преждевременной тревоги, допускать переправу и тогда уже, не теряя из виду и сделав тревогу, стараться, сколь возможно, пресечь им обратный путь и захватить живыми; к поражению же их прибегать только в случае сопротивления.

Мера сия, однако же, в таком только случае может иметь желаемый успех, если веренная Вам кордонная стража при солиденности осторожности будет иметь и надлежащую подвижность, за исполнением чего поставляю Вам в обязанность иметь

строгое наблюдение и не допустить, чтобы от близости или небдительности стражи хищники могли спокойно возвращаться в степь».

Совершенно замечательно при этом, что, терпя беды и ущерб, наносимые набегами степных разбойников, русские люди не только не отлучались от киргизов (так до 1922 г. называли казахов), но всячески поддерживали с ними дружеские отношения. Более того, русские власти зашищали и самих степняков от разорения своими же, более дерзкими соплеменниками. Показателен в этом отношении рапорт от 29 августа 1833 г. И. В. Подурова начальнику штаба Оренбургского отдельного корпуса со следующим сообщением (сохранена орфография подлинника): «Из числа кочууцих при Бердяново-Куралинской линии киргизов 11-й дистанции старшина сотник Буранка Истеменов являясь ко мне, объявил, что по слухам, в орде носящимся, известно, что Джагалинского рода киргизцы, собираются на 1500 до 2000 человек, намереваются сделать нападение на всех киргизов, кочууцих близ Линии, состоящей в Оренбургской кордонной дистанции и угнать у них скот. Почему они, желая избежать нападения Джагалинцев и собрать там скот свой, просят позволения пасти оный во внутренней Линии на время только пребывания близ них ороде Джагалинцев. Стараясь, скаж можно, сохранить дружественную связь с киргизцами, пребывающими кочевьем всегда близ Линии, я признаю возможным позволить им пасти скот свой на степях, во внутри Бердяново-Куралинской линии состоящих, на время пребывания близ них Джагалинцев, но с тем только, чтобы они на случай спокойного пребывания дали от себя аманаты, которые должны находиться здесь в Оренбурге при Погранчной комиссии.» Разумеется, просьба Подурова была удовлетворена.

Да, такая вот обстановка была в Оренбургской губернии близ погранчной линии, когда сюда «ради Пугачева» ехал Александр Сергеевич Пушкин.

С. Е. Сорокина

С. Н. Севастьянов

Иван Васильевич Подуров

Историко-биографический очерк*

ПОСТУПЛЕНИЕ НА СЛУЖБУ

После смерти отца Иван Васильевич... благодаря обер-аудитору Андрюкову, мужу старшей сестры... поступил в 1812 г. на службу в канцелярию князя Волконского⁴ для письменных занятий в звании рядового казака из старшинских детей. Из послужного списка Ивана Васильевича видно, что 6 апреля 1812 г. он был уже урядником, 1 января 1813 г. произведен в зауряд-хорунжия, на следующий год — в зауряд-сотники, в 1816 г. — в зауряд-есаулы, и наконец в первый чин полкового хорунжия в 1818 г., имея 23 года от рождения...

Уже на первых порах служения Ивана Васильевича в канцелярии князя Волконского обнаружилась характерная черта его: строгое отношение к возлагавшим на него обязанностям и поручениям. Служба в канцелярии главного начальника каца и при том столь высокообразованного, каким был С. Г. Волконский, несомненно доставила Подурову не только образовательный ценз, но и дала возможность приглядываться ко всем системам управления краем, узнавать светлые и темные его стороны и близко ознакомиться с тем чиновничьим канцелярским миром, в котором он сам вращался. Эта житейская школа послужила впоследствии немало при дальнейших ступенях его службы.

Женился Иван Васильевич на дочери небогатого чиновника Александре Яковлевне Конке и приобрел деревянный дом на теперешнем месте, где ныне дом купца (инвалида) Семенова, рядом с домом Авдеева, что противу Николаевского института.

С 20 июля 1819 г. Подуров начал службу в Оренбургском Тысячном казачьем полку, переименованном в 1830 г. из Оренбургского казачьего Нерегулярного корпуса. Через год был назначен адъютантом при войсковом атамане Василии Улицком. По кончин

Улицкого Подуров занимал ту же должность при временно исполняющем обязанности Войскового атамана подполковнике Василии Авдееве. С 3 марта Иван Васильевич продолжал свою службу при вновь назначенном Командующим Оренбургским казачьим войском Егоре Николаевиче Тимашеве⁵ (управляя войском в 1822-1830 гг.) до своего назначения в начале 1828 г. командиром 9-го Оренбургского полка, отправлявшегося на театр военных действий в Турцию, будучи последовательно произведен в полковые сотники (1821 г.) и в полковые есаулы (1823 г.).

И. В. ПОДУРОВ В ПЛЕНУ У КИРГИЗ*

Несдолго до 1 июня 1823 г. Иван Васильевич получил предписание от управляющего в то время Оренбургским казачьим войском Егора Николаевича Тимашева явиться по делам службы в город Самару, где он сам тогда находился. Сборы были недолги. 1 июля в 4 часа утра тройка казачьих лошадей, запряженных в тарантас, стояла уже на Институтской улице (б. Неплюевской) у крыльца его деревянного дома. Захватив необходимые деловые бумаги и вещи, простившись с семьей, вышел он за Чернореченские ворота и направился по Самарской линии.

Утро было чудесное, легкий степной воздух оживлял. Иван Васильевич чувствовал себя бодр, время от времени зорко всматривался в даль. Кругом было спокойно и тихо; высоко в небе, как черная точка ярился беркут, не умолкая стрекотали кузнечики, и своеобразно повсвистывали суслики, с любопытством поглядывая у своих норок на проезжающих. Не торопясь, достал Иван Васильевич свою пенковую с серебряной оправой трубочку, набил ее потуже крепким любезным табаком, хранившимся в вязаном кисте, выск чечмаком из крестия огонь, зажег трубку и, приложив его к трубочке, сладко затянулся.

На Подурове была накинута шинель с капюшоном серого сукна, плотно облегающая его стройный стан. Сюртук же, или как с 1845 г. стали называть, чечмень, был сложен

в чехол. Черный шелковый платок на шею, на плечах куртки блестяли из чистого серебра эплетки, — погон в то время не носили. Небрежно сдвинутая на затылок мохнатая казачья шапка (кивер с серебряным вышитком, султанчиком и чешуею лежал в чехолдасе) давала возможность видеть широкий лоб, свободные вдумчивые карие глаза, а темно-русые усы и довольно длинный с едва заметным изгибом нос придавали ему еще более мужской красоту.

Дорога, по которой ехал Подуров, шла по Самарской линии, проложенной еще в 1735-1736 гг. По этой линии от Самары до Оренбурга тянулся целый ряд крепостей и редутов. К одной из таких крепостей — Переволоцкой — и подехал Подуров. Только что перед ним эту же крепость проехал оренбургский полтмейстер, направлявшийся на Сергиевские минеральные воды. Егор Иван Васильевич видел еще на дороге к Переволоцкой станции. Отдохнув немного, лошади перепрыгнули лошадей, Подуров выехал с ящиком-малолеткой Кожениным по направлению к Платовскому редуту.

Уверенный, что киргизы, хотя и пробирались для грабежа на русскую сторону, но не настолько же дерзки, чтобы нападать сраде белого дня, и при том на внутренней Самарской линии, Подуров спокойно любовался пейзажем широко и волно раскинувшихся степей, освещенных теплыми лучами утреннего солнца. Он даже не имел при себе огнестрельного оружия, хотя для полной парадной формы захватил серебряный подсумок с пезавью (ныне ялдука). При нем была лишь сабля с темляком, сафьянными поясками и с серебряным прибором. В то время это холодное оружие не носило названия шашки.

Отъезжая 15 верст от Переволоцкой, он вдруг заметил скачущих к нему наперерез пятерых киргиз. Инстинктивно он понял, что это не мирные киргизы и выхватил саблю. Киргизы приостановились, выстреляв нет ли у Подурова огнестрельного оружия. Увидя, что противник их вооружен лишь одною саблей, они с ликом и с пиканси наперерез бросились на него. «Гони!» — крикнул Подуров ямщику. Но киргизы уже нагнали скачущую тройку. Один из них на скаку ударил копьём Подурова в правое плечо. Подуров не хотел сдаваться без боя, хотя

* Основан на источниках главы о пленении Подурова послужила рукопись Г. Ф. Гусев. — Здесь и далее подстрочные примечания С. Н. Севастьянова.

знал, что от хищников плохая пощада бойцу. Злоба и боль сверкнули в его очах. Он вырвал у киргиза пику и успел ударить его в щеку, проколол ее насквозь. Пика, к несчастью, сломалась, и Подуров оборонился обломком дровя. В это время он был вторично ранен в левую ногу. Киргизы не ожидали столь мужественной самозащиты и, не успев сломить его в бою, придумали уловку: обсклав взмыленную тройку, они схватили лошадей под уздцы и моментально опрокинули тарантас.

Подуров упал вниз лицом. Стеняк, которого он ранил, сажая священным долгом отомстить противнику и ударил два раза топором по голове. К счастью, удары топора пришлись вкопавшись по задней стороне черепа, защищенной мохнатой шапкой и кашпоном шинели, завернувшись при падении. Жизнь Подурова была защищена Провидением Божиим!

Подняв его, тяжело раненого, и бросили в тарантас, приказав обезумевшему от страха малолетку Кожевникову сесть на козлы, а сами разбойники направили коней в долину, начинающуюся оврагом в 200 саженах от дороги...

Еще в то время, как Подуров перепягал лошадей в Переловской станции, те же пятеро киргиз уже успели захватить троих пленников. То были только что произведенный в прапорщики Степан Акимович Медведев, его денщик отставной солдат Сергей Михайлов и подводчик из Платовского рудата 60-летний старик Степан Матюков, мордвин, державший по подряду ямских лошадей.

Медведев 5 июня выехал из местечка Кошеватое Киевской губернии, благополучно добрался до Самарской линии, но здесь заболел и, не желая останавливаться на полпути, направился к Оренбургу. Там дождался его отец — прапорщик Медведев, служивший инвалидным начальником, а также и новая служба в 73-й Оренбургской гарнизонной артиллерийской роте.

Киргизы около недели скрывались в упомянутом овраге, выжидая более ценную добычу. Несчастье Медведева произошло единственно из-за беспечности Матюкова. Киргизы еще сладко дремали в овраге, как вдруг были разбужены песнями ямщика Матюкова. Не долго думая, напали они на просяжа-

ющих. Сопротивление было незначительное. Ранен был лишь один денщик Михайлов, вероятно, защищавший своего больного барина. Пленников, связанных ступнями, направили в овраг.

Часа два просидели они в злополучном овраге, как вдруг киргизы вскочили, сели на коней и помчались из оврага на дорогу. Слышно было, как застучали колеса... Потом все стихло...

Через некоторое время в овраг спустилась тройка с тарантасом, в котором кто-то лежал. Мы уже знаем, что это был Подуров.

Подуров, наконец, очнулся и увидел пленников. Взглянув на связанного Медведева, он подумал сначала, как рассказывал потом сам, не попался ли в руки злодеев схваченный впереди него полицмейстер. Однако, всмотревшись, убедился, что это не он.

Разбойники, между тем, не дремали. Они обыскали тарантас и тефет, выптали лошадей, разбросали ненужные им вещи, как-то: деловые бумаги офицеров, чайницы, мыльницы, чемоданчики, образки святых и т. п., а более ценное понавычили на коней, оставив тарантас в том же овраге.

Двое из киргиз придумали нарядиться в офицерские стуртуки, и конечно, будь это забавное костюмирование при других обстоятельствах, оно бы до слез насмешило пленников. Но им было не до смеха. Их мысли заняты были иным — чем кончится эта тяжела для них сцена. Окончив разборку вещей, киргизы посадили всех пятерых пленников на коней, завязали глаза, закурили им руки назад, а ноги подвязали под брюхо лошадей — таковы были обычные присымы хищников. Сторожевой киргиз, пробравшись к вершине оврага, осмолел еще раз своим волчьим глазом дорогу и вернувшись назад с известием, что на дороге все тихо и никого не выдать. Караван, наконец, тронулся в путь.

ПУТЬ К РЕКЕ ИЛЕКУ. МУЧЕНИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ КАЗАКА ТАТИШЕВСКОЙ КРЕПОСТИ ЕФРЕМА НАЙМУШИНА

Дорога шла вдоль оврага, расположенного слева от нее, считая от города Оренбурга, по направлению к правому берегу Урала. Прапорщик Медведев, не привыкший сидеть верхом, и при том с завязанными, как у всех

руками, то и дело сваливался с лошади, чем ужасно злил захватчиков, торопившихся поскорее улупнуть от линии. «Ах, шайтан! — ругались киргизы, пинками и ногайками поднимая Медведева и подсаживая его в седло, — держись покрепче ногами. Вот такой же урче, — указывали они на Подурова, — а джигит, бик ямши джигит!»

Подуров действительно, несмотря на нестерпимую боль от ран, как-то еще держался в седле, попяря свою буйную голову*.

Проявив еще верст двадцать, киргизы остановились близ Красного копка, так хорошо известного старожилам Нижнеозерной станции, и здесь дожидались, пока спадет жара.

Много, много потрясающих драм выдал и этот роковой овраг и этот дремлющий колод, от которого теперь остались лишь небольшие кусты!

В 1820 г. в этом овраге напротив Покровки (тогда ее еще не было), по преданию, записанному Е. К. Бухариним⁶, киргизы расстреляли есаула Ново-Сергиевской станции Федора Кузича Гришечкина, командовавшего некоторое время в Отечественную войну, после майора Беляева, 3-м Оренбургским казачьим полком.

Пришелек ехал в Оренбург вместе с матерью продавать вино; с ним было еще несколько женщин. Киргизы схватили их, привязали всех к деревьям и затем Гришечкина постепенно пронизывали для потехи стрелами, нанеся ему около восьмидесяти ран. Мать есаула по несчастливой случайности в суматохе была только припослана к дереву, а не привязана. Когда лачетчики скривили, она отвязала женщин и вместе с ними сняла изуродованное тело и лысточками и травой прикрыла мученика-сына.

Вот в краткости та потрясающая драма, разыгравшаяся в той же местности незадолго до описываемых нами событий.

До заката солнца оставалось уже немного, но после жаркого июньского дня в наступающем вечеру чувствовалась приближающиеся грозы. И действительно, надвигалась грозная туча. Разбойники торопливо двинулись в путь. До леса, обрамляющего берег Урала, оставалось не более двух верст. Вдруг

киргизы остановились и окружили какого-то человека в сером зипуне, схавшего верхом. Один из них прекрасно говорил по-русски — служил долгое время у священника Татишевской крепости Александра Федулова. Из безлогого разговора оказалось, что попался казак-пастух той же крепости Ефрем Наймушин, искавший по распоряжению атамана той же станции Исакова отпущивших из станционного табачу лошадей. «А! хорошо, что ты мне попался, — злобно заговорил бывший работник, — помнишь, как ты меня когда-то ругал в крепости?»

Казак был совершенно безоружен. С него сорвали зипун и, следя, как пишет Гибис, «патриархальному обычаю мшеница», избивли казака на месте. Ямщик Медведева Матюков, у которого были худо завязаны глаза, видел сие происшествие, а прочие только слышали последние крики жертвы.

Дня через два пленники был уже за рекой Илеком. В одном из аулов есаулу Подурову велели написать письмо в Оренбург; что все пятеро пленников находятся в руках тех киргизов, у которых отец томится в оренбургском ордансан-гаузе (остроге), и что если кто выступит, то они освободят пленников. Письмо было отправлено в Оренбург с тремя неизвестными киргизцами, после чего разбойники приступили к делу пленников. Подуров достался Чоке, малолеток Кожевников — Акялу, ямщик Матюков — Аманычу, а прапорщик Медведев с денщиком Михайловым — Юнусу. Киргизы эти были из кирдырайского отделения Табынского рода...

Окончив дележ пленников, разбойники разьехали с ними по всем направлениям неведомой для пленников степи...

МЕРЫ, ПРИНЯТЫЕ ДЛЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ПОДУРОВА. УРЯДНИК УГОЛЬНОЙ СТАНЦИИ ПЛЕШЕВ. ПИСЬМО ДЖУЛАМАНА К ЭССЕНУ. КОМАНДИРОВА КОНФИДЕНТА ХОРУНЖЕВО БИКНИКИНА К ДЖУЛАМАНУ

Первое известие о пленении есаула Подурова и прапорщика Медведева доставил в корпусное дежурство отставной казак Самарской станции Егор Белановский, проезжавший 4 июля станцию Переловскую. Официальное же донесение из войсковой канцеля-

* Этот эпизод с Медведевым Подуров сам рассказывал И. В. Чернову.

Киргизы-казаки.

ри было получено в дежурстве 6 июля, а на другой день — о пропащем без вести Егоре Наймушине. Только через год тело несчастного казака было найдено в дачах Татищевской крепости и погребено в той же станице. Брошенные в овраге всецелые пленники были отысканы 4 июля хорунжим Кайдаловым, посланным для розыска атаманом Переволоцкой станицы хорунжим Дашкенчевым. Мать казака-малолетки Михаила Никифоровича Коженикова несколько раз приходила к станичному атаману и со слезами просила начать розыск пропавшего сына, но Дашкенчев не обратил на это особое внимания.

Увоз пленников был в то время заурядным явлением в прилинейной жизни, особенно же во времена Эссена*. Однако, ничем не оправданная оплошность по службе, выразившаяся в запоздалой командировке хорунжего Кайдалова, была замечена самим Эссенем. Он вызвал Дашкенчева в Оренбург и приказал арестовать его на трое суток на хлеб и воду при военной гауптвахте.

Все были поражены неслыханной еще дерзостью киргиз, но более других встревожен был сам Эссен, его штаб и пограничная комиссия. В корпусном дежурстве закипела лихорадочная деятельность. Немедленно дано было знать о происшествии войсковому атаману Уральского войска полковнику Петру Михайловичу Назарову, султану-правителю Меньшой орды Ширгазы Айчувакову и Средней орды — Юсупу Нуралиеву, которым вместе с тем предложено было принять энергичные меры для розыска пленников.

Между прочим, был привлечен для содействия в этом деле и армянин Гавриил Шахмиров, торговавший на Меновом дворе в Оренбурге. Для той же цели были отправлены строжайшие предписания всем ближай-

шим к месту пленения дистанционным, кардонным, кантонным и станичным начальникам. Для проверки действий помянутых начальников в отношении розыска пленников и степени надлежащего охранения ими линии, равно как и для выяснения, не было ли где на ней «пролаза зловередных киргиз», был командирован из Оренбурга в низ по линии до Кинделинского форпоста старший адъютант Оренбургского отдельного корпуса штабс-капитан Березовский. Таким образом, розыск саула Подурова начался вполне официально.

11 июля Петр Кириллович Эссен с таким важным происшествием доносил уже с экстренной эстафетой Государю Императору Александру Павловичу. В заключение всех мероприятий по розыску пленных П. К. Эссен опубликовал во всеобщее сведение, что все расходы по выкупу их будут отнесены на счет казны, а само правительство «не оставит учинить особенные награды и доставит отличие всем, кои содействовали будто исполнению пленных».

Между тем были получены и более определенные сведения о пленниках. Так из донесенной атамана Илецкой станицы (Уральского войска) полковника Донскова, начальника кардонной стражи Ново-Илецкой линии саула Оренбургского казачьего войска Степана Дмитриевича Аржанухина и пристава Меньшой киргизской орды полковника Горихвостова усматривалось, что Подурова пленили киргизы кердаринского отделения Табынского рода, именно те, у которых отец — Тюленбай Кундуков — находился в оренбургском остроге. Один из киргиз видел даже Подурова на реке Киндагалте ведомства Табынского рода. Первые следы были намечены.

Но кто решится ехать в глубины степей, к мятежным кирказам, чтобы узнать точно место пребывания пленников? Полагается исключительно на некоторых, известных уже начальству, доброжелательных киргиз, было все-таки рискованно. Приходилось искать русского человека, вполне надежного и опытного.

Он явился сам по своей доброй воле. То был урядник Угольной станицы Оренбургского казачьего войска Петр Андреевич Пешков, известный в преданиях более под фамилией Петров.

* Во время управления краем Эссенем* в 1818-1829 гг. те за 12 лет на одной только Оренбургской линии захвачено в плен 443 чел., выручено 211, убито 106, осталось в плену 249, всего погибло 355 чел. За время же 15-летнего правления князя Волынского (1803-1817) захвачено в плен 176, выручено 78, осталось в плену 98, убито 2, всего погибло 171 чел. С 1758 по 1832 гг. включительно захвачено в плен 3497 чел., выкушено 1154, осталось в плену 2827, убито 192, всего погибло 3019. На Каспийском же море увоз пленных достигал 200 чел. в год (вазго из ведомости, составленной ст. сов. Жуковским в 1832 г. и представленной в августе 1832 г. директором Азиатского департамента Государю Николаю I).

Про Пleshкова казаки Угольной станции и окрестных селений передавали покойному Н. К. Бухарину целые легендарные сказания. Из путевых записок Бухарина видно, что Пleshков был лично известен саулу Аржанухину и всем батырям-киргизам Ново-Илецкого района, как лихой наездник-разведчик. Никто из казаков не мог было сравниться с ним в езде верхом, или стащить его с седла. Нередко, укрощая дикую ордынскую лошадь, он схватывал ее прямо за уши и пригибал таким образом к земле. Часто схватываясь с киргизами на кардонах, расположенных в то время между форпостами Еланским, крепостью Илецкая Защита, станцией Угольной, Мервцевской, Григорьевской, Куралинской и проч., Пleshков до тонкости изучил степные наречия и своеобразную киргизскую военную тактику и прилагавшие к линии места знал, как свои пять пальцев.

Реконвояванный Аржанухиным, Пleshков по распоряжению Эссена был послан в степь на розыск Подурова и Медведева. Для свободного проезда ему был вручен 16 июля открытый лист, а личная его охрана была вверена самим Эсеном султанам Меньшой орды: Абулмухамину Ачиму, Баймухамету Абучуваку и еще нескольким киргизам, пожелавшим содействовать освобождению пленников.

На одной из стоянок в аулах этих семиродских киргиз Пleshков узнал, что Подуров из рук Чоки перешел к хану Джуламану Тинячину⁶. 5-го августа султаны наконец отправили Пleshкова на разведку, придав ему в виде конвоя еще четырех киргиз, а сами остались подкашивать результаты свидания его с Джуламаном.

На дороге, как пишет Генс в своих записках, киргизы телохранители оставили Пleshкова, который один лишь со своею винтовкой пошел далее к форпостам Джуламана. За шесть верст до кочевья хана его остановили сторожевые киргизы, хотели было его изрубить, но Пleshков благодаря изумитель-

ному самообладанию сумел остановить извергов и объявил, что послан от начальства, указал им на свой открытый лист и потребовал личного свидания с ханом. Извещенный об этом Джуламан выехал на встречу к Пleshкову.

Переговоры тянулись долго. Хан объявил, что выдает Подурова за одного Толенбая Кундукова. 6 августа Пleshков получил от хана письмо на имя военного губернатора. В письме этом Джуламан выступает энергичным борцом за интересы киргизского народа, среди которого он, как справедливый и бескорыстный судья, пользуется всеобщим уважением. До сих пор поются киргизами песни, сложенные в честь него, и передаются из рода в род предания про Джуламан-батыра...

Пleshков вышел из степи, не повидавшись с Подуровым и везя один лишь требование Джуламана, конечно несовместимые даже с самой уступчивой политикой...

12 августа Пleshков был уже в форпосте Буранном, куда к тому же времени явился освобожденный ямщик Степан Матюков. Он был выкуплен стараниями тех же султанов, которые сопровождали урядника Пleshкова. 16 августа Пleshков лично разпоротвал Эссену о своей поездке в степь и был вновь назначен Эсеном в составе партии, которая отправлялась под начальством конфидента хорунжего 11-го башкирского кантона мурлы Биккинина, родом татарина, в степь к тому же Джуламану.

С этой партией, вставшей 18 августа из Буранного, отправлялись султаны Даржан Абулмухамитен, Баймухамет Абучуваков и старшина Тивалей Байтершеев, освобожденный из-под стражи по просьбе подполковника Уральского войска Шапова, принимавшего меры к розыску Подурова по распоряжению войскового атамана Назарова.

В том же Буранном форпосте Пleshков и Биккинин захватили с собой арестанта Толенбая Кундукова, чтобы доставить его к хану. 26 августа партия эта была уже в аулах Джуламана. Но то, что составляло предмет страстного желания хана, письмо к нему от военного губернатора, не было получено. Однако Джуламан желал получить письмо во что бы то ни стало. Им было составлено новое письмо к Эссену, где он просит удостоверить собственноручной подписью, что

Пleshков и Биккинин действительно посланы им для освобождения Подурова. С письмом этим отпразднили в Оренбурге один только Биккинин, а все прочие оставлены были в ауле Джуламана за аманатов¹⁰.

ПОЛОЖЕНИЕ ПОДУРОВА В ПЛЕНУ. ЕГО ПИСЬМО. ДОЧЬ ХАНА. ОСВОБОЖДЕНИЕ ПРАПОРЩИКА МЕДВЕДЕВА И МАЛОЛЕТКИ КОЖЕВНИКОВА

Подуров, перешедший из рук простого киргиза Чоки к богатому и известному хану Джуламану, был, конечно, поставлен в более благоприятные условия жизни. Завязав переписку с оренбургским начальством, Джуламан естественно нуждался в писемодателе, и вот Подурову волею-неволею пришлось по приказанию хана и под его диктовку составлять письмо к Его Высочайшепреходительству Генру Кирилловичу Эссену.

По словам Генса, Подурова держали у Джуламана в сравнении с другими пленниками хорошо: поили даже кумысом, но на ночь заперли в кандали. Его меньше, чем других, били, но все же били, и по праздникам только называли «Иваном» (как всех русских), обыкновенно же — «чуващ, собака». Жена и сын не выходили у него из головы, представление об их печали вызывало у него слезы, а Джуламан смеялся...

«Киргиз, выпущенный взамен его, — пишет далее Генс, — когда Подуров был еще в плену, говорил: «Что, собака, ты плачешь? Я, будучи мусульманином, исповедую веру истинную, человеквольный, никому неподвластный, должен был просидеть полгода в остроге в кандалах, а ты лежишь в кибитке. Подай мне пить!» Подуров должен был подавать ему чашу с пренижким поклоном...

До приезда еще урядника Пleshкова Подуров успел написать письмо к начальнику одной из дистанций Нижне-Уральской линии саулу Уральского войска Линвину. Саулу этот также принимал участие в розыске Подурова, и послал с этой целью киргиза кердерянского рода Аксана, который возвратился 1 сентября и привез к нему письмо от Ивана Васильевича. Оно написано на полулите сине-серой бумаге, сложенной вдвое, как всегда писал Подуров. Приводим это содержание: «Милостивый Государь, приятное для меня известие Ваше о намере-

нии Его Высочайшегосударя Петра Михайловича освободить меня и 2-на Медведева из плена я имел вчерашний день получить, за что я имел вкрайности из благодарности Вас, милостивый 2-пр, покорнейше благодарю, также Его Высочайшегосударя Петра Михайловича за столь человеколюбивое покровительство несчастным, всепокорнейше благодарю.

Я нахожусь теперь у батыра Джуламана. Хозева мои кирдейского рода киргизы Чоке Юнус и Амандык просят через него оренбургское начальство освободить из-под караула в Оренбурге содержащегося отца их Толенбая Кундукова. Меня обещаются доставить в Россию, и как они говорят, того Толенбая везут даже из Оренбурга к батырю Джуламану, и сей уверил меня в справедливости сего, с тем, что как только доставится к нему тот киргиз, то меня тотчас же отпустят. Теперь я остаюсь между надеждой и отчаянием в ожидании того Толенбая и бывшие присылаемого сюда урядника. Бог знает, что будет! Товарищ мой 2-н Медведев находится у Киргизцев, недалеко от батыря кочующих и вместо него также просят одного киргизца. Повторяю истинную мою благодарность Его Высочайшегосударю Петру Михайловичу и Вас, имело честь быть с душевным почтением и преданностию, милостивый 1-пр, всепокорнейший слуга Иван Подуров.

23 августа 1823 года.

Нв. Доставившему от Вас ко мне приятнейшее сведение киргизцу Аксану я много обязан и душевно бы тотом благодарю его, но он сам видел, что ничего не имею, а Вас покорнейше прошу уведомить, что если угодно будет Всевышнему освободить меня из эдикула, я не оставлю его благодарить из Оренбурга. Он и товарищ его Зору Туркестанов, как видно, есть люди хоронее и во всей справедливости заслуживают вознаграждения».

Письмо было отправлено 25 августа, а 26-го уже был доставлен к хану давно ожидаемый Подуровым Толенбай Кундуков. Казалось, что с прибытием его причина задержки Ивана Васильевича уничтожилась сама собой. Между тем, какой-то злой рок готовил для него новые препятствия...

Опечаленный неожиданным оборотом дела, о котором мы упоминали выше, Иван Васильевич 2 сентября составил новое пись-

⁶ Ханом он назывался самовольно для придания большего веса среди однокорцев. Приблизительно до 1830 г. в Малой и Средней ордах ханы выбирались с ведома правительств и утверждались Государем. После 1830 г. ханское достоинство упразднено и вместо ханов стали султаны-правители, уже с большим ограничением их власти.

мо к какому-то Николаю Ивановичу¹¹, особе, имевшей, судя по письму, влияние и вес при главном начальнике края. Подуров умолял Ник. Ив. уприсотить П. К. Эссена, чтобы тот удостоверял собственноручно насчет командировки урядника Плешкова и хорунжего Биккиннина, без чего хан не желает отпустить ни его, ни урядника. Относительно земельных уступок со стороны России, о которых Джаламан распространился еще подробнее и настоятельнее в письме, отправленном того же 2 сентября с Биккинниным в Оренбург к Эсену, Ив. Вас. отозвался как о деле «невозможном», но просил не отказывать категорически, а отписать, что-де «оное прошение представится Государю и что оттоль впоследствии, он особо будет уведомлен; если же он тотчас получит отказ, то не надеюсь, чтоб он нас отпустил, и с сею бумагою просит, чтоб приехал сей же мулла. Ему одному он только верит». С боку письма была приписка: «На переговоры с г-м Шаповалом сей Джаламан не едет — боится».

Проходил день за днем, а ожидаемый ханом и пленниками хорунжий Биккиннин все еще не возвращался...

С раннего утра Ив. Вас. был уже на ногах. Приставленный к нему для присмотра киргиз снимал железные кандалы и гнал его на работу — пасти ханских баранов. На Подурове был простой киргизский халат, поношенный малахай и давно уже протертые офицерские сапоги. Но и в этом убогом наряде Подуров выглядел молодцом и обратил на себя внимание юной дочери хана¹².

Не раз украдкой пробиралась она туда, где он пас баранов, передавала Ивану Васильевичу новости, касающиеся пленников, умоляла иногда лепешками собственного приготовления или же крутом (киргизский сыр) и старалась вообще разогнать его грусть.

Когда опасения остаться в плену усилились, она решилась предложить ему последнее средство — бежать из аула, для чего обещалась достать самого лучшего коня. Но пленник не решился воспользоваться самоотверженным предложением девы: он все еще в глубине сердца питал уверенность, что военный губернатор примет меры для

его освобождения. Обстоятельства как бы подтверждали его надежду.

Прапорщик Медведев был уже освобожден и 31 августа доставлен старшиною Меньшовой орды Амулинского рода Таштемиром Чүфинным в пограничную комиссию, от которой получил за это похвальный лист и 150 рублей награды. Медведева продержали бы дольше, если бы отец его — инвалидный начальник — не имел собственного скота и не отдал на выкуп 300 баранов. Подуров же жил исключительно на офицерское жалование (в то время полковой есаул получал в войске по старому гусарскому окладу 430 р. асс. в год), имея жену, двухлетнего сына и сестру; родных больше не было и помощи ждать кроме высшего начальства не от кого.

Тот же старшина Чүфинн постарался выкупить и малолетка Кожевникова, доставив его 26 августа в Оренбург в ту же комиссию. С нетерпением поджидал поэтому Иван Васильевич возвращения Биккиннина.

ПРИЕЗД БИККИННИНА И КУПЦА ШАХМИРОВА. ИНТРИГА. БЕГСТВО И СМЕРТЬ ПЛЕШКОВА. СУДЬБА ДЕНЩИКА МИХАЙЛОВА

13 октября мулла Биккиннин и командированный с ним по просьбе полковника Е. Н. Тимашева (Эссен был в отсутствии) купец-армянин Гавриил Шахмиров прибыли наконец в аул Тианчина, расположенные уже на реке Сагызе¹³. Весь путь совершили они в 12 дней, везя с собой и подарки для хана, заключавшиеся в разных материях, платках и мелких вещах на сумму 327 рублей ассигнациями.

Джаламана они не застали — он был на поиске пропавших из его аула лошадей. Ждать его пришлось около двух недель. Урядник Плешков, потерявший всякую надежду на освобождение пленников, уговаривал Подурова бежать, причем указывал, что причиной его задержки — тот же мулла Биккиннин, который только для вида старается об его освобождении. Действительно, судя по дознаниям, произведенным впослед-

*Kuprus-Kasarka
grouya*

¹¹ Все нижеприведенное относительно дочери хана Джаламана основано на сообщении И. В. Чернова.

¹² Кочевья свои киргизы имели большею частью по левым притокам Урала и по степным рекам: Эмба, Топку, Сагызе, Уксу, Кужу, Ургу, на Милой и Большой Хобде, в верховьях рек Илека, Ори и по всему Тобылу.

ствии есаулом Аржанухиным, хорошо знавшим степь и ее порядки, мулла Бикнини был в самых дружеских отношениях с Джуламаном. К Бикнинину до высели трех вооруженных отрядов в степь весной 1823 г.* для наказания виновных киргиз прислали братья Джуламан Арабий и Исламан. В тайной беседе Бикнини навел их на мысль взять Подурова из рук Чоки, задержать и, пользуясь этим, добиваться уступок от России по Илеку и другим рекам.

Тот же Бикнини укрывал беглого татарина Рахмет Улуу, которого разговаривало оренбургское начальство.

Все эти проделки знал урядник Плешков и его приятели султаны, остановленные в духах Тианчина. Раздраженный надменным обхождением Бикнини, урядник имел как то неосторожность высказать все это в степи мулле и пригрозил ему вынести все на лицо воду Бикнини и без того ненавидевший Плешкова, как стоявшего на дороге к славе и наградам за освобождение Подурова, еще более возненавидел есаула. (Подурова он теперь освобождал, осведомившись в Оренбурге, что Джуламан никогда не получит требуемых земельных уступок.)

Он дождался только возвращения Джуламана, который наконец прибыл с поиманными лошадьми.

Бумаги, ожидаемой им от Эссена, не было, напротив, ему предлагалось получить дальнейшие указания от султана-правителя Ширгазы Айчувакова, которого Джуламан обвинял в двусудной политике, в происках и разорении киргиз и ненавидел его как личного врага.

Бикнини, между тем, шепнул хану о подговорах Плешкова и его приятелей-султанов, чтобы скрыться с Подуровым. Все это забесило хана, и он, собрав пленников и аманатов, разразился руганью, на которую киргизы большие мастера, грозил всем смертью, а Плешкову и Байтухамету Айчувакову отрезанием носа и ушей. Бикнини торжественно и искал лишь случая отделаться от Плешкова, для чего даже предлагал

киргизу Бейгулле свой халат, чтоб тот убил урядника, но Бейгулла отказался.

Плешкову оставалось одно — бежать, и он действительно скрылся в то время, когда Джуламан успел гонцов к союзникам и родственникам узнать их мнение, что сделать с Подуровым. Как и куда скрылся Плешков, история умалчивает. В ночь на 26 октября скрылись и султаны Даржан Абдулмукунини и Баймухамет Айчуваков.

Долго искало начальство урядника Плешкова, но лишь через год друг и приятель урядника Яныбай Янкбасев, два раза специально ездивший в степь для розыска Плешкова, узнал о его судьбе и говорил на дознании у С. Д. Аржанухина, что собственными глазами видел истребленное в кусты тело Плешкова, лежавшее на песке в солончаковом овраге по р. Уилу.

Что это в поле забелелос?

Что в чистом зазелелос?

Забелелос в поле его тело белое,

Зазелелос его кровь молодечкая.

Никто-то к телу

не проискателся, —

Лишь стелались два черна ворона,

Сидели они на казачью гробу

бегую,

Зачинали клевать очи янсые.*

По преданиям казаков Угольной станицы ездил узнавать про Плешкова также известный в Илецком районе за силу и удаль казак Илецкой Соляной Защиты Дмитрий Герасимович Беляков, выступавший с ранней лет Плешкова у себя в Зашите.

Джуламан позволил им похоронить Плешкова и даже дал двух лучших коней, чтобы скрыться Белякову из аула, так как киргизы могли его пленить. Беляков нашел Плешкова убитым в ерике, т. е. кустарнике.

Яныбай Янкбасев и известный уже нам Таштемир Чубин, султаны Токжуджа Айчуваков и Агимов подтвердили Аржанухину, что Плешков убит по научению Бикнини; но «Бикнини, слушая сие доказательство, — рапортवाल Аржанухин 8 января 1824 г. к Эссену, — робко и, не произнося долж-

ствующих опровержений, во всем чинит заприравленство...» Официально, однако, Бикнини в наущении не был обвинен. В убийстве был обвинен брат Джуламана Исламан и беглый Рахмет Улуу, но также по слухам. Злодей, убивший Плешкова, не поощрился его коня, на тот конь он скрылся: они зарезали его и тут же съели. Одна только безмолвная степь слышала предсмертные вопли Плешкова и видела, как злодей, нашившись кровавым пиром, исчез бесследно на горизонте песчаного моря... Мир праху твоему, герой, павший за освобождение своего есаула!

Сам военный губернатор признал достойным внимания и награды геройский подвиг урядника Плешкова. 16 июня 1824 г. П. К. Эссен писал в пограничную комиссию:

«Устаивая из представлений пограничной комиссии от 11 и 30 марта июня, что казачий урядник Плешков, жертвовавший жизнью для спасения двух офицеров, убит братом известного матежника Джуламаном Исламаном и другим и что задержанный родственник Джуламана Тайман Тулеганов в этом: не виновен, то предписано его выпустить, но войдя в рассмотренное положение семейства Плешкова, оставшегося без призрения и тех способов к своему содержанию, какое доставлял отец, лишившийся жизни от рук родственников Толенай, признаю, чтобы тому семейству было оказано какое-либо пособие, на сей конец объявить киргизу Тулегану, что до того времени не получив свободы, пока не будет предоставлено в нользу семейства урядника Плешкова 1000 рублей (тысячи рублей), но вносить кому будет немедленно отпущен в орду, что и исполнит, и деньги вручить по принадлежности в присутствии пограничной комиссии, донеся мне о последующем.»

Благодаря Аржанухину деньги были собраны с киргиз и вручены по принадлежности, равно как и выдано пособие в 700 рублей вдове погибшего казака Ефрема Наймушина.

Сын Плешкова при содействии самого Подурова, бывшего уже командиром Непремедного полка (с 16 февраля 1833 г. по 27 сентября 1841 г.) был произведен в полковые хорунжи, но имел, если не ошибаюсь, фамилию Петров, под каковой и встречается в «Очерках и воспоминаниях очевидца»

Н. П. Иванова¹² о Хивинской экспедиции 1839-1840 г. (С.-Пб., 1873).

Что же касается солдата Сергея Михайлова, то денщик этот, как доносил 16 сент. 1824 г. есаул Аржанухин, «был уже продан далеко...» Вероятно, его продали в Хиву, где было в 1831 г. до 1800 русских пленников*.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ПОДУРОВА

Было 29 октября. Джуламан уступал красноречию Бикнини и Шахириева и, задобренный отчасти подарками, решился отпустить Подурова. Самолюбивый хан был к тому же затронут за живое отказом родственников приехать на совет и их угрозами убить Плешкова и Подурова на дороге, если он осмелится их освободить. Они предлагали отправить пленников в Хиву, к Магомед-Рахим-Хану и получить от него взамен этого реуля...

Джуламан вел привести Подурова в свой кош, где сидели Бикнини и Шахириев. Наступала ночь. Костер, разложенный посредине ханского коша, ярко освещал атлетическую фигуру Джуламана. Подуров, зная кандалами, вошел через придонную дверь кибитки. Пытливые глаза хана остановились на нем и как бы хотели спросить: «Знаешь ли, друг, что задумал твой властелин?» Во зоре Подурова засветилась надежда. «Иван, — сказал наконец Джуламан, — ты свободен! В эту ночь ты отправившись в Россию. Берешься в дороге — тебя стерегут. Однако с тобою пройдет некоторое время мой брат Исламан. Ступай, готовься в дорогу. Алах да благословит твой путь!»

Тут же со звоном упали по приказанию хана железные кандалы, которые пленник влечет четыре месяца. На глазах у Подурова выступили слезы. С живейшей радостью благодарил он Джуламана за свое освобождение и вышел из кибитки. Прохладный ночной воздух несколько освежил его воспаленную голову и порывисто дышавшую грудь.

— Господи! Неужели я свободен?! — вырвался у Подурова. Он поднял голову и взглянул в глубину небосвода, усыпанного миллиардами звезд. Ему казалось, что сами звезды движут его освобождению, перели-

* См. письма русских пленников к графу П. П. Суцелену в архиве бывшего генерал-губернатора.

* Отряды были под командованием полковников Милодаровича и Цианковского, управлявшего исследованием, с 1834 г. Башкиро-мещеряком войском, и полковника Берга, бывшего начальником экспедиции к Аральскому морю зимою 1825, в начале 1826 г., в 1863 г. он был в Варшаве генерал-фельдмаршалом.

* Из песни, записанной Н. К. Бухариним со слов степца-казака семидесяти лет Чернореченской станицы Ив. Ив. Менькова про хорунжого Алесксеевича Андрея Деметьевича, убитого в 1823 в г. в отряде полковника Берга, в полку, которым командовал Петлов. Отряд Берга делал сиему киргизской степи.

ваясь в лучах своих, как драгоценные камни по темно-синему небу. Взор Ивана Васильевича остановился на северной Полярной звезде, в созвездии Малой Медведицы.

— Ведь это Прикол-звезда, — подумал он, — сказывали мне казаки, что пленники по ней всегда держат свой путь на русскую сторону. Вот и мне теперь приходится бежать туда же...

Подурову хотелось перекинуться хотя бы словом со своим несчастным другом Пleshковым. Он машинально отправился к его кибитке, но тут только припомнил, что Пleshков давно скрылся из аула.

Незаметно прокрался Иван Васильевич к той, которая так часто облегала его горе, ухаживала за его ранами. Ханская дочь еще не спала, она предчувствовала, что в эту ночь решится и ее судьба. Отъезд Подурова не был для нее неожиданностью, но ей тяжело было расставаться с любимым человеком. Иван Васильевич успокоился, как мог. Было уже за полночь. Оседланные кони стояли у кибитки Джуламана. Крепко поцеловал казак на прощание молодую киргизку, и поспешил в свою кибитку. Наскоро переодевшись, он отправился к Джуламану.

Партия была уже готова. Биккинин и Шахмиров разговаривали с ханом, сидя на своих лошацях. Еще раз взглянул Иван Васильевич на темные очертания аульных кибиток, где он столько пережил и перечувствовал, сел на ханского коня, которого Джуламан приказал доставить из косяка, еще раз простился с ханом, благодаря его за свое освобождение и заботу по охране в пути, перекрестился и тихой рысцой двинулся за группой всадников.

Проехав сто верст, Исхьяман приостановил партию, указав, где есть скрытые подступы к русской границе, предупредил еще раз быть осторожнее, так как Подурова стерегут союзники Джуламана, и пожелав счастливого пути, возвратился назад.

Не дожидаясь верст сто до реки Илека, белгеды наткнулись на следы, числом до пятидесяти. Их, очевидно, давно уже встретили. Затаяв дыхание и озираясь кругом, белгеды пробирались к Илеку. Близ самой линии по переправе через реку вновь наткнулись на следы, идущие вверх по той же реке. Но хищники прогладели партию. Белгеды видя хранило Провидение Божие.

«Почти четверо суток, — так рассказывала потом Шахмиров и Биккинин в пограничной комиссии, — день и ночь без отдыха съехали мы с русской границы».

Блеснул огонек. Это знаменитый форпост Буранный, опора русского могущества в Ново-Илецком районе, бросает свой ободрающий свет измученным всадникам. Еще минута — и Подуров на своем замысловатом стеном скакуне врывается за околицу форпоста. Он спасен! Он ищет глазами убогую хижину героя Ново-Илецкой линии Степана Дмитриевича Аржанухина, своего закадычного друга. А вот он и сам выходит на крыльцо на шум и конский топот. В полуоткрытую дверь вырвался из комнаты красноватый свет от сальной свечки и озарил на минуту его высокую фигуру, смуглое лицо, курчавые черные волосы и гладящиеся в упор черные глаза.

Иван Васильевич осадил своего коня. Через минуту у Степана Дмитриевича шел уже пир горой — по случаю неожиданного приезда дорогого гостя, который в своем киргизском халате еще более интересовал собравшихся казаков и едва успевал отвечать на вопросы, сыпавшиеся со всех сторон.

На другой день, 1 ноября командир Ново-Илецкой линии майор Бельянтцев рапортовал Эссено о благополучном прибытии есаула Подурова...

Подуров спешил в Оренбург. Долго пришлось ждать жене с малолетним сыншикой Сашей его возвращения. По рассказам старожилка генерал-майора И.В.Чернова Иван Васильевич приехал в Оренбург в форменной одежде, которую взял у Аржанухина, но вместе с тем на память привез и бывшую на нем киргизскую одежду, в которой уехал из аула.

В течение нескольких дней народ собирался в его доме на Институтской улице. Все сочувствовали страданиям, которые перенес Иван Васильевич за время четырехмесячного плена и с любопытством рассматривали его киргизскую одежду.

За отграбленные вещи, по оценке их, Подуров получил 1604 р. 40 к асс., парторщик Медведев — 2023 р. и 1/2 к., Матюков — 295 р. 50 к., Кожевников — 300 р. Все эти деньги собирались с киргиз до 1829 г. и лишь только благодаря энергии и изумительному умению Аржанухина жить с киргизами были наконец собраны сполна.

Первое время Подуров сильно бедствовал, не получая вознаграждения за отграбленное у него имущество. Добрые его знакомые помогали ему, кто чем мог, и даже приносили хлеб и сахар. Вдвигивший для освобождения его купец армянин Шахмиров до самой своей смерти оставался верным другом Ивана Васильевича, Подуров был посаженным отцом у них на свадьбе со стороны невесты, и жена Шахмирова впоследствии называла его не иначе как «тятенькой».

ПОЕЗДКИ ПО ВОЙСКУ С ТИМАШЕВЫМ

После выхода из киргизского плена Иван Васильевич вступил по-прежнему в отправленные своих обязанностей адъютанта при командовавшем войском полковнике Тимашеве. Подуров часто ездил с ним по станциям. Возможность быть постоянно при Тимашеве во время поездок благотворно отразилась на Иване Васильевиче, в смысле непосредственного общения с казаками и изучения вместе с тем материального, умственного и нравственного уровня оренбургских казаков.

Егор Николаевич Тимашев, по словам старожилки, был человек высшей степени гуманный, доступный для каждого казака, и они, как говорится, души не чаяли в «Егоре Миколаевиче» (иначе они его не называли) за его попечение о войске и сердечное и ласковое обращение с ними. Приезд Тимашева в станцию ожидался как праздник. В суровое прежде время такое отношение и обращение начальника с казаками было далеко незаурядным явлением. Достаточно указать, что в то время служащие в крепостях казаки были в полном подчинении у командантов как начальников гарнизона крепости (станции по линии в 20-е гг. назывались еще крепостями) и кардонный стражи на линии.

Команданты крепостей спрашивались казаками, как только им хотелось. Вот страница из путевых записок Н.К.Бухарина, основанных на расспросах старожилков-казанцев разных станций и впервые освещающая оборотную сторону «прилинейных» кавказцев: «За каждым пятью-семью домами было приставлено для присмотра по солдату-капталу. Ни кавкази замесить, ни арбуза снять самостоятельно не смей... Казаки убирали и

возили сено, дрова, охотничали и рыбачили для командантов, бабы собирали ягоды, поливали и полоти командантские огороды, стирали и шили белье, как крепостные исполняли все барские работы. Мужское население занято было постоянно службою: пикисты, разведки, конвоирование (проезжающие — пять, почти — десять человек); постоянная готовность: ночью оседланы кони и пятидесяти стучный провиант в тороках. Полевые работы исполнялись с оружием в руках — пятеро косат, шестой носит оружие... Порка была за всякую малость по жалобе каптала. Самые обычные названия давались казакам: «варнаки», «смельянич», «пугачевцы», «бунтари», а начальство и капталы из поляков, которых было много в батальонах, прибавляли к этому: «быдло» и «пса-крев». Изводить и забивать казаков считалось как бы служебной заслугой. Особенно ненавидели казаков поляки. Отсюда вопиющий произвол и всевозможные притеснения как по линии Урала, так и по Илецкой линии. Вот где причина забитости казака и основных черт его характера: скрытности, подозрительности, недвояния и дикого разгала, если вывернется подходящий случай...»

Со слов 85-летнего казака Татищевой станции Якова Андреевича Чернова Бухарин заносит следующую рассказ по команданту Дударя, бывшего в 20-х годах: «Утром бывало, когда бабы по барбану выходили за водой и поили скот под солдатским конвоем, Дударь стоял уже на валу. Киргизцы мечутся по противоположной отмени, а Дударь кричит: «Не смей стрелять, не тронь киргиз! А особенно Кусая (его сподручного). Забью палками, расстреляю. Я вам бог и царь!» Кусая приезжал часто к Дударю в гости, весь в поуматках, толстый, а Дударь был еще толще его и бывало ходил по валу с серебряным рогом, находит табак и кричит: «Не стрелять!» Есаул Наследов, живший в Татищевской крепости, был произведен по престоавлению князя Волконского из урядников в офицеры, а при Эссене и Дударе разжалован за защиту казаков. Кантонный начальник из Рassinской станции Петр Васильевич Таракашкин еще ранее миир Наследова с Дударем и говорил: «Никита Егорович, дай (подарок) Дударю и дай Кусая, поминись, не разжалую...» «Нет! — сказал Наследов, — кто

меня жаловал, тот и разжалует». А Дударю сказал в глаза: «Ты не Бог и не Царь, а Самозванец! После этого Наследов, конечно же, был разжалован. Дударь солдатам и казакам выдавал пустые патроны, т. е. без пули. «Ты, — говорил Дударь, — не бей киргиза, только хлопни из ружья, одного хлопка довольно, ты, значит, свою очередь отел». Киргизам же бывало говорило: «Вы не бейте до смерти казаков, а только поколотице, чтобы память была, в другоряде не погонитесь». Придет киргиз с жалобой, казака сейчас же на гауптвахту, не спрашивая; скотину велют отобрать и отдать киргизу, а казака пороть...»

Достоин внимания, что до нас дошли из времен Эссена предания о тайной продаже русских людей в Хиву, и не только киргизам, но даже русскими людьми как например, купцом Зайчиковым, переменившим фамилию на Дева¹³. Мы не нашли никаких документальных указаний в делах губернаторского архива за время Эссена, тем не менее с этой упорной ходячей молвой приходится считаться. О П. К. Эссене казаны сохранили самые тяжелые воспоминания за строгость меры по переходу через Урал в погоне за отбитым своим имуществом и защиты чести своих жен и дочерей, увозимых в глаза казаков, находящихся на правом берегу реки и не имеющих права под страхом строгого взыскания переплыть Урал и догнать хищников. Разумеется, многое из распоряжений Эссена было основано на инструкциях Азиатского департамента, равно как на высших государственных соображениях, указанных еще Коллегией Иностранных Дел князю Путятину¹⁴, Оренбургскому военному губернатору, 25 января 1776 г., чтобы наказывая «предресты ордынцев», принимая во внимание невежество азиат, ибо «по пунктам, в камерколлегии сочиненным и Сенатом апробированным, в рассуждении невежества азиатцев, всегда при погрешностях их поступать снисходительно, дабы тем в желаемом расширении коммерции не причинить помешательства и не отучить азиатцев вовсе от оренбургского торго, но паче придрать им и тому торю всякую охоту...»

Основываясь на единогласном предании казаков об Эссене, можно предположить, что он распускал киргиз и мало ограждал от них прилинейных жителей, вероятно, исполняя только букву закона, который по его

настоянием в силу изменения местных условий, мог бы излагаться в смысле более действительного охранения русского прилинейного элемента. Что касается преданий о комедантах, то, конечно, не все были похожи на Дударя и ему подобных, были люди и человеколюбивые. Бухарин приводит, как пример, комеданта Нижне-Озерной крепости (станции) Михаила Семеновича Симбулина (1783-1820), который для казаков был «душа-человек». Но таких примеров надо было востину поискать днем с огнем...

Что касается преданий казаков о строгости наказаний, то это документальнее всего подтверждается формулярными списками, хранящимися во множестве в Войсковом архиве. Так за кражу лошади у татарина Уразбая казака Красноуфимской станции Баранкова 1-го по конфирмации кн. Волконского прогнали сквозь строй через 500 человек три раза шпицрутенами (палки, 1815 г.) за недосмотр в разъезде за киргизами, угнанными в 1814 г. лошадей. Этульская станция казаков Роднина и Дettino по приказанию кн. Волконского прогнали сквозь строй через 1000 человек три раза.

Если такова была официальная строгость, то не доверять преданиям казаков о жестокости комедантов — этих царьков доброго прежнего времени — было бы неосновательно...

Жестокое обращение комедантов с казанами, строгое наказание за проступки и преступления — гонка сквозь строй, порка плетями, строгое запрещение переходить Урал в погоне за хищниками, увозимыми на глазах их имуществом, жен, дочерей, — все это оставило у оренбургских казаков тяжелые воспоминания о времени, приходившемся на начало текущего столетия.

К сожалению, пределы биографии не позволяют нам остановиться более подробно и обстоятельно на этом положении казаков, столь ярко и полно очерченном в путевых записках покойного Н. К. Бухарина, а потому мы можем лишь сказать, что одна из причин популярности, уважения и любви казаков к Егору Николаевичу Тимашеву основывалась именно на его сердечном и человеколюбивом обращении с подчиненными казанами в противоположность прочим. Таким образом, сам Тимашев имел для Подурова — будущего наказного атамана — самое лучшее воспитательное значение...

Примечания

1. Подуров Иван Васильевич — потомственный оренбургский казак, генерал-майор, наказной атаман Оренбургского казачьего войска (1853-1859).

2. По дороге в Оренбург, во время визита в Симбирске к губернатору, барышину, у которых в тот час был урок танцев, упростили «сочинителя» повальщировать с ними. Пушкин согласился, но прежде «вынул из бокового кармана пистолет» и положил на подоконник.

3. Печатается с незначительными сокращениями по рукописи, хранящейся в Государственном архиве Оренбургской области (РАОО, ф. 169, оп. 1, д. 45). Вес разночтения — авторские.

Севастьянов Сергей Никанорович (1863-1907) — есаул, служил в штабе Оренбургского казачьего войска, разрабатывал историю оренбургского казачества, принимал участие в подготовке 12-томного издания «Материалов по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска», член Оренбургской Ученой Архивной Комиссии.

4. Волковский Григорий Семенович — князь, оренбургский военный губернатор (1803-1830).

5. Тимашев Егор Николаевич — полковник, управляющий Оренбургским казачьим войском (1822-1830).

6. Генис Григорий Федорович — начальник инженерного корпуса (1820-1824), директор Неплюевского военного училища (1824-1832), председатель Оренбургской пограничной комиссии (1825-1844), знаток казачьего быта.

7. Чернов Иван Васильевич — потомственный оренбургский казак, генерал-майор Оренбургского казачьего войска, автор известных «Записок» (об управителях Оренбургского края).

8. Бухарин Никандр Константинович (1841-1891) — войсковой старшина Оренбургского казачьего войска, кавалер шести боевых орденов, этнограф, археолог, автор нескольких рассказов («Хивинка» и др.).

9. Эсен Петр Кириллович — оренбургский военный губернатор (1817-1830).

10. Аманат — заложник, оставшийся по договоренности.

11. «К какому-то Николаю Ивановичу». По всей вероятности, речь идет о Николае Ивановиче Тимашеве, главе управляющего Оренбургским казачьим войском Е. Н. Тимашева.

Тимашев Н. И. — крупнейший помешик края, пользующийся уважением всех оренбургских военных губернаторов; наиболее известны его имения в селе Никольское на Сакмаре и в селе Ташта (Тюльганский р-н).

12. Иванов Николай Петрович — воспитанник Неплюевского военного училища, майор, автор книги «Хивинская экспедиция 1839-1840 гг. Черки и воспоминания очевидца» (СПб, 1873), в которой рассказывается о встрече с А. С. Пушкиным в Оренбурге 18 сентября 1833 г. у К. Д. Артюхова.

Артюхов Константин Демьянович — инженер-капитан, директор Неплюевского военного училища (1832-1837), впоследствии инженер-полковник А. С. Пушкин заезжал к нему 18 сентября 1833 г. во время пребывания в Оренбурге. В феврале 1835 г. Пушкин переслал ему через В. А. Перовского экземпляр «Истории Пугачевского бунта».

13. Девы — оренбургский купеческий род, в архивных документах упоминается с середины 1780-х гг.

14. Путятин Абрам Артемьевич — князь, оренбургский военный губернатор (1764-1768).

Публикация, примечания — С. Е. Сорокиной

	Стоимость при оценке	Стоимость при оценке по договору	Ураганное	Ураганное	Казанское
Въ 1833 году соотомлено					
На лотной линейной службе				23	
Оренбургского Казанского войска	-	41 72	-	1677	
Ташкентское и Меркентское	-	19 250	-	6920	
Кашкентское	-	7 10	-	250	
Уральского Казанского войска	2	40 78	-	2474	
итого	2	2 19 410	-	12 91	
Для разныхъ частейъ гра дотъ, Ташкентское и Меркентское	-	33 55	-	4450	
Въ резервѣ.					
Оренбургского Казанского полка	1	12 28	-	633	
1 и 2 Моттырскихъ полковъ	2	39 137 21	-	1093	
Кавказ Архипедерическаго Казанскаго роты № 8 и 9	1	12 40 5	-	358	
итого	4	63 205 26	-	2086	
Выполнено предано въ томъ же году.					
Вотны доуль сотенныя отряды при Кавказскихъ Сунтанствъ Кра ветскихъ, восточной, средней,					

и Запавной частей казакъ и цркъ	-	18 24	-	600	
На Земляной линейной службѣ					
Оренбургского войска	-	4 4	-	578	
Уральского войска	-	1 2	-	30	
Ташкентское и Меркентское	-	9	-	292	
итого	-	14 6	-	900	
На восточной службѣ					
Оренбургского войска	-	13 18	-	540	
Ташкентское и Меркентское	-	16 15	-	613	
Въ Городѣ Казани для охра нения путей сообщения отъ разбоевъ.					
Оренбургского	-	1 2	-	50	
Уральского	-	1 2	-	50	
На Кавказской службѣ					
Оренбургского	-	1 9 12	-	300	
Въ Москвѣ, въ сотнѣ 12 Орен бургского полка	-	1 17 20	-	550	

На Ахтыбинскую линию		17	20	24	
Во составъ 8 Уральскаго					
полюса	1	17	20		550
Алей въ Западн въ Уральскую					
Казачью сотню		2	9		79
итого	3	76	98		2795
и всего:	9	483	798	26	29059

Старший Адъютантъ Гвардін Капитанъ
Вартаковъ

Виктор Васильевич Дороев родился в 1927 г. в Ленинграде. После первой блокадной зимы был вывезен в Оренбургскую обл. (с.Сакмара). Учился в Уральском политехническом (архитектура), в Чкаловском (Оренбургском) педагогическом институте (английский язык). Доцент кафедры иностранных языков Оренбургского педагогического университета. Автор ряда работ по теории языка и ряда изданий по истории нашего города.

Виктор Дороев

Белогорская и другие

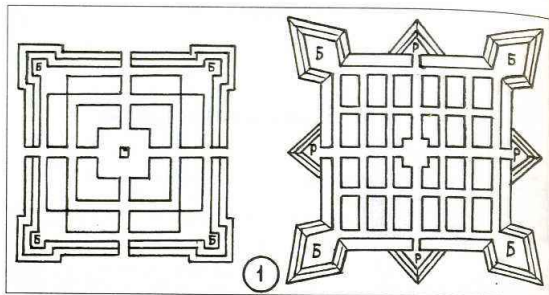
«Я глядел во все стороны, ожидая увидеть грозные бастионы, башни и вал; но ничего не видал, кроме деревушки, окруженной бревенчатым забором...»

А. С. Пушкин,
«Капитанская дочка», гл. III

Описание внешнего вида, которое А. С. Пушкин дал крепости, названной им Белогорской, лаконично и совершенно точно. Не напрасно же ездил в отдаленный Оренбургский край великий русский поэт, ставший и историком.

Пушкин проехал значительную часть Оренбургской крепостной линии, хотя допустимо было ограничиться документальными материалами петербургского и московского архивов, где отражены все события Крестьянской войны, вплоть до планов и карт сражений. Но не мог он поступить так, как в нашем веке делали некоторые писатели, иногда даже художники, описывая или изображая то, о чем не имели настоящего представления. Примеров таких множество. Не называя никого, поскольку такая цель здесь не ставится и не может ставиться, напомним лишь о произведении, касающемся Оренбуржья середины прошлого века, где проезжающий по степной дороге поздней осенью увидел в степи муравейник и на нем извивающуюся змею!

Быть может, Пушкину было проще сесть в почтовый возок и ехать себе, чем в наше время путешествовать на поезде или самолете? Так или иначе, но поэт видел своими глазами землю Крестьянской войны, разговаривал с очевидцами, и если в «Истории Пугачевского бунта» могут встретиться маленьки неточности, то все претензии — к людям, дававших информацию. А вот в «Капитанской дочке» вполне можно было допускать некоторые вольности, поскольку это художественное произведение.

Например: в Белогорской крепости «улицы были тесны и кривы». С теснотой согласился, вторая же оценка может быть принята только как исключение, помогающее создать ощущение захламленности. И это, очевидно, единственное «и не слишком типичное для линейных крепостей замечание. Далее совершенно правильно сказано, что «избы низки и большею частью крыты соломою». Гонтom, или драпкой, крыть в этих почти безлесных краях было сложнее. Жест же в XVIII в. была редкостью даже в Оренбурге.

Для создания более верного представления о линейных крепостях здесь будет сказано о некоторых из тех, которые проезжал А. С. Пушкин. но сначала — общие сведения.

Со времени освоения Оренбургского края введенные были установленные в России Петром Великим принципы регулярной планировки и новая система фортификации, на которую в Западной Европе перешли в XVII в. Это была бастионная система. На линиях применялись образцовые, как их называли, проекты малых крепостей (в наше время сказали бы «типовые проекты»), имевшие в плане квадратное или прямоугольное начертание. У таких крепостей по углам были небольшие бастионы, а между ними, в средней части куртин (крепостная ограда между двумя бастионами), в некоторых случаях выделялись реданты. На чертеже (рис. 1) показаны две типовые крепости, где литерами «Б» отмечены бастионы и литерами «Р» — реданты.

Типовой проект приспосабливали к рельефу. Если крепость строилась на высоком обрыве, ограду со стороны обрыва могли не ставить. Если рельеф не позволял, крепость не была прямоугольной, и т. д.

Крепостные ограды подразделялись на три разряда: 1) земляные; 2) одетые с внутренней и внешней стороны плетнем; 3) деревянные. Один и тот же укрепленный пункт мог иметь разные ограды в зависимости от конкретных условий, но обычно ограда была единообразной. Линейные крепости в большинстве своем имели деревянные ограды, — в первый период, во всяком случае. Это были не палисады, а заплоты, т. е. в безлесных областях на них уходило меньше леса (заплот — бревенчатый забор, в котором бревна или плахи расположены горизонтально между врытыми в землю столбами).

Планировочная структура в крепостях тоже была регулярной. Основные положения ее появились в России в 1704 г. В большинстве своем применялась прямоугольная сетка. По типовым проектам планировка крепостей на 50-150 человек показана в двух вариантах на чертеже (рис. 1).

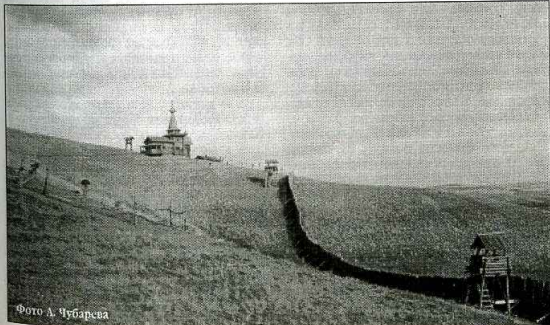
Теперь перейдем к конкретным крепостям, которые проезжал А. С. Пушкин. К сожалению, не удалось обнаружить план Нижнеозерной крепости, которая, вероятно, послужила прообразом Белогорской, как очень убедительно предположил журналист В. Л. Савельзон. Но поскольку она не могла

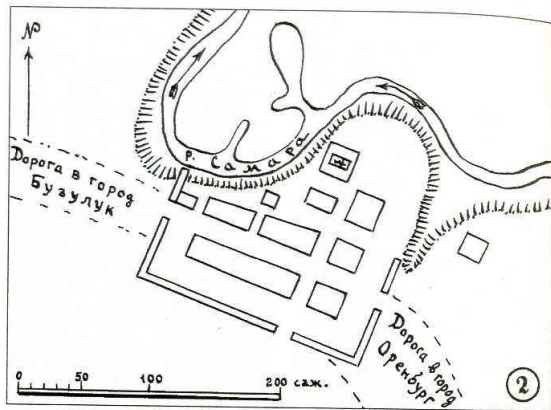
быть существенным, кроме расположения, отличаться от остальных, соседствовавших с нею линейных крепостей, рассмотрение их планов может в значительной мере заполнить информационную пустоту, связанную с Нижнеозерной.

После Бузулука, который с 1781 г. считался уже городом, А. С. Пушкин проезжал крепости по р. Самаре: Тоцкую, Сорочинскую, Новосергиевскую и Первоозерную. От Первоозерной почтовый тракт уходил к Уралу, — по нему поэт и проехал Татищеву и Чернореченскую. Из Оренбурга по пути в Уральск он снова проезжал две последних, затем Нижнеозерную, Рассыпную и далее вниз по Янку-Уралу.

Первоозерная крепость, которую поэт миновал последней на Самарской линии, прежде чем пересечь на Уральскую, представляет собой пример максимального использования рельефа в оборонительных целях и значительного отступления от типовых проектов. На чертеже (рис. 2) крепость показана согласно плану 1804 г. (ТАОО, ф. 124, оп. 1, ед. хр. 437), где нанесена ограда, ничем не напоминающая настоящую крепостную, т. е. не только бастионов, но и редантов, который был бы уместен на длинной, около 400 м, стороне. По всей видимости, в эти годы она была крепостью уже чисто номинально. Но и раньше склон к Са-

маре и ее пойма мог считаться достаточным для защиты, хотя бы в сев.-зап. части крепости. Оградой в это время, судя по начертанию на плане, мог быть двойной плетень, поскольку при земляном вале, пусть и невысоком, обязательно должен быть ров (откуда и брали землю для вала), и ограда в таком случае была бы показана как минимум тремя линиями. Планировка крепости произведена по прямоугольной схеме, но приспособленной к конфигурации площадки, поэтому не все углы прямые, и кварталы, соответственно, не прямоугольны. Главная улица, должно быть, та, которая идет в направлении СЗЗ — ЮВВ. Ей противопоставлена другая, пересекающая ее улица, ведущая к церкви. Последняя стоит над рекой на видном месте, но не в центре, как могло быть; нет и площади, которая, возможно, раньше была к северу от главной и к западу от пересекающей ее улицы (в этом случае планировка оказалась бы ближе к типовой). Со значительной степенью уверенности можно сказать, что ворот на южной стороне, когда статус линейной крепости соблюдался вполне, не было. Можно еще добавить, что нет на плане 1839 г. и крепостной ограды. Правда, утверждать, что ее на самом деле не было, рискованно, т. к. план очень мелкого масштаба (в 1 дюйме — 1 верста), и он к тому же т. н. «геометрический»: план, на ко-

тором правильно нанесена местность, населенные же пункты могут быть правильно показаны лишь в отдельных точках, привязанных к местности.

Далее по Уральской линии следует крепость Татищева. Есть ее планы 1800 и 1806 гг. (ГАО, ф. 124, оп. 1, ед. хр. 533), которые мало отличаются друг от друга. Оба, видимо, геометрические, т. к. на обоих очертания крепостных оград и кварталов представлены не прямоугольниками, а параллелограммами, хотя рельеф местности не диктует обязательность такой конфигурации, во всяком случае в отношении кварталов и соседства части крепости. Поэтому на чертеже (рис. 3) дан «выпрямленный» вариант этой крепости, где за основу взята западная сторона ограды. Сохранен и масштаб оригинала (здесь и далее масштаб соответствует данному на рис. 2). Как видно из чертежа, место для крепости выбрано так, чтобы максимально использовать рельеф у впадения Камыш-Самары в Яик. Отдаленность от него объясняется пологостью склона к пойме. В начале XIX в. до реки было около 160 саж, в настоящее время здесь — старое рус-

ло реки. Ограждал крепость в начале XIX в. вал, опоясанный рвом, но во время Крестьянской войны, когда Пугачев брал ее, она была окружена заплотом, — его, оставшая крепость, Пугачев сжег. Зимой повстанцы устроили тут снеговые укрепления. После их разгрома 22 марта, когда пало 1300 восставших и 400 военных правительственных войск, стали, очевидно, сразу строить земляную ограду. Но в XVIII в. земляные ограды имели только Оренбург, Яицкий городок и Орская крепость. Дело в том, что земляная ограда требовала не только многочисленной рабочей силы для ее постройки, но и нуждалась в значительных трудовых затратах и для ее поддержания, поскольку оседала, размывалась и т. п. Преобладание простых деревянных оград в первые десятилетия освоения края связано в оборонительном плане с тем, что потенциальный противник — кочевники — не располагали артиллерией. После Крестьянской войны стали производиться реконструкцию крепостных оград. В Татищевой крепости западная сторона настолько близко придвинута к обрыву, что часть ограды отсутствует. На трех исходя-

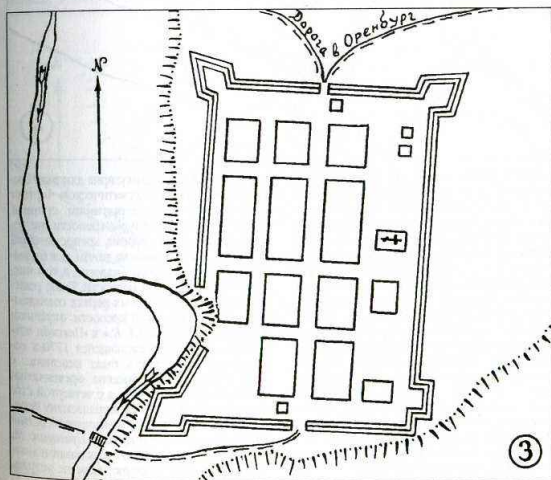
щих углах ограды устроены маленькие бастионы. На юго-восточном же вместо бастиона соорудили батарею (так тогда называли укрепление такой конфигурации), поскольку для бастиона здесь, на исходящем углу, места не было. Планировка произведена по прямоугольной схеме, но центральная площадь отсутствует, хотя первоначально она, вполне возможно, была. Ее нетрудно представить себе к западу от церкви.

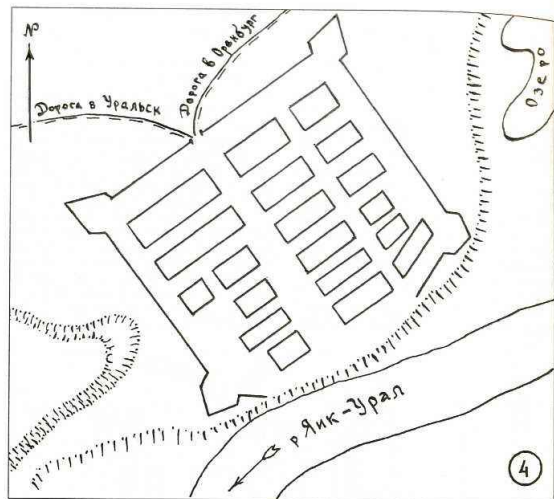
Когда А. С. Пушкин ехал в Оренбург, можно было и не засажать в крепость, но до города оставалось еще более 60 верст, и коней, очевидно, или перепрыгали, или давали им передышку. Поэтому, наверное, поэт все-таки засажал в Татищеву. На пути же в Уральск проезжать через крепость было обязательно, т. к. близкая дорога туда шла через мост на Камыш-Самаре.

Последней перед Оренбургом была Чернореченская крепость. На плане 1827 г. у нее

ограда только с трех сторон, т. к. с юга она защищена рекой, которая в XIX в. была уже старичьим заливом. Планировка также выполнена по прямоугольной схеме. Церковь построена на видном месте над заливом на короткой оси симметрии территории крепости, но не планировки. Вид ли А. С. Пушкин останавливался здесь, ведь до Оренбурга оставалось всего около 26 верст. Была вторая половина дня, за плечами осталась длинная дорога. Когда же он ехал из Оренбурга, то тоже надо было поторпалываться, чтобы выкроить время на беседы в Татищевой.

После Татищевой на пути в Уральск располагалась Озерная (или Нижнеозерная) крепость, за ней Рассыпная, план которой, датированный 1810 г., сохранился. Сложнее с Нижнеозерной крепостью. Как упоминалось, плана ее найти в архивном фонде не удалось, удалось обнаружить только план главных земельных угодий станции Нижне-

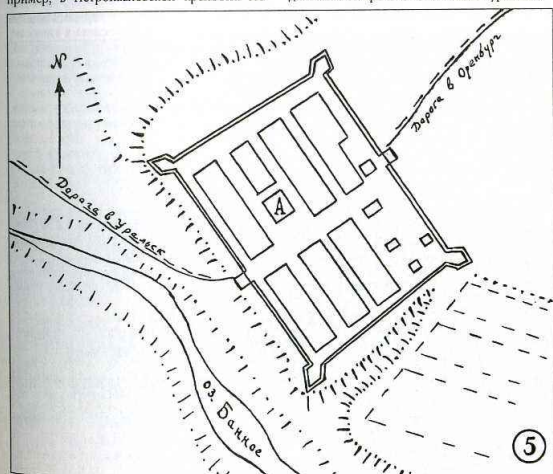

озерной (ГАОС, ф. 124, оп. 1, ед. хр. 1212). Он за 1875 г. и в мелком масштабе, в 1 дюйме — 500 саженей (приблизительно в 1 см — 400 м). Населенный пункт вырос, разумеется, не только за сто лет со времени Крестьянской войны, но и со времени посещения его А. С. Пушкиным, когда он тоже был еще крепостью. Представляется, однако, возможным, сравнивая указанный план с такими другими крепостями XVIII — нач. XIX вв., очертить вероятные границы Нижнеозерной, предварительно увеличив масштаб в 5 раз. Выбор направления длинной стороны крепости с ЮЗЗ на СВВ обусловлен следующими причинами: 1) использованием большей протяженности берега над Яиком; 2) протяжением от одной естественной преграды к другой (не допускать скрытых мест в непосредственной близости от крепости); 3) выбором широкой улицы в качестве глав-

ной, которая перпендикулярна длинной стороне крепости. На схематическом чертеже (рис. 4) планировка территории станции, которая вошла в контуры крепости, не изменена. Четвертая сторона крепости, обращенная к Яику, оставлена почти вся открытой на основании ряда аналогов, в том числе и Чернореченской крепости. Такое решение оказалось в основных чертах совпадающим с описанием этой крепости, опубликованным за подписью «А. К.» в «Невском альманахе». В повести, касающейся 1770-х годов сказано: «крепость была невелика... с трех сторон была обнесена бревенчатым тыном с двумя воротами... а с четвертой стороны плотно примыкала к уральскому берегу, крутому, как стена» (Овчинников Р. В. *Над Лугачевскими страницами Пушкина. М., 1981*). Правда, двос ворот в указанном описании не совсем подходит, если не устраи-

вать вторые с восточной стороны, что не вполне соответствует как рельефу, так и указанному на плане станице началом дорог на Уральск и Оренбург, которые выходят с северной стороны и показаны на схематическом чертеже (выход их саженей на 50 южнее, чем на станичном плане, т. к. станица значительно превосходит крепость по территории). В целом упомянутое описание кажется не совсем профессиональным, т. к. очень странно воспринимается фраза, что крепость была «с востранными башенками по углам». Здесь, возможно, автор пользовался только планом и увидел «востранные» шпицы бастиев? Несколько удивляет и характеристика: «довольно большой и столь же старый дом крепостного начальника», ведь дому не могло быть даже и сорока лет. Насчет «востранных башенок» можно еще добавить, что на шпицах больших бастиев могли быть будки для часовых, как, например, в Петропавловской крепости. Но

здесь бастиев были очень маленькими, помещавшими всего пару орудий; ни на одном из планов других крепостей, в т. ч. и более крупных, таких башенок нет. Башенка есть на реданте над Яиком на перекрестке Оренбурга 1760 г., подп. инж. капитаном А. И. Ригельманом. Но многого, в т. ч. и реданта, никогда не существовало (см.: *Дорофеев В. В. Перспектива Ригельмана как источник информации об Оренбурге XVIII века // Памятники истории — новые открытия, 1985. М., 1987*). Сомнение же относительно двух ворот вызвано только тем, что им полагалось бы быть в противоположных сторонах крепости. В данной ситуации, когда с востока и особенно с запада близко подходят обрывы, так что на западе в средней части куртина, где полагается быть воротам, они оказались бы очень близко от врага. Но, поскольку отклонения от правил бывали, можно допустить, что ворота находились в северной и восточной куртинах.

Последняя крепость, план которой может представлять определенный интерес, поскольку А. С. Пушкин не только проезжал ее, но и упоминал в связи с капитаном Суриным, который шел «на подмогу Рассыпной», показана на чертеже (рис. 5) согласно плану 1810 г. (ГАОУ, ф. 124, оп. 1, ед. хр. 479). Она подтверждает тип многих крепостей на линии, хотя и не прямоугольна. Короткие стороны ее немного расходятся, т. к. полностью использована крутизна оврага на юго-востоке. На северо-западе же ограда, вероятно, поставлена так, чтобы быть симметричной на плане. На чертеже литерой «А» показано вероятное место церкви, которая на оригинале не обозначена. Форштадт, который на плане показан сразу за оврагом с восточной стороны, дан здесь прерывистыми линиями и пунктиром, потому что во время Крестьянской войны его еще не было, да и на плане он показан тонкими линиями, что могло означать лишь планируемое. Здесь крепость уместилась как раз между двумя оврагами.

Фото А. Чубарова

Вдоль склона к пойме есть крепостная ограда, т. к. склон пологий, внизу старичное озеро. Яик-Урал протекает примерно в 160 саженях от южного бастиона. Судя по ширине озера, Яик здесь не протекал и во время основания крепости.

Таковыми были крепости на пути А. С. Пушкина из Оренбурга в Уральск, которые он проехал, видимо, еще за светло (в пределах около 120 км).

Хотя Рассыпную миновал, возможно, уже в темноте, потому что от Нижнеозерной, где поэт беседовал с людьми, до Рассыпной около 35 верст, и требовалось больше часа, чтобы их просесть. Если предположить, что А. С. Пушкин выехал из Оренбурга около 11 часов, ведь накануне он долго был вечером у В. И. Дала, то светлого времени оставалось немногим более шести часов (в эту пору в здешних краях долгота дня около 11 час. 40 мин.). В Уральск поэт приехал после полудня на следующий день.

Чертежи автора

Михаил Мефодьевич Чумаков родился в 1918 г. в с. Черкасси Саркыташского р-на Оренбургской обл. Окончил Оренбургский педагогический институт, работал в сельских школах. Заслуженный учитель РСФСР. Участник Великой Отечественной войны. Сейчас на пенсии, живет в Саркыташе, занимается изучением родного края (опубликовано более 300 работ краеведческого характера).

Михаил Чумаков

Красногорская крепость, ставшая Белогорской

В августе 1735 г. обер-секретарь Сената начальник Оренбургской экспедиции (впоследствии комиссия) Иван Кириллович Кирилов в устье Ори заложил город-крепость Оренбург. Затем ему предстояло основать ряд крепостей по Яику и учредить таким образом Оренбургскую военную укрепленную линию.

Прозвав о создании этой линии, бывший атаман Самарского городка Василий Федорович Арапов с разрешения Кирилова, а может, и с разрешения самого правительствующего Сената в 1737 г. в урочище Красная гора (в настоящее время здесь расположено с. Красногор Саркыташского р-на) заложил Красногорскую крепость.

Сменивший И. К. Кирилова новым начальником Оренбургской экспедиции Василий Никитич Татищев 2 июля 1738 г. отдал распоряжение о подготовке плана застройки города Оренбурга рядом с Красногорской крепостью. Наконец, в 1743 г. назначенный начальником края Иван Иванович Неплюев с разрешения Сената строительство Оренбурга перенес с Красной горы в устье Самары. Все, что было сооружено рядом с араповским поселением, стало именоваться Красногорской крепостью.

Как свидетельствует ревизская сказка, в 1740 г. в крепости проживало 86 человек: 65 мужчин-казаков, 12 женщин и 9 детей. Кроме русских, жили татарин Дементий Никитич Новокрещенов (принял православие), чуноец (финн или эстонец) Иван Васильевич Смирнов, пятеро поляков и два мордвина. Командантом крепости числился В. Ф. Арапов, командиром казаков — есаул Василий Григорьевич Жирнов.

На Красногорскую крепость много раз обрушивались невзгоды. Но особенно тяжкие испытания пришлось на 1773 г. В сборнике «Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений» (М., 1975) опубликована хранящаяся в Центральном архиве древних актов челобитная есаула татар-казаков Красногорской крепости Гумера Ермакова «Все пресветлейшему державней-

шесму великому государю третьесму императору Петру Федоровичу, т. с. Е. И. Пугачеву, выдавшему себя за царя.

Документ составлен 4 января 1774 г. В первом его пункте сообщается, что 4 октября 1773 г. «пополудни во втором часу Красногорской крепости у обывателей ворами киргиз-кайсаками, а именно, у казаков, конской табун весь без остатку, а рогатый скот весь крепости у обывателей весь же табун унесли, отчего те обыватели пришли в немалое разорение». Набежники угнали 233 лошади, 636 коров. Пострадало 110 дворов жителя крепости.

Во втором пункте челобитной читается: «Тою ж 773 году ноября 9 числа бригадир Корф в Красногорскую крепость прибыл с армиею, коими у красногорских казаков дома и со всею их пакостью ограбили, не оставили ни ничего, и наипаче означенная казаки пришли в крайнее разорение.»

В приложенной к челобитной ведомости указаны фамилии 39 домохоцев, подвергшихся ограблению, с перечислением отобранных у них животных, продуктов, денег и вещей на сумму весьма значительную по тому времени: 2525 р. 59 к. Набети кочевники из-за Яика на крепости и другие поселения по укрепленной линии происходили довольно часто, но данный по причиненному ущербу оказался самым крупным.

Отряд бригадира Корфа (2500 солдат и 22 орудия, по одним данным, по другим: 2450 солдат и 29 орудий) следовал на помощь Оренбургу, осажденному повстанцами. Остановившись в Красногорской крепости, Корф отдал ее на разграбление своим солдатам под предлогом приверженности казаков крепости к самозванцу.

Переход красногорцев на сторону повстанцев подтверждается рядом документов. Когда, вступив 2 октября в Сакмарский городок, Пугачев узнал, что здешних казаков Рейндорф перевел в Красногорскую крепость, он отправил в ее комендатуру свой «царский» указ с призывом встать на его сторону и нести ему верную службу, за что обещал всеяческие привилегии и волюности. Сакмарский казак Василий Дураков 4 октября упомянутый указ вручил коменданту Красногорской крепости капитану Борису Савину Уланову. По просьбе казаков, капитан огласил указ, и казаки склонились на

сторону Пугачева. Некоторое время их действия руководил сам атаман крепости Андрей Талин.

С тем же гонцом Уланов пересылает указ в Верхнеозерную крепость, но бригадир Корф перехватывает его. Пугачев шлет в Верхнеозерную еще одного гонца с таким же указом — табынского казака Т.А. Красильникова; в пути к нему присоединяется Красногорский казак С.С. Новокрещенов. Эти двое также оказались арестованными. Та же участь ожидала и Уланова; прибыв в Красногорскую крепость, Корф заключает его под стражу. Все арестованные до середины мая 1774 г. находились в оренбургской тюрьме, затем, по приговору секретной комиссии, Уланова, занимавшего должность коменданта крепости с 1 октября, направили на прежнее место службы во 2-й Оренбургский батальон, а Дуракова, Красильникова и Новокрещенова подвергли порке и вернули в казачью службу.

Строже обошлись с есаулом Ермаковым. В марте 1774 г. он с отрядом казаков был вызван Пугачевым из Красногорской крепости в Берду, и 22 марта участвовал в сражении под Татищевой крепостью. Взятый в плен, есаул Ермаков с партией холодинок был доставлен в Оренбург, бит плетью и разжалован в рядовые.

Детальное ознакомление с челобитной и приложенными к ней ведомостями открывает некоторые любопытные факты в истории крепости. Так, Пугачев распорядился выдать пострадавшим от киргизов и Корфа казакам месячный провиант из красногорского магазина (распоряжение, видимо, последовало во время пребывания Емельяна Ивановича в крепости в конце ноября 1773 г., когда он следовал из Верхнеозерной на помощь А. Бородину и А. Соколову-Хлопуше, пытавшимся взять ее). Но месячное пособие явно не спало: солдатам пострадавших, а потому есаул обратился к «царю» с просьбой «решение учинить» о возмещении убытков, «дабы обыватели, как служащие казаки, к службе вашего императорского величества могли б впрель пропитание с женами и з детьми иметь».

В рассматриваемых документах — более 110 фамилий красногорских «обывателей», в т.ч. и некоторых должностных лиц. Это, кроме упоминавшихся, хорунжий Юмак Тайчинов, писарь Михаила Рашкин, капиралы

Петр Драпов и Тугул Мустафин, священники Гавриил Мокеев и Дмитрий Степанов, просвирня Аграфена Анисимова и Абдрашит Ишметев (видимо, мулла), у которого солдаты забрали «атарсковы письма три книги» (в крепости на то время действовали православная церковь и татарская мечеть).

По спискам изъятых и угнанного восстанавливаются некоторые житейские подробности, — по ним видно, в частности, что казаки возделывали пшеницу (и ее разнородность поلبу), рожь, овес, ячмень, горох, просо, коноплю, некоторые овощи, разводили лошадей, коров, овец, птицу (особенно гусей), в некоторых дворах имелись пчелы; заметно имущественное неравенство: так, у самого есаула Ермакова было утано 19 лошадей и 16 коров, у казака Камидудлы Сантуклова — 15 лошадей и 20 коров, у Рафика Бикеева — 13 лошадей и 36 коров, но многие вовсе не имели лошадей, а коров — одну или две. Почти все занимались рыбной ловлей и охотой, что подтверждает перечень отобранных снастей, ружей, стрел, капканов, волчьих шкур. А вот цены, из которых сложилась сумма убытков красногорцев в 1773 г. (учтено было все: от лошади до кружки и чашки с ложкой): корова и лошадь ценились по 6 р., овца по 70 к., гусь стоил 20 к., а утка — 10 к. Цена одного пуда составляла: за пшеницу — 20 к., за муку из нее — 35 к., за помбу — 11 к., за соль — 40 к., за коровье масло — 2 р. Очень дешевым было сено (отсюда продавали за 1 р.), дороже ценились инвентарь и одежда, весьма дешев был холст: 5 к. за аршин.

Р.С. Поводом к рассказу о Красногорской крепости послужила парадоксальная ситуация, возникшая в связи со съемками в Сакмарском районе кинофильма «Русский бунт» по произведениям А.С. Пушкина

на «Капитанская дочка» и «История Пугачева». Как известно, основное действие в «Капитанской дочке» происходит в Белогорской крепости. Местом съемок избрали Красную гору (точнее, Кызыл-тау) поблизости от Саркаташа, расположенную на сакмарском, а не на уральском берегу. Рядом с горой находится дер. Татарский Саркаташ. Настоящая же Красногорская крепость находилась у другой Красной горы — на берегу Яика, в 50 км к югу от Кызыл-Тау.

Для съемок фильма построены декорации, изображающие в натуре Белогорскую крепость: ограда из частоклава, но углам — сторожевые вышки, внутри стен — дом коменданта, церковь, мельница, жилые и хозяйственные постройки. Но в действительности Белогорской крепости не существовало, и парадоксальность ситуации хорошо выражена словосочетанием «Белогорская крепость на Красной горе», прочно вошедшем в газетные статьи о съемках кинофильма. И вот возникло предположение, что если бы Пушкин, будучи в Оренбурге, проехал бы 75 верст к востоку от города, то он попал бы в реальную крепость — Красногорскую, где, безусловно, нашел бы много интересного о крестьянской войне под предводительством Пугачева. И возможно, появилась бы не «Капитанская дочка», а другая повесть — с иным названием и иным содержанием. Возможно, что В.И. Даль рассказывал поэту по дороге в Берду, что происходило при Пугачеве в Красногорской крепости, — ведь написал же сам Владимир Иванович замечательный рассказ «Осколок льду», сюжетом которого послужил эпизод из жизни в Красногорской крепости... Все было возможно, но произошло так, как позволяли складывавшиеся для А.С. Пушкина обстоятельства.

Глеб Десятков

По следам Пугачёва

Глеб Михайлович Десятков родился в Оренбурге в 1928 г. Окончил Куйбышевский индустриальный институт (факультет «Проектирование металлорежущих станков»), работал технологом цеха, конструктором, главным технологом завода и Управления машиностроения Совнархоза, преподавателем технологии машиностроения в станкостроительном техникуме. Кинооператор, журналист-краевед. Автор книг «По следам «Клада комиссара», «Операция «Юубок», «Задержать как изменника Родины», «Легенды старого Оренбурга», «Сквозь муку ада» (последняя — в соавторстве с Е. Шуваповым) и др. Работает в Центре документации новейшей истории заведующим лабораторией микрофильмирования.

В июне и июле 1990 г. Оренбургская Ученая Архивная Комиссия (ОУАК) разослала священникам и учителям Оренбургской губернии анкетные листы, прося дасть ответы на вопросы относительно наличия в их местностях курганов, а также расположения и величины их, произведенных раскопок, обнаруженных предметах и т. д. Был задан и такой вопрос: «Нет ли в народе каких-либо преданий об этих курганах и кем они были насыпаны?»

Судя по всему, священники и учителя откликнулись на просьбу ОУАК моментально (ответы пришли из 162 населенных пунктов), и уже в том же 1990 г. выпуск VI «Трудов Оренбургской Ученой Архивной Комиссии» содержит обстоятельные сведения по тысяче с лишним курганов Оренбургской губернии (или, скажем более осторожно, насыпей, имеющим вид курганов).

Не был забыт вопрос и о преданиях. Некоторые из них, имеющие отношение к Пугачеву, мы предлагаем Вашему вниманию.

12) Село Новокумляжское (Троицкого уезда, Константиновской волости):

«По здешним местам проходил Пугач, который бывал и в деревне Старокумляжской, перебил много не успевшего спрятаться народа и наставлял в разных местах курганов, скрыв в них награбленные богатства».

15) Верхне-Авзянопетровский завод (Верхнеуральского уезда): «Во время бытия в Авзяно-Петровских заводах Пугачева кто-то из приближенных его или, быть может, из жителей скрыли в описываемой местности сокровища».

18) Александровский поселок (Орского уезда, Воздвиженской станции):

Г. Десятков. По следам Пугачёва

221

«Курганы насыпаны в Пугачевский бутыл жившими в то время здесь киргизами».

19) Петропавловский поселок (Верхнеуральского уезда, Карагайской станции): «Молва несется в народе, что курганы образовались после Пугача на тех местах, где были побиты и закопаны люди».

34) Бриенский поселок (Орского уезда, Кваркенской станции):

«Курганы были насыпаны Пугачевым и на

них были его главные пикеты и посты».

Было бы любопытно повторить опыт ОУАК в наши дни, спустя ровно сто лет. Но на одних конвертах разорваться. Да и священников пока очень мало, а учителей, как вы знаете, волнуют куда более насущные проблемы. Так что помещаемый ниже очерк Г. М. Десяткова, написанный к 200-летию крестьянской войны 1773-1775 гг., но так и не опубликованный, можно рассматривать как подарок судьбы.

Летом 1972 г., в преддверии 200-летия пугачевского восстания, областной совет по туризму совместно с краеведческим музеем организовали экспедицию по местам, связанным с Крестьянской войной 1773-1775 гг. Было намечено проехать правым берегом Урала от Оренбурга до Орска с останковками во всех населенных пунктах. В состав «экспедиционного корпуса» вошли: старший научный сотрудник областного краеведческого музея Сергей Александрович Попов, поэт и журналист Пеннадий Хомутов, композитор, собиратель песенного фольклора Павел Малый, водитель автобуса, выделенного нам музеем, и я, в то время преподаватель станкостроительного техникума.

Задач перед нами стояли такие: 1) записать все, что сохранилось в людской памяти относительно Пугачева, и 2) ознакомиться с местностью и оценить возможности прокладки здесь туристского маршрута.

Честно говоря, я не надеялся, что спустя 200 лет что-то можно еще услышать, уви-

деть, обнаружить нового. Но вот первое село и первая останковка. И уже здесь, в Камениноозерном, всего в 33 км от Оренбурга, произошла многообещающая встреча. Местный старожил Дмитрий Тимофеевич Шапошников, родившийся в 1892 г., поведал нам не то быль, не то легенду:

«Был в селе такой казак — Богатырев. Службу нес как положено. Женился на казачке. Родилось у них двое детей. Но не повезло казaku — попал в плен к хивинцам. Пробыл у них 25 лет. Там и женился во второй раз — на хивинке. Но родину свою, ширь степную забыть не мог. Чует, старость не за горами, и говорит жене: «У меня в России дети остались. Повидать бы их...» Любила хивинка мужа, понимала душу его — и отпустила. Дала двух быстрых коней: на одном вода, припасы, на другом — сам Богатырев. Научила, как по звездам дорогу к

Дом у с. Татарская Каргала, где останавливался Емельян Пугачёв (снимок 1972 г.)

дому искать, какой звезды держаться. Потом говорят: «Скажи ночами, днем в камнях отсыхаясь. Воды поменьше пей, для коней береги — они заботу твою поймут, спянут от поноги. И помни там, вдалеке, про меня...» С тем и проводила мужа.

Добрался казак до родных мест. Хотел поинтересоваться перед женой, перед детьми. Только не застал их — уехали они куда-то. А тут и старость припела. Не долго прожил казак на родине...»

Рассказал Дмитрий Тимофеевич и о себе, о своей семье, — в ней в 1921 г. насчитывалось 17 душ! Жили дружно, сообща хозяйство вели...

В Каменноозерном мы впервые увидели остатки редута пугачевских времен.

Следующая остановка в совхозе «Боевой» (что с ним теперь, как «перестроился» — не ведаю). Это 40 км от Оренбурга. В те годы здесь кончался асфальт, начиналась грунтовая дорога. Справа от нее, под горой, тнутся озера.

Местная достопримечательность — ямы на южных склонах холмов, следы того, что в старину здесь добывали медную руду.

Проехали Вязовку, остановились в Островном. Побоедали в колхозной столовой. Обед из трех блюд — от 46 до 70 коп.

В Островном проживает семья Героя Советского Союза Степана Петровича Лабужского. Его имя носят школа и парк, а в Оренбурге — улица (б. Завокзальная). В юго-восточной части села — остатки земляного вала, некогда окружавшего бывшую станцию сплошным кольцом.

Пока разговариваем с председателем сельсовета о перспективах прокладки через Островное туристского маршрута, Сергей Александрович Попов знакомится со старожилем, бывшим казаком. Ивану Андреевичу есть что вспомнить. Например, что казаки начинали собирать на службу с семнадцати лет — готовили обмундирование (на это уходило от 75 до 125 руб.), строевого коня (это еще самое малое 175 руб.). Рассказал Иван Андреевич и о том, как в 1918 г. выступал на станичной сходке Александр Ильич Дутов, призывал казаков не держать камень за пазухой в эту смутную и непонятное для многих время, не бросаться ими через

плетень соседа. «Даже мы, — говорил атаман, — не можем порой разобраться, кто в этой смуте прав, а кто виноват. Вам же, станичники, на земле этой жить, потому не держите зла друг против друга! О набеге казиков на Оренбург в ночь с 3 на 4 апреля Дутов отозвался неодобрительно, сказал, что лично он был против этой акции.

Во второй половине дня выехали к Красногору. Погода стала резко проясниться. Решили съехать с трассы и быстро, пока не пошла дождь, поставить палатки. Между тем стемнело так, что на расстоянии вытянутой руки ничего не разглядишь. Воздух был столь насыщен электричеством, что волосы на голове стояли дыбом, никак не приглядишь... Едва успели поставить палатки, фуганку так, точно рядом разорвалась газовая бомба. И тут же обрушился ливень, какого мне ни до, ни после не доводилось видеть...

А утро было тихое, ясное, солнечное. Вылезли из палаток, огляделись — о Господи! Оказывается, мы разбили свой лагерь прямо на кладбище.

Красногор — одно из старейших сел области. Основано 1 июля 1741 г., — это место второй закладки блуждающего Оренбурга, перенесенного сюда из Орской крепости. Село расположено на высоком и очень крутом берегу. Здесь нам рассказали следующие:

«В этих обрывистых кручах казаки долбили убежища-пещеры. Тщательно их маскировали. В них прятались вместе с конями, наблюдая за противоположным берегом Урала, чтобы вовремя предупредить жителей о появлении хивинцев и готовящиеся набеге. Но у противника тоже имелись свои хитрости, они надували шкуру убитого барана, привязывались к ней, надевали баранью голову на свою голову и «сплавлялись» по течению, зорко выглядывая казацкие пикеты. Но казаки разгадали хитрость, стали устраивать западни...»

Позднее в этих пещерах-скорохах прятались пугачевцы.

Сейчас, конечно, от этих пещер ни след...

Проезжаем еще несколько населенных пунктов, не представляющих существенного интереса. Подъезжаем к Пирьялу (103 км от

Оренбурга). Места интересные: примерно в 4-6 км от села начинаются горы, сохранилась глубокая шахта, — когда-то здесь добывали золото, сейчас это скотомогильник.

По южной окраине села проходит большое озеро Пирьял, старина Урала, — в нем ловится сом, щука, сазан, карась.

Дорога идет по склону горы, у подножья — продолжение озера Пирьял. От рыбаков в глазах пестрит. С высоты отчетливо виден пунктир поймаков — это сети, поставленные любителями больших уловов. Но местный житель доказывает: так ставят сети крупнее «четверяка» (сети, в ячейку которых свободно проходят четыре сложенных пальца, в сущности, ладони), тот не браконьер.

Наконец, автобус подходит к Верхнеозерному (122 км от Оренбурга). Это одно из самых интересных и достопримечательных мест будущего туристского маршрута. Село расположено между двух живописных гор: Маячной и Верлюжей. С вершины последней открывается прекрасный вид на петляющий Урал и поименные луга, замстен крепостной вал со рвом, охватывающий село с северной стороны, а что если обширное поле...

Подумалось: а что если восстановить крепостные сооружения — и эти валы, и рвы, и просматривающийся артиллерийский капонир, «оформить» полусотню или сотню всадников в стальных хитинках, инсценировать набег на русскую крепость, а на Маячной горе развести, как встарь, сигнальные костры, — и все это продемонстрировать туристам? Так можно «разработать» и Верлюжью гору, и гору Кондуровку с ее пещера-

ми... Ведь это живые деньги в бюджет области! И дополнительный (а в наши времена, может статься, и единственный) заработок для местных жителей. А сколько живописнейших озер вокруг села, какие изобильные рыбы! Дело, как всегда, за малым — за человеком. Необходим человек в правительстве области, энтузиаст, способный стать locomotivом этого перспективнейшего для Оренбуржья дела: туризма.

Здесь, в Верхнеозерном, нам повезло услышать прекрасную легенду — одну из множества, связанных с пугачевскими клдами:

«По каким-то там обстоятельствам, подробности которых нам неизвестны, угопил Пугачев в одном из здешних озер клад, золото да драгоценные камни. Долго молва об этом передавалась из уст в уста, пока не нашелся молодец, что поверил молве. Стад ходил он по озерам, нырять да шарить по дну. Вот однажды вынырнул и кричит: «Есть!» Покричал — и ушел под воду. Будто его кто уташил. Сбежались люди, столкнули лодку, погребли, да уже поздно. Но нашли все-таки. Оказываются, запутались в водорослях и не смог выплыть. А в народе — новый слух, что клад тот, Емельяна набравленный, — не чист. И стережет его нечистый, губит кладоснабителя...»

Если Сергей Александрович Попов интересовался казачьим бытом, то меня волновали подробности Гражданской войны. В Верхнеозерном мы разговорились с человеком, который, как оказалось, служил в охранной соте в станице Хабарной, где размещалась дутовская контрразведка. Я спросил, известно ли ему что-нибудь о Марине Карцевой? Нет, ответил он, он такую не знает. Но видел, как из контрразведки волокли за станцию какую-то молодую большевичку. Там ее и расстреляли. Я спросил: «Почему «волокли»? Наверное, вели на расстрел?» — «И-и! — выдохнул он. — Понимашь, в контрразведке иди дшраниями... Ну, и ноги ее были перебиты!» Так в одном месте сошлись жестокость и крестьянская и гражданская война...

В селе Никольском нам довелось еще раз услышать о пугачевском кладе. Километрах в шести от села есть гора, прозываемая «Емелька-Тау» — Емельянина гора. Как гласит легенда, на том месте Пугачев и зарыл клад. А чтобы спрятать его понадежнее, приказал

своему войску, чтобы каждый, проходя мимо, высыпал по шанке земли. Так возникла эта гора, Емелья-Тау.

Богато историей и село Ильинка, которому в 1972 г. исполнилось 230 лет. Здесь был Пугачев, что описано Шниковым. Здесь проежал Жуковский. Здесь родина другого писателя — Павла Федорова, автора романа «Синий Шихан». Здесь в церкви служил священником отец Лидии Сейфуллиной — Николай...

Вот вкратце о том, что встретилось нам по дороге Оренбург — Орск. И если б можно было по этому маршруту проложить туристскую тропу, много интересного узнали бы люди о нашем крае!

Л. В. Соколов. 1786 г.

Владимир Геннадьевич Семенов родился в 1960 г. в с. Старая Теплока Бузулукского р-на Оренбургской обл., учился в Верхне-Вязовской средней школе, служил в армии. Окончил исторический факультет Оренбургского педагогического института (с красным дипломом), работал в сельской школе (Сакмарский р-н). В настоящее время — старший преподаватель кафедры истории Отечества и социально-политических теорий ОПТУ, преподаватель военного краеведения в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе. Один из инициаторов возрождения Оренбургского казачьего войска, автор многоочередных публикаций по военной истории края и оренбургского казачества. Постоянный автор альманаха «Истинный Двор». Для этого выпуска разыскал и подготовил все материалы к рубрике «Документы без комментариев».

Владимир Семёнов

«Я по молодым моим летам...»

Л. В. Соколов и В. И. Даль

В книге дореволюционного оренбургского историка Н. Н. Модестова «В. И. Даль в Оренбурге» упомянут отец жены В. И. Даля — герой Отечественной войны 1812 года Л. В. Соколов. Захотелось узнать о нем поближе. И вот, готовя материал для «Вечернего Оренбурга» об известном архитекторе и хранителе памятников русского зодчества Льве Владимировиче Дале, мне повезло обнаружить дела, которые рассказывают о жизни нашего земляка-героя Л. В. Соколова.

Итак, Лев Васильевич Соколов родился в 1788 г. в Оренбургской губернии, в пятнадцать лет вступил конюхом в Оренбургский драгунский полк, в 1806 г. произведен в прапорщики, еще через год — в подпоручики.

В июне 1812 г. вместе со своим полком Соколов находится у г. Десна, в начале следующего месяца направляется с 45 драгунами для прикрытия 11-го егерского пехотного полка, а оттуда — в отряд начальника штаба 6-го корпуса полковника Монахтина. Русская армия в то время отступала, ей приходилось уничтожать свои склады, чтобы они не достались противнику, и одно из первых боевых заданий, которое получает Соколов, было уничтожение магазинов (военных складов) по обеим сторонам реки Двины.

15 июля Соколов, уже поручик, участвует в сражении при местечке Бишенковичи у г. Витебска. 18 июля командиром арьергарда генералом Шенцем он командирован с 20 драгунами и 10 донскими казаками для разведки неприятельских сил. Передевшись в крестьянское платье, Соколов пробрался в неприятельский лагерь у села Гусино, где в это время проводился смотр корпусу; возвратившись в свой небольшой отряд, который ожидал его в лесу, атаковал охранный пост французов. В бою были взяты в плен офицер и 13 солдат. Главнокомандующий русской армией Барклай-де-Толли отметил действия Льва Васильевича чином штаб-ротмистра.

Затем последовали бои под Смоленском (5-6 августа), у Колоцкого монастыря (23 августа) и, наконец, при Бородине (24-26 августа). Вот что сообщает в одном из рапортов об этом сражении генерал Корф: «26 августа Г. М. Дорохов, командовавший кавалерией, состоящей из нескольких полков, нашел, что неприятельская кавалерия в превосходстве начинает окружать нашу пехоту и батареи (Равского — В. С.). Выстроясь немедленно, ударил он поспешно с Оренбургским драгунским полком в середину, а с Мариупольским гусарским и Курляндским драгунскими полками во фланг неприятельской кавалерии, которая быстротой сей атаки была опрокинута и прогнана до самых их батарей».

В этом бою командир 3-го корпуса генерал Дорохов был ранен шесть раз, под ним убиты две лошади. Сабельные ранения получили командир Оренбургского драгунского полка генерал-майор Степан Васильевич Дятков, Л. В. Соколов (в правое и левое плечо) и др.

За это сражение штаб-ротмистр Соколов был награжден золотой саблей с надписью «За храбрость».

После непродолжительного лечения Соколов вновь возвращается в Оренбургский полк (называющийся уже не драгунским, а уланским) и участвует в заграничном походе русской армии (1813-1814 гг.). Его путь — блокада Гамбурга, осада Модлинской крепости (Польша) и снова Гамбург.

В 1814 г. Оренбургский уланский полк возвратился в Россию и был размещен в г. Торжке Тверской губернии. Здесь ротмистр Соколов (им он стал в 1816 г.) встретил свою будущую супругу княжну Анну Александровну Пугатину. 24 января 1817 г. в с. Збосежа Роневского уезда Тверской губернии в церкви Св. Великомученика Никиты их обвенчал полковой священник Василий Кузнецов.

Раны, полученные в Бородинском сражении, давали о себе знать, и в октябре 1817 г. Лев Соколов вынужден был выйти в отставку — «с мундиром и пенсией».

В одном из дел сохранилось любопытное свидетельство однополчанина Л. В. Соколова: «Мы, нижеподписавшиеся Оренбургского Уланского полка штаб и обер-офицеры дали

сие г. ротмистру и кавалеру Соколову в том, что он, служа с нами, всегда отличным своим поведением, ревностною службою и храбростью в сражениях бывших в прошедшую кампанию, где два раза и ранен был, обратил на себя не только внимание начальства, но и своих товарищей, ныне, к сожалению нашему, по случаю болезни его не может более продолжить службы Его Императорского Величества. Посему, желая ему отдать во всем полную справедливость и свидетельству сим подписали штаб-квартира полка Тверской губернии в городе Торжке 8 сентября 1817 года». Далее следует подпись 36 офицеров полка.

По выходе в отставку майор Соколов с супругой возвращается в Оренбург и вскоре обращается к губернатору Эссену. «Излекаясь от большой боли чувствуемой до того от полученных ран, в сражении противу неприятеля, я по молодым моим летам и по усердию к отечеству имею желание пройти еще службу по гражданской части, к которой нахожу себя способным...»

Прошения была удовлетворена, и в апреле 1819 г. Л. В. Соколов назначается земским исправником в Троицк, а через 16 месяцев в той же должности переводится в Белобей. Во время своей новой службы Л. В. Соколов был награжден орденом Св. Анны III ст. «За исправное устройство почтовых домов по Троицкому уезду и поспешное взыскание казенных повинностей».

При посещении в 1824 г. Оренбурга, император Александр I обратил внимание на израненного воина и распорядился, чтобы первенец (т. е. первый ребенок) героя Бородине получил образование на казенный счет, и когда в 1829 г. в Санкт-Петербурге был открыт Патриотический институт (позже переименованный в Смольный), в него зачислили старшую дочь Льва Васильевича Екатерину (1818 г. р.), вторую дочь Наталью (1820 г. р.) определили в число кандидатов на поступление в него.

С сентября 1825 г. по февраль 1830 г. Лев В. Соколов — оренбургский полицеймейстер. В архивных делах канцелярии оренбургского военного губернатора сохранилось несколько донесений Л. В. Соколова, в которых он сообщает, что «уволненный за прикосновение к делам о злоумышленном обществе» и пребывающий у своего отца, командира 26-й пе-

хотной дивизии генерал-лейтенанта Аполлона Степановича Жемчужникова (1764-1840) капитан Антон Аполлонович Жемчужников «ведет себя скромно, не подавая ни малейшего повода к замечаниям в его поступках чего-либо неблагоприятного».

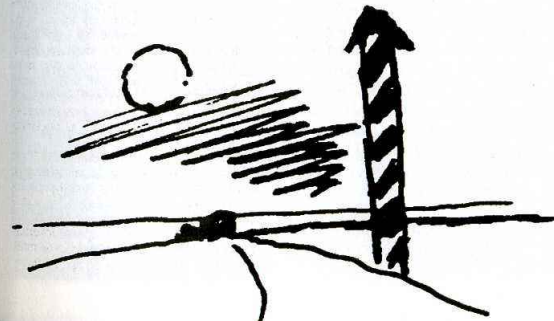
В конце 30-х гг. у Л. В. Соколова под левой руки (скорее всего, левой) у самой кисти образовалась опухоль, доставлявшая ему немислимые страдания, но местные врачи отказывались ее ампутировать. И тогда Анна Александровна, его супруга, обратилась за помощью к В. И. Далю. В. И. Даль в тот же день осмотрел Соколова и согласился не-

смотря на то, что уже давно не имел хирургической практики.

После операции Л. В. Соколов решил отблагодарить своего спасителя и отослал Далю любимого чистокровного жеребца. Однако Даль отказался от подарка, т. к. презирал врачей, обирающих больных.

Через несколько лет храброго майора не стало (он умер от скоротечной чахотки), а 12 июля 1840 г. в с. Никольском Оренбургского уезда его дочь Екатерина вышла замуж за Владимира Ивановича Дала.

Так породнились две известные в Оренбурге фамилии: Соколова и Дала.

О состоянии градеких полицейских команд и пожарной части в 1833 и 1834 годах

Градекие полиции находятся в городах Уфе и Оренбурге под начальством полицеймейстеров. Каждая из них состоит из трех частных приставов, трех квартальных надзирателей и одного писемоводителя с необходимыми числом писцов.

В прочих 10-ти городах Оренбургской губернии градекие полиции состоят из городничего и при нем писемоводителя и писца.

Полицейские пожарные команды состоят в городах: 1-я в Уфе из 1-го бригадмейстера, 2-х полицейских и 95-и человек нижних чинов, отчисленных из военного в гражданское ведомство. Продовольствие и содержание этой команды и пожарных лошадей производится из городских доходов; и 2-я в г. Оренбурге из 1-го бригадмейстера, 2-х полицейских ему и 18 человек нижних чинов, отчисленных из батальонов отдельного Оренбургского корпуса. Продовольствие и содержание этой команды производится на том же основании, что и Уфимское. В других городах полицейские команды состоят из казаков Оренбургского казачьего войска, а пожарные из самих жителей, обрядных дворян на пожары. Пожарные инструменты и лошади Уфимской градекой полиции находятся в хорошем состоянии, и в Оренбургской хотя и в исправности, но по пространству города весьма недостаточны.

Судьба пушкиниста

В 1983 г., когда в Оренбурге и Уральске проходила Пушкинская конференция (отмечалось 150-летие со времени поездки Пушкина в Оренбургский край), один из участников ее, сотрудник Пушкинского Дома В. Э. Вацура, предложил установить мемориальную доску в память о более чем десятилетнем и не совсем добровольном пребывании в Оренбурге (с 1941 г. по 1953 г.) известного пушкиниста Н. В. Измайлова; но тогда, видимо, время для этого еще не пришло. Во всяком случае, ректор нашего пединститута в те годы от такого предложения отказался.

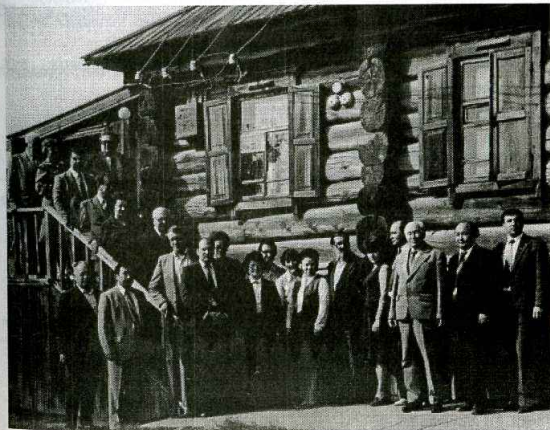
Спустя 15 лет, на одном из заседаний оренбургского Пушкинского общества, после прослушанных об Измайлове воспоминаний В. А. Крутильной и Г. П. Матвеевской, было решено обратиться с просьбой об установлении мемориальной доски на здании пединститута, где работал Н. В. Измайлов,

к ректору В. М. Болодуруну и мэру Оренбурга Г. П. Донковицеву. Попутно членами Пушкинского общества изучались архивные документы об Измайлове, а директорам музея истории города Р. П. Чубаровой был сделан запрос в ФСБ. Ответ воспроизводится.

Мемориальная доска, отмечающая годы пребывания Н. В. Измайлова в Оренбурге, в настоящее время готовится и будет установлена к 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина.

Е. Г. Вертоусова,
А. Г. Прокофьева

Участники конференции, посвященной 150-летию пребывания А. С. Пушкина в Оренбургском крае. Уральские музей Е. Н. Пугачёва. 1983 г. Пятая справа — А. Г. Прокофьева, слева от неё (с бордов) — В. Э. Вацура, справа — П. И. Фоклин. Крайний слева (на крыльце) — Ф. Я. Прийма

Береги честь смолоду!

О Всероссийском литературном конкурсе «Капитанская дочка»

В сентябре 1995 г. в Оренбурге проходили Дни русской духовности и культуры «Сияние России», посвященные столетию со дня рождения великого поэта Сергея Есенина. И вот, уже на закрытии праздника, в неформальной, как сейчас говорят, обстановке, два руководителя — глава администрации Оренбургской области В. В. Елагин и председатель правления Союза писателей России, главный редактор журнала «Роман-газета» В. Н. Ганичев — решили заглянуть в будущее: а что дальше, что впереди? А впереди — 200-летие главного поэта России Александра Сергеевича Пушкина. И кому, как не нам, оренбуржцам, благодарно ему за «Капитанскую дочку», за «Историю Пугачевского бунта», первыми встать на вахту памяти и начать подготовку к юбилею? Тут же были набросаны пункты основного Положения будущего конкурса, придумано название («Капитанская дочка»), решено: конкурс будет Всероссийский и постоянно действующий.

С того дня прошло уже более трех лет. Но, несмотря на то, что в России сейчас существует около десяти литературных премий, учрежденных Союзом писателей РФ совместно с администрациями областей: им. Ив. Бунина, им. А. Фатьянова, им. Ф. Потемина, им. В. Федорова и т. д., — оренбургская «Капитанская дочка» не меркнет на этом фоне, потому что у нее — самый благородный девиз: «Береги честь смолоду!» И еще потому, что в ней две номинации: «взрослая» и «детская». По первой, «взрослой», номинации присуждаются две премии — одна российскому писателю, другая — писателю из Оренбурга; во второй, «детской», — три: за

стихи и прозу за сочинения, за краеведческие и исследовательские работы.

За эти годы лауреатами нашей премии стали русские писатели Леонид Бородин (повесть «Царица смуты», Москва), Петр Краснов (сборник повестей и рассказов «Поденьки ночи», Оренбург), Владислав Бакревский (роман «Тихийший», Симферополь), Наталья Кожевникова (книга стихов «Другое время», Бузулук), Иван Уханов (документальное повествование из серии «Жизнь замечательных людей» — «Рычков», Москва), Игорь Бехтерев (книга лирики «Городской подснежник», Оренбург).

По второй номинации первыми лауреатами стали молодые поэты и прозаики, воспитанники школы русской словесности Оренбургского городского центра творчества детей и молодежи Елена Трапезникова (подборка стихов из книги «Расцветают сады»), Ольга Мялова (книга стихов «Черные звезды»), а в 1998 г. Денис Насеве (фантастический рассказ «Холодный северный ветер», Оренбург), Наталья Аязкова (историко-бытовой очерк «О чем поведал старинный особняк», Бузулук), Виктория Шпесивцева (литературоведческое эссе «Старинные люди...», Ясный).

Одну из работ, получивших премию в 1997 г., мы сегодня публикуем — вместе с отзывам на нее члена жюри П. Н. Краснова.

Г. Хоумтов,
руководитель областного
литературного объединения
им. В. И. Даля,
член жюри Всероссийского
литературного конкурса
«Капитанская дочка»

Алеша у памятника «Казакам, погибшим за Россию». Вечная им память...

Алексей Поветкин,
ученик 7 «А» класса гимназии № 1,
город Новотроицк, Оренбургская область

История Отечества — в истории семьи

Историографическая работа

...История предков всегда любопытна
для того, кто достоин иметь Отечество.
Н. М. Карамзин

Собирая материал по «Истории своей семьи», я узнал для себя очень много интересного и полезного из жизни своих прадедов. Мне удалось (конечно, не без участия моих родителей) проследить и показать в своей работе жизнь моего разветвленного рода на широком — в два столетия — историческом поле.

В подборе материала большую помощь мне оказали и здравствующие ныне дедушки и бабушки по отцовской и материнской линиям.

Семья моя, как дерево, корнями уходит в глубину времени, в войны, переселения, урожайные и голодные лихолетья и намертво переплетается с историей РОССИИ...

ПО МАТЕРИНСКОЙ ЛИНИИ

Из истории: «...закон 1801 года разрешал купцам, помещикам и государственным крестьянам покупать ненаселенные земли.»

Так получилось, что мои прадеды по материнской линии были казаками. Они жили в казачьей станице Студенцы (ныне на территории Саркатынского р-на Оренбургской обл.).

От Оренбурга до Студенцов 60 км, а от Студенцов до станицы (станции) Черный Отрог — всего 13 км.

Село Студенцы основано в 1808 г. в царствование Александра I государственными крестьянами — переселенцами с Подмосковья из села Студенцы. В честь подмосковного села было названо новое, уральское село Студенцы.

А бурная речушка, питающаяся подземными водами и впадающая в реку Сакмару, была названа Студеной. Место, которое выбрали переселенцы, было очень красивое: большое озеро, лес, студеная река... Сначала село было

Чиков Осип Данилович. 1920 г.
Китай, куда прадед отступал с белоказаками

небольшое, а в 1826-1832 гг. разрослось за счет массового переселения крестьян с тамбовской губернии и в 1860 г. насчитывало уже 104 дома! Моей прапрапрабабушке Феоне было всего 6 лет, когда она вместе с родителями, проделав длинный и нелегкий путь, приехала на лошадях с повозками на новые земли. У моей прапрапрабабушки Феоны и моего прапрапрадедушки Ивана была дочь Евдокия, которая впоследствии вышла замуж за Чикова Данилу Александровича.

РОД ЧИКОВЫХ

У прапрадедов моих Чиковых Дании Александровича и Евдокии Ивановны было шестеро детей: Осип (мой прадед), Александр, Семен, Андрей, Анна, Прасковья.

В 1843 г. поселенцы с Студенци бунтовали против насильного зачисления в казачество. Но именно с этого времени село было переименовано в казачью станицу «Студенца», а все население зачислено в казачество. Именно с этого времени поселенцы стали «служивыми людьми», они должны были верно и преданно служить царю и Отечеству.

Мой прадед, Чиков Осип Данилович, ро-

дился в 1887 г. К этому времени в станице уже была школа, построенная в 1860 г., и церковь — с 1864 г. Церковь в Студенцах возвышалась на самом высоком месте, издали виднелся ее купол в кроне деревьев. Станичники все были верующими, православными. А все дети, уча в школе, получали начальное образование. Очень уважительно относились к учителям, почитали их, низко им кланялись за полученное образование.

В 1907 г. Осип Данилович был обвенчан с шестнадцатилетней Воропаевой Прасковией Михайловной. Прасковья родилась в 1891 г., рано лишилась родителей (умерли от брюшного тифа). На их свадьбе присутствовала и прапрапрабабушка Феона. Было ей уже в ту пору 105 лет, и она здравствовала!

У прадедов Осипа и Прасковьи было семь детей: Федор, Василий, Матвей, Евдокия, Валентина, Виктор (мой дед). Четверо из них умерли в детстве (кто от болезней, кто от голода), а Евдокия умерла 22-летней от менингита, осиротив 3-летнюю дочку Зиночку, которая через три месяца после смерти матери, утонула в реке Студеной. Было это в 1935 г. можно только предположить, что пришлось пережить прадедам моим: Прасковье Михайловне и Осипу Даниловичу. Не дай Бог никому хоронить детей своих.

Голод, брюшной тиф 1921 г. покосил чуть ли не 1/3 часть станичников! От брюшного тифа умер подающий большие надежды в образовании 12-летний сын Прасковьи Михайловны — Василий... Скольким же выпало тяжелых испытаний на хрупкие женские плечи! Первая мировая война, гражданская, голод, разлука, болезни, а после и Вторая мировая 1941 г.

Осип Данилович (слева),
двоюродная сестра с семьей (справа). 1912 г.

Справа стоит Чиков Осип Данилович,
сидит Воропаева Тимофеевна Михайловна,
родной брат жены Осипа Даниловича

В лихолетья не было сил хоронить умерших, их хоронили в общую братскую могилу...

Мой прадед, Осип Данилович, был участником Первой мировой войны 1914 г., участником гражданской войны. За участие в Первой мировой войне дед Осип был награжден боевыми наградами. А в гражданскую воевал то за белых, то за красных. Он никак не мог понять эту братоубийственную войну. Поэтому старался стрелять больше в воздух.

В 1920 г. вместе с белоказаками Осип Данилович Чиков отступил в Китай. Есть фотография, на которой Осип Данилович запечатлен в Китае, в руке он держит именные серебряные часы — награду за боевые заслуги.

Мой дед, Чиков Виктор Осипович, родился в ст-це Студенцы в 1930 г., 12-летним лишился отца — Осипа Даниловича, скоростежко скончавшегося от кровозлияния в мозг.

Шла война... Прасковье Михайловне не под силу было одной прокормить двоих детей, и она выходит замуж за эвакуированного в их село мастера сапожных дел Соловье-

ва А. П. Он чинил обувь, подшивал валенки, за это ему платили, чем могли: хлебом, зерном, молоком, деньгами, — тем и кормились.

В 1943 г. вся семья Чиковых переехала на местожительство в г. Оренбург. Здесь, в Оренбурге, мой дедушка Виктор Осипович учился, работал, а в 1954 г. познакомился с моей бабушкой Ивановой Валентиной Федоровной, которая тоже родилась и выросла в ст-це Студенцы. В 1954 г. они поженились.

РОД ИВАНОВЫХ

Мой прапрадед Иванов Александр Николаевич и прапрабабушка Иванова Мария Корниловна, рожденные в ст-це Студенцы, умерли совсем молодыми от брюшного тифа, оставив сиротами 6 детей: Григория, Сергея, Елену, Фруно, Федора (моего прадеда) и Степана.

В ту пору Федору было всего 6 лет, а Степану всего 4 года. Сначала они жили «в работниках» у дальнего родственника, а потом их к себе забрала старшая сестра Елена, вышедшая к тому времени замуж за Мамонтова Михаила.

Чиков Семён Данилович,
родной брат Осипа Даниловича. 1919 г.

Справа сидит прадед Иванов Федор Александрович, стоит прабабушка Александра Ивановна (в девичестве Путинцева), у ног прадеда — их двухлетний сын Саша. 1930 г.

Старший брат Федора Александровича, Григорий, учился очень успешно, получил высшее военное образование, служил в Дутовской армии в чине полковника.

Младший брат, Степан, погиб в Великой Отечественной войне. Средний брат, Сергей, воевал в гражданскую войну в чине есаула, погиб в бою под Уфой.

Мой прадед, Иванов Федор Александрович, родился 28 февраля 1906 г. В гражданскую войну помогал в боях казакам: подвозил снаряды, патроны. В Великую Отечественную воевал, а под Сталинградом в бою был тяжело ранен (придавлен убитой лошадей) и попал в плен. В 1943 г. моя бабушка получила на него похоронку, от горя и болезни ослепла и сама чуть не умерла. А дед Федор перенес все тяготы плена и в 1945 г. в декабре вернулся в родную станицу. Он вместе с другими освобожденными пленными гнал скот из Германии.

Федор Александрович очень любил лошадей. Да и какой казак без лошадей? Неоднократно на соревнованиях по скачкам на лошадях прадед Федор завоевывал первые места в г. Оренбурге. После войны работал в станице законной фермой, ветеринаром, лечил животных.

В 1926 г. Иванов Федор Александрович был обвенчан с Путинцева Александрой Ивановной. У них родилось 4 детей: Александр, Валентина (моя бабушка), Аня и Сергей (умер в младенчестве).

РОД ПУТИНЦЕВЫХ

Прапрадед Иван Александрович был женат на Пелагее Ивановне, у них было 6 де-

тей: Марфа, Прасковья, Евдокия, Александра (моя прабабушка), Василий и Александр. Пелагея Ивановна умерла в возрасте 35 лет от скоротечной чахотки.

Иван Александрович женился во второй раз — на Елизавете Михайловне, которая полностью заменила осиротевшим детям родную мать, — она была очень доброй, ласковой, любящей детей своих. У нее был собственный родной сын Михаил, который умер в 1921 г., и от брака с Путинцева Иваном Александровичем — сын Николай.

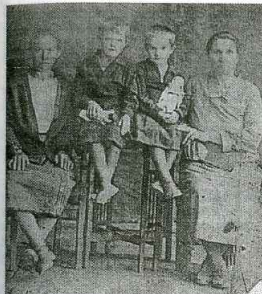
Прапрадед Иван Александрович был очень музыкален, играл на гармонии, хорошо пел и танцевал. Был умен, грамотен. Сын его, Александр, в июне 1941 г. закончил Куйбышевское военно-пехотное училище и, прислав телеграмму: «Еду на фронт», в звании офицера, 22 июня 1941 г. был отправлен на передовую, где и погиб. Василий Иванович прошел всю войну, имел боевые награды.

Ну, а на плечи моей прабабушки, Александры Ивановны, легли все тяжести фронтового тала.

Мужскую работу и в поле, и в доме, и по хозяйству выполняли женские и детские руки. Бабушке Валентине Федоровне было 11 лет, а она помогала по хозяйству как взрослая: доила корову, вязала платки, работала в поле. К тому времени все женщины ст-цы Студенцы состояли в пухартели г. Оренбурга — вязали платки. А на фронт вязали и отправляли теплые вещи: носки, варежки, шарфы.

Моя бабушка, Иванова Валентина Федоровна, с отличием заканчивала сельскую школу, затем продолжает учебу в пед. техникуме г. Оренбурга, затем в институте на лит-

Путинцевы. Слева направо: прабабушка Елизавета Михайловна, Александр, прапрадед Иван Александрович, Николай

Слева направо: прабабушка Иванова Александра Ивановна, Валя (бабушка моя), Аня, Елизавета Михайловна. 1937 г.

факе. Работая уже в сельской школе учительницей, знакомится с моим дедушкой Чиковым Виктором Осиповичем в 1954 г. и выходит за него замуж. У них рождаются две дочери: Лилия (моя мама) и Елена. В 1957 г. они всей семьей переезжают в г. Новотроицк. Бабушка работает учителем в школе, а дедушка на цемзаводе, сначала электросварщиком, затем парторгом, начальником снабжения, зам. директора. Сейчас оба на пенсии.

В 1977 г. мама мой выходит замуж за Поветкина Михаила Анатольевича.

ПО ОЦТОВСКОЙ ЛИНИИ

В начале XIX в., недалеко от речки Губерля, за селом Белшапка, на берегу речки Б. Кагла, между Уральских гор, образовалось поселение Обьедков. Названо так оно было в честь основателя: Обьедкова.

Обьедковы занимались земледелием, животноводством. И стар и млад работали с утра до темна не покладая рук. Кроме земледелия и животноводства, Обьедковы вяляли валенки, дубили кожи, шили полушубки. В 50-е гг. XIX в. у Обьедковых было большое хозяйство, своя мельница, большая (по тем временам) каменный дом с многочисленными пристройками (сараями) для зерна, скота, с русской баней и летней кухни. В 1837-1841 гг. царь Николай Павлович

ввел реформу управления государственными крестьянами, по которой крестьяне переселились из густонаселенных районов в малонаселенные, где их наделяли землей. В эти годы на Урал, на новые земли, приехали мои прапрадеды Поветкин Михаил Иванович и Дарья Федоровна с сыновьями с Поволжья, с Саратовской губернии Путачевского района и обосновались в поселке Обьедково.

Позже село было переименовано в с. Воскресенка. Семья была очень бедная: одна пара сапог на всех. И единственная дорожка в доме — гармонь в переднем углу на видном месте под иконой — говорила о музыкальных способностях хозяев.

В 1880 г. Поветкин Василий Михайлович женился на Василисе Акимовне. У них было 7 детей: Михаил, Василий, Иван (мой прадед), Аким, Зинаида, Дарья, Мария.

Прапрадед Василий Михайлович был самоподъемом, знал астрономию, день и час, когда пора было сеять зерно, когда убирать его. Был грамотен, учил грамоте своих детей. Семья была религиозна. Василий Михайлович, кроме основного крестьянского труда, читал молитвы в церкви над усопшими.

Прадед Иван Васильевич родился в 1882 г. В 1901 г. был обвенчан с Обьедковой Аниной Осиповной, 1882 г. рождения. От этого брака родилось 12 детей: Анастасия (умерла младенцем), Екатерина (1903 г.р.), Анастасия, Вера (умерла младенцем), Федор, Надежда, Зоя, Вера, Любовь, Николай, Михаил, Анатолий (мой дед). Род Поветкиных и род Обьедковых породнились. У них был большой по тем временам каменный дом, который до сих пор стоит на старом месте в центре с. Воскресенка. Поветкины жили зажиточно, все от

Поветкины. Слева направо (сидят): Василиса и Василий, мой прапрадеды. 1914 г.

В центре — прадед Поветкин Иван Васильевич, справа стоит его брат Аким. Тифлис, 1901 г.

мала до велика работали с утра до темна: пахали, сеяли, вяляли валенки, дубили кожи, шили полушубки и шубы, молотили на мельнице зерно. Напротив дома Поветкиных, через дорогу, стояла церковь, за церковью подальше — гумны, а за гумнами простирался поля, на которых сеяли пшеницу, лен, подсолнухи, сажали бахчи. За покупками ездили в г. Орск на ярмарку, многие дети Воскресенки учились в г. Орске, поэтому Воскресенка считалась культурной деревней, жители ее одевались в большинстве по-городскому.

У прадедов Ивана Васильевича и Анны Осиповны сначала рождались одни девочки, и прадед Иван очень горевал, а Анна Осиповна его успокаивала: «Ничего, отец, мы и девочкам научим садить на лошадах». И научили. По воспоминаниям сестры моего дедушки, Зои Ивановны (1913 г. рождения), дети Поветкиных начинали работать с 4-5 лет, очень рано вставали, скакали на лошадах в повозке затемно в поле полоть пшеницу, лен, бахчи, подсолнухи. Их поля выделялись чистотой и урожайностью, а люди говорили, что Иван Васильевич слово какое-то знает. Зоя Ивановна рассказывала, что мама детям руки сметаной мазала, чтобы не так болели от осадин и царапин.

В годы коллективизации Поветкины были раскулачены, и в 1933 г. голодный год, уехали жить в Киргизию. На Урал вернулись толь-

ко в 1937 г. и поселились в п. Аккермановка. В гражданскую войну воевал только брат Ивана Васильевича — Василий, который погиб в 1920 г.

В Великую Отечественную из рода Поветкиных воевали: Николай Васильевич, Федор Иванович и Михаил Иванович. Смертью храбрых погибли двое: Николай и Михаил Поветкины. Михаилу было всего 18 лет...

В п. Аккермановка у средней школы № 2 стоит небольшой памятник землякам, сражавшимся и погибшим в Великой Отечественной. На памятнике выгравировано имя и моего родственника: Поветкина Михаила Ивановича. Моего папу называли в честь него Михаилом.

Прадед Иван Васильевич вместе с родным братом Акимом служили в Тифлисе, ухаживали за генеральскими лошадьми. Есть фотография, где они запечатлены во время службы в Тифлисе в 1900 г.

Мой дедушка, Поветкин Анатолий Иванович, в Великую Отечественную 16-летним встал у станка и помогал в изготовлении снарядов для фронта. После войны продолжал работать в мехцехе Аккермановского рудника — сначала токарем, а позже начальником цеха. В 1948 г. он женился на Кузнецовой Ирине Михайловне, потомственной уральской казачке. У них рождаются 2 детей: Наталья и Михаил (мой отец).

РОД КУЗНЕЦОВЫХ

Мои предки по бабушкиной линии, Кузнецовы, жили в п. Хабаровское с 1742 г. с момента его основания как военного укрепления.

В центре сидит Анна Осиповна (в девичестве Обедкова) и Иван Васильевич Поветкины, между ними в первом ряду сидит мой дедушка Анатолий Иванович. Первым слева стоит Михаил, погибший в 1941 г. восемнадцатилетним...

Прадед Кузнецов Михаил Павлович, потомственный казак, родился в 1909 г. Его родителей звали Павел Иванович и Пелагея Федоровна.

В п. Хабаровское в гражданскую войну проходил жестокие бои белоказакос с красноармейцами.

Недалеко от п.Хабарного установлен памятник М. Карсцего, погибшей от рук белоказакос в 1918 г.

Родственники моей бабушки, Ирины Михайловны, по материнской линии — А. Лямзин и А. Фальков были убиты в 1929 г. в п. Хабаровское жандармскими казаками, противниками советской власти. Комсомольцами А. Лямзину и А. Фалькову в п. Хабаровское установлены памятники.

О героях Первой мировой войны, гражданской, Великой Отечественной интересно рассказывала моя прапрабабушка Кузнецова Пелагея Федоровна. Когда она была жива, послушать ее рассказы о бывлом было много желающих. К ней приходили послушать и записали ее рассказы и дети, и взрослые: учителя, работники музеев, различных клубов, библиотек.

Мамой моей, будучи пионеркой, вместе с отрядом ребят тоже один раз была в гостях у Пелагеи Федоровны в Хабаровском. Мне запомнился небольшой домик с соломенной крышей, а на крыльце — хозяйка дома, сухонькая старушка, Пелагея Федоровна, свидетельница событий минувших лет, интересная рассказчица с ясной и прекрасной памятью.

А еще Пелагея Федоровна вскормила грудью одновременно дочку свою Надю и внучку Иру (мою бабушку). Ирина Михайловна родилась в 1930 г. в семье Кузнецовых Михаила Павловича и Марии Васильевны (в девичестве Яковлевны, 1912 г. рождения). Вскоре после родов Мария умирает от скоротечной чахотки в возрасте 18 лет, осиротив ребенка. На счастье, мать ее, Пелагея Федоровна, родит тоже девочку, забирает внучку Ирину к себе и становится ей еще и матерью.

Так одногодки — тетя Надя и племянница Ира — росли вместе и сидели в школе за одной партой.

В 1936 г. Михаил Павлович (мой прадед) женится во второй раз и живет с семьей в п. Аккермановка, работает начальником пожарной охраны. В 1948 г. Кузнецова И. М.

выходит замуж за Поветкина Анатолия Ивановича. Она долгие годы работала в средней школе № 2 п. Аккермановка учителем кройки и шитья. Сейчас на пенсии.

Заслуга всего рода моего в том, что не растеряли память о прошлом, бывавшего у нас подчас под запретом. Нельзя забывать тех, кто жил и страдал, радовался и пел, кто остался в наследство если не дом, то хотя бы черты лица, манеру улыбаться и смеяться, любить нашу Многострадальную Родину!

Надо вспоминать прадедов почаще, переживать их жизнь заново. Потому, что это же наша общая жизнь. Неделимая. Такая хрупкая и такая вечная.

*«Россия, Русь — куда я ни взгляну.
За все твои страдания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы,
Люблю твои избушки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шепот ив у мутной воды
Люблю навек, до вечного покоя...»*

Н. Рубцов

В центре: прапрабабушка Анастасия Яковлевна. Слева направо: Настя, Мария (моя прабабушка) и Лидия. 1916 г.

О работе Алёши Поветкина

Жизнь своего разветвленного рода пока-
зана Алёшей Поветкиным на широком — в
два века шириной! — историческом поле, да
иначе это и невозможно: род, как расте-
ние корнями, уходит в черепололицу вре-
мен, в войны, переселения, в голодные и уро-
жайные годы, в стихию земного бытия и
намертво связан с этой исторической поч-
вой, — так, что является частью ее. Соб-
ственно, это переплетение корней велико-
го множества родов и создают самую по-
чву, нашу историю как таковую. И не зря в
самом начале работы дается авторам,
пусть с подсказки взрослых, этот двухве-
ковой фон, задник огромной сцены, на ко-
торой разворачивается жизнеутверждаю-
щая драма рода Чиковых, Ивановых, Пу-
тинцевых, Поветкиных.

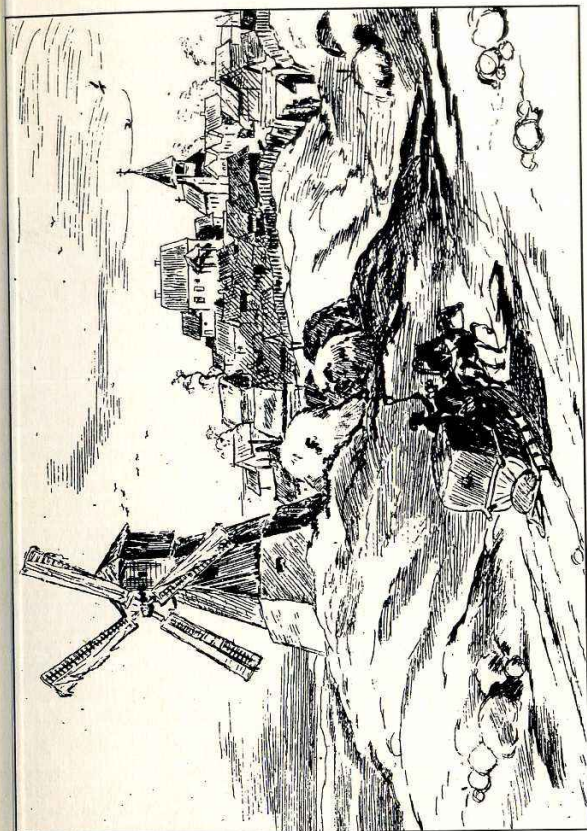
Картина эта в наше время — нечастая:
мало кто помнит дальние своих прадедов,
вроде как и не принято ныне это — по-
мнить, забвение как бы узаконено нашим
малодушием, давно уж перешедшим в рав-
нодушие. И заслуга Алёши Поветкина со-
стоит прежде всего в заслуге родителей
его, предков вообще, сохранивших память о
прободенном, пройтанном пути и передавших
память эту сыну — для продолжения и
развития. Главная задача всех недругов на-
ших, всех русофобских сил, внутренних и
внешних, — пресечь эту память, и потому
значение данной работы надо оценить,
мне думается, стояна и высоко — отметить,

может быть, присуждением премии по
второй номинации нашего конкурса. Это,
по сути, будет премией всему роду Повет-
киных—Чиковых, противостоящих забвению
и тем самым отстаивающих не только
прошлое, но именно будущую жизнь сво-
их потомков, работающих на наше общее
русское самосознание и самоутверждение
в этом враждебном мире.

Несколько суховатое изложение истории
семьи здесь не мешает эмоциональному
восприятию происходившего, поскольку
сами за себя говорят факты. Вот хотя бы
один из них: прабабушка Алёши умерла при
родах в 1930 г. (родив Ирину, будущую ба-
бушку), и мать ее, родившая тогда же де-
вочку, выкормила грудью обеих — и внучку,
и дочку. А какое переплетение судеб, какие
драмы, трагедии обрушиваются на казачьи
роды в братоубийственную Гражданскую
войну — как на Осипа Даниловича Чикова,
воевавшего то за белых, то за красных, за-
тем отступившего с белоказаками в Ки-
тай. Есть и случаи, когда братья воюют
по разную сторону этой сатанинской, не
подберешь другого слова, междоусобицы, и
это должно служить нам предупреждением
сейчас, в нынешней навязанной нам смуте.

Надеемся, что члены Жюри внимательно
и непререваемо знакомятся с этой ра-
ботой и вынесут верное по ней решение.

Петр Краснов,
член Союза писателей России

Б'ЛГОГОРСКАЯ КР'ШНОСТЬ.
Съ р'днано офорта А. Чернышева.